В. ІЕНСЕНЪ.

Проф. С. ФРЕЙДЪ.

ГРАДИВА.

БРЕДЪ И СНЫ ВЪ ГРАДИВѢ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖИЗНЬ и ДУША“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЖИЗНЬ И ДУША“.

801-11
333

ГРАДИВА.

ФАНТАСТИЧЕСКОЕ ПРИКЛЮЧЕНІЕ ВЪ ПОМПЕѢ.

Вильгельмъ Іенсенъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.

Вѣры Барской.

ОДЕССА. — 1912.

6/363-40

ГРАДИВА.

Осматривая одинъ изъ крупныхъ музеевъ древностей въ Римѣ, Норбертъ Ганольдъ наткнулся на барельефъ, особенно привлекшій его вниманіе, и былъ очень обрадованъ, когда, по возвращеніи въ Германію, ему удалось получить превосходный гипсовый слѣпокъ съ этого произведенія. И вотъ уже нѣсколько лѣтъ виситъ этотъ гипсъ на стѣнѣ его рабочей комнаты, на почетномъ мѣстѣ среди полокъ съ книгами, озаряемый въ часы заката вечернимъ солнцемъ. Приблизительно въ треть натуральной величины изображена была на этомъ барельефѣ идущая римская дѣвушка,—virgo—, лѣтъ двадцати. Она ничѣмъ не напоминала часто попадающіяся рельефныя изображенія Венеры, Діаны или какой нибудь другой обитательницы Олимпа, также мало походила она на Психею или Нимфу. Ея образъ воплощалъ въ себѣ нѣчто буднично-повседневное, но будничное не въ низменномъ значеніи слова; казалось, что художникъ наскоро, на ходу запечатлѣлъ живую дѣйствительность совершенно такъ же, какъ въ наши дни онъ зарисовалъ бы ее въ видѣ эскиза на бумагѣ. Высокая, стройная фигура дѣвушки, слегка вьющіеся волосы, почти теряющіеся подъ складками платка, тонкій овалъ лица,— все это производило чарующее впечатлѣніе. Однако ясно было, что она не гонится за такимъ впечатлѣніемъ: красивыя черты выражали равнодушіе ко всему, происходящему кругомъ, спокойный взглядъ, устремленный въ пространство, говорилъ о нетронутой еще силѣ проницательности и сосредоточенной мысли. Такимъ образомъ, молодая женщина не привлекала пластической красотою формъ; въ ней было нѣчто чуждое античной скульптурѣ,— какая то естественная, простая дѣвичья

прелесть, которая, казалось, оживляетъ гипсъ. Эту прелесть придавала ей, повидимому, поза, въ которой дѣвушка была изображена. Слегка наклонивъ впередъ голову, лѣвой рукой приподымала она платье, ниспадающее живописными складками, такъ что видны были ноги въ сандаліяхъ. Лѣвую ногу продвинула она впередъ, а правымъ носкомъ лишь слегка прикасалась къ землѣ, причемъ подошву и пятку поднимала почти отвѣсно. Отъ этого получалось двоякое впечатлѣніе: крайне легкой подвижности идущей женщины и въ то же время спокойной самоувѣренности. И это соединеніе парящаго полета съ твердымъ шагомъ придавало ей своеобразную красоту.

Въ какой странѣ, въ какомъ городѣ шла она такимъ образомъ и куда она направлялась? Докторъ Норбертъ Ганольдъ, доцентъ археологіи, не находилъ въ этомъ барельефѣ ничего особенно интереснаго для своей науки. Это не было произведеніе великаго, стараго искусства, скорѣе это была римская жанровая картинка; онъ даже не могъ понять, что въ ней привлекло его вниманіе; но что то безспорно привлекло его, и сила этого перваго впечатлѣнія осталась непоколебленной. Чтобы какъ нибудь назвать эту скульптуру, онъ далъ ей имя „Gradiva“ — „Шествующая“: правда, это былъ эпитетъ, приписываемый древними поэтами исключительно Марсу — „Марсъ Градивусъ“ — богу войны, выступающему въ бой, — однако Норберту казалось, что этимъ прозвищемъ онъ лучше всего выразитъ позу и движеніе молодой дѣвушки или — если хотите — молодой дамы, ибо несомнѣнно она принадлежала не къ низшимъ сословіямъ, а была дочерью „благороднаго“; во всякомъ случаѣ отецъ ея былъ honesto loco ortus *). Быть можетъ, — приходило ему въ голову — принадлежала она къ семьѣ

---

*) Происходящій изъ почтеннаго рода.

какого нибудь патриціанскаго эдила, служившаго культу Цереры, и шла въ храмъ богини.

Но что-то мѣшало молодому археологу представить ее себѣ въ рамкахъ большого, шумнаго города—Рима. Ея спокойная, тихая манера не соотвѣтствовала, по его мнѣнію, пестрой сутолокѣ, гдѣ люди не обращаютъ вниманія другъ на друга; скорѣе подходила она къ обстановкѣ маленькаго городка, гдѣ всякій встрѣчный зналъ ее и, остановившись и глядя ей вслѣдъ, говорилъ своему спутнику: „Это—Градива"... Норбертъ никакъ не могъ замѣнить это прозвище настоящимъ именемъ „дочь". „Ея походка красивѣе, чѣмъ у всѣхъ дѣвушекъ нашего города"...

Какъ будто онъ, дѣйствительно, слышалъ эти рѣчи,—такъ прочно засѣли онѣ ему въ голову. Затѣмъ у него сложилась другая догадка, почти увѣренность. Во время своего италіанскаго путешествія онъ посвятилъ нѣсколько недѣль изученію древнихъ развалинъ Помпеи, и уже въ Германіи однажды пришла ему въ голову мысль, что женщина, изображенная на барельефѣ, проходитъ гдѣ то тамъ—въ этомъ древнемъ городѣ—по особымъ каменнымъ плитамъ, которыя давали возможность въ дождливую погоду переходить на другую сторону улицы, не мѣшая въ то же время проѣзду экипажей. И вотъ онъ видѣлъ, какъ одна нога ея уже перешагнула черезъ пролетъ между двумя плитами, а другая еще не оторвалась отъ земли, и когда онъ глядѣлъ на нее, шествующую,—въ его воображеніи возникала, какъ живая, вся окружающая ее обстановка. Дополняя картину своими познаніями по археологіи, онъ рисовалъ себѣ тянущіеся вдоль улицы, по бокамъ ея, два ряда домовъ, коегдѣ храмы, колоннады. Кругомъ кипѣла жизнь, шла бойкая торговля,—tabernae officinae canponae,—лавочки, мастерскія, кабачки; булочники раскладывали свои хлѣбы, глиняные кувшины, укрѣпленные на мраморныхъ прилавкахъ, предла-

гали все необхс е для хозяйства и кухни; на перекресткѣ улицы сидѣла ;нщина съ корзинами и продавала зелень и плоды; она очистила наполовину нѣсколько большихъ грецкихъ орѣховъ, чтобы соблазнить покупателя видомъ свѣжаго и крупнаго плода. Куда ни обращался взоръ, всюду были живыя краски, пестро размалеванныя стѣны, колонны съ красными и желтыми капителями; все искрилось и ослѣпительно сіяло въ полуденномъ солнцѣ. Дальше вглубь поднималась на высокомъ цоколѣ бѣлоснѣжная статуя, а за нею вдали виднѣлась затуманенная дрожащей игрой раскаленнаго воздуха гора Везувій, но не такая, какъ теперь—конусообразная, коричневая, пустынная, — а покрытая до самой расколотой крутой вершины изумрудной растительностью. По улицѣ двигалось мало людей, да и тѣ, по возможности, искали тѣни—жаръ лѣтняго полудня обезсилилъ обычно дѣловую жизнь. И среди всего этого разнообразія шла по переходнымъ плитамъ Градива, спугнувъ съ нихъ золотисто-зеленую ящерицу.

Какъ живая, стояла эта картина передъ глазами Норберта Ганольда, но, когда онъ изо дня въ день разсматривалъ голову дѣвушки у него постепенно начало складываться новое представленіе. Ему все болѣе и болѣе казалось, что черты ея не римскаго или латинскаго типа, а скорѣе греческаго, и мало по малу онъ сталъ убѣждаться въ ея эллинскомъ происхожден і. Это происхожденіе можно было объяснить тѣмъ фактомъ, что въ древности весь югъ Италіи былъ заселенъ выходцами изъ Греціи; а отсюда вытекали уже дальнѣйшіе, пріятные для молодого археолога выводы. Легко было предположить, что молодая „domina“ *) говорила въ своей семьѣ по-гречески и воспитывалась въ духѣ эллинизма. При болѣе внимательномъ изученіи эту

*) Госпожа.

догадку подтверждало также и выраженіе лица; за его непритязательностью безспорно скрывалось что то умное и тонкое, одухотворенное.

Однако эти соображенія не могли оправдать дѣйствительнаго археологическаго интереса къ маленькой скульптурѣ, и Норбертъ сознавалъ, что его неудержимо влечетъ къ ней нѣчто другое, хотя несомнѣнно близкое его наукѣ. Онъ считалъ необходимымъ выяснить, изобразилъ ли художникъ картину движенія идущей Градивы соотвѣтственно дѣйствительности. Этого вопроса онъ не могъ разрѣшить, и его богатая коллекція снимковъ пластическихъ произведеній древности тоже не могла помочь ему въ этомъ. Ему казалось преувеличеннымъ почти отвѣсное положеніе правой ноги; при всѣхъ опытахъ, произведенныхъ имъ на себѣ самомъ, никогда не получалось такого крутого наклона ноги, какъ у Градивы; формулируя свои наблюденія математически, онъ пришелъ къ заключенію, что его нога въ тотъ моментъ, когда она отрывается отъ земли, образуетъ половину прямого угла, и это казалось ему естественнымъ для механики хожденія, ибо было наиболѣе цѣлесообразнымъ. Однажды онъ задалъ этотъ вопросъ своему пріятелю, молодому анатому, зашедшему навѣстить его, но и тотъ не могъ дать рѣшительнаго отвѣта, такъ какъ онъ никогда не занимался наблюденіями въ этой области. Онъ признался, что его личный опытъ совпадаетъ съ опытомъ Ганольда, однако не могъ сказать, отличается ли женская походка отъ мужской; такъ вопросъ и остался нерѣшеннымъ.

Все же этотъ разговоръ не прошелъ безслѣдно; послѣ него Норберту Ганольду пришло въ голову разрѣшить интересующую его загадку посредствомъ наблюденій надъ самой жизнью. Правда, женщины были для него до сихъ поръ лишь отвлеченнымъ понятіемъ, воплощеннымъ въ мраморъ или бронзу, и онъ никогда не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго

вниманія. Но его жажда познанія пробудила въ немъ научное рвеніе, и онъ предался своеобразному изслѣдованію женской походки. Однако этому наблюденію, производящемуся въ сутолокѣ большого города, препятствовало многое, а потому результатовъ можно было ждать только отъ посѣщенія менѣе оживленныхъ улицъ. Да и здѣсь длинныя платья женщинъ часто лишали возможности опредѣлить ихъ походку, —короткія юбки встрѣчались, главнымъ образомъ, у служанокъ, а онѣ, за немногими исключеніями, не годились для рѣшенія вопроса, уже потому, что носили грубую обувь. Все-таки онъ настойчиво продолжалъ свои наблюденія и въ сухую и въ дождливую погоду; онъ замѣтилъ, что въ послѣднемъ случаѣ скорѣе можно добиться успѣха, такъ какъ дамы вынуждены приподнимать платья. Несомнѣнно многимъ изъ нихъ бросался въ глаза его пристальный взглядъ, устремленный на ихъ ноги; нерѣдко дама выражала свое недовольство, давая ему понять, что считаетъ его поведеніе дерзкимъ или безтактнымъ; по временамъ въ женскихъ глазахъ свѣтилось нѣчто противоположное,—вѣдь онъ былъ молодымъ человѣкомъ привлекательной наружности — нѣчто ободряющее; но онъ не понималъ ни того, ни другого. Въ концѣ концовъ ему удалось собрать значительное число разнообразныхъ наблюденій. Однѣ женщины шли медленно, другія быстро, однѣ тяжеловѣсно, другія легкой походкой. Нѣкоторыя лишь скользили подошвой по землѣ, и только немногія приподнимали ступню до болѣе изящнаго крутого уклона. И все-таки ни одна изъ нихъ не повторяла походки Градивы; итакъ, Норбертъ, очевидно, не ошибся въ своей археологической оцѣнкѣ барельефа. Но, съ другой стороны, эти наблюденія огорчили его, такъ какъ отвѣсное положеніе правой ноги казалось ему красивымъ, и онъ сожалѣлъ, что оно было созданіемъ фантазіи ваятеля и не отвѣчало дѣйствительности.

Вскорѣ послѣ того, какъ онъ пришелъ къ этому выводу, ему приснился страшный сонъ. Онъ увидѣлъ себя въ древней Помпеѣ, какъ разъ 24-го августа 79 года, въ день ужаснаго изверженія Везувія. Небо окутало обреченный городъ чернымъ плащемъ; лишь мѣстами можно было видѣть сквозь просвѣты какія то массы, залитыя кроваво-краснымъ свѣтомъ вырывающихся изъ кратера огненныхъ потоковъ; всѣ жители искали спасенія въ бѣгствѣ,—одни врозь, другіе сбившись въ кучи, обезумѣвъ, потерявъ самообладаніе отъ невѣдомаго ужаса. На Норберта сыпались шлаки и пепельный дождь; но, какъ это случается во снѣ, они не стѣсняли его дыханія. Когда онъ стоялъ такимъ образомъ на краю Форума у храма Юпитера, онъ вдругъ увидѣлъ недалеко отъ себя Градиву: до этой минуты ему даже въ голову не приходило, что она можетъ быть здѣсь, но теперь сразу показалось вполнѣ естественнымъ, что она, помпеянка, живетъ въ своемъ родномъ городѣ въ одно время съ нимъ, хотя онъ этого и не подозрѣвалъ. Онъ узналъ ее съ перваго взгляда,—ея каменный портретъ оказался похожимъ на оригиналъ до послѣднихъ мелочей, точно также и ея походка; онъ невольно опредѣлилъ ее словомъ „lente festinans“ *). Такъ шла она спокойно-быстро по каменнымъ плитамъ Форума къ храму Аполлона съ характернымъ для нея безразличіемъ ко всему окружающему. Казалось, она даже не замѣчала разразившагося надъ городомъ бѣдствія и была поглощена своими мыслями; это заставило и его—правда, на нѣсколько минутъ—забыть страшную дѣйствительность. Чувствуя, что живой образъ ея быстро исчезнетъ, онъ старался возможно точнѣе запечатлѣть его. И вдругъ, какъ блескъ молніи, пронеслась въ головѣ мысль, что, если она сейчасъ же не спасется, она погибнетъ вмѣстѣ со всѣми, и крикъ ужаса

*) Медленно торопящаяся

сорвался изъ его устъ. Она услышала его: ея голова повернулась, передъ нимъ мелькнуло на мигъ ея недоумѣвающее лицо, — и опять тѣмъ же шагомъ продолжала она прежній путь. Только лицо ея стало еще блѣднѣе, словно она превращалась въ мраморъ; она дошла до самаго портика храма, тамъ сѣла между колоннами на ступень лѣстницы и медленно положила на нее голову. Теперь шлаки сыпались такъ густо, что образовали сплошную непроницаемую завѣсу, и Норбертъ потерялъ ее изъ виду. Бросившись въ ту сторону, гдѣ она исчезла, онъ увидѣлъ ее лежащей подъ выступомъ крыши. Неподвижно вытянувшись на широкой ступени, она не дышала, повидимому, задохнувшись отъ сѣрныхъ испареній. Красный свѣтъ Везувія озарялъ ея лицо, казавшееся благодаря опущеннымъ вѣкамъ, прекрасной скульптурой; оно не было искажено страхомъ, печать полнаго безразличія и спокойнаго примиренія съ неизбѣжнымъ лежала на немъ. Но скоро черты стали неясны, такъ какъ вѣтеръ, гнавшій теперь въ эту сторону пепельный дождь, покрылъ лежавшую какъ бы сѣрымъ флеромъ, погасилъ послѣдніе отблески свѣта на ея лицѣ и вскорѣ совсѣмъ укуталъ ее, какъ зимняя метель на сѣверѣ, ровнымъ покровомъ. Вокругъ нея стояли еще засыпанныя до половины колонны храма Аполлона, но и ихъ уже забрасывала сѣрая масса пепла.

Когда Норбертъ Ганольдъ проснулся, въ ушахъ у него все еще звучали смятенные крики жителей Помпеи, ищущихъ спасенія, и глухо рычащій прибой бушующаго моря. Но потомъ онъ пришелъ въ себя; апрѣльское утро глядѣло въ его комнату, бросая на постель снопы солнечнаго свѣта, съ улицы несся многоголосный шумъ большого города, крики продавцевъ и грохотъ экипажей. Но передъ раскрытыми глазами все еще стояло сновидѣніе, — яркое, во всѣхъ своихъ подробностяхъ, — и понадобилось довольно времени, чтобъ ос-

вободиться отъ мысли, что онъ дѣйствительно присутствовалъ въ памятную ночь при драмѣ, разыгравшейся 2000 лѣтъ тому назадъ въ неаполитанской бухтѣ. Только одѣваясь, постепенно отдѣлался онъ отъ этого чувства, но даже усиліемъ критической мысли онъ не могъ освободиться отъ представленія, что Градива жила въ Помпеѣ и тамъ была засыпана вмѣстѣ съ другими въ 79 году. Первое изъ этихъ предположеній даже укрѣпилось въ немъ до безспорности, а къ нему присоединилось и второе. Съ чувствомъ грусти смотрѣлъ онъ на старый барельефъ, пріобрѣвшій теперь для него новое значеніе. Это былъ въ нѣкоторомъ родѣ надгробный памятникъ, въ которомъ художникъ сохранилъ для потомства портретъ женщины, такъ рано ушедшей изъ жизни. И когда онъ смотрѣлъ теперь на ея образъ, вкладывая въ него свое новое пониманіе, у него не оставалось уже ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что въ роковую ночь она, дѣйствительно, умерла такъ спокойно, какъ это показалось ему во снѣ. Старая поговорка утверждаетъ, что именно своихъ любимцевъ уносятъ боги съ земли въ годы цвѣтущей юности.

Не надѣвая воротничка, въ легкомъ домашнемъ костюмѣ, въ комнатныхъ туфляхъ, легъ Норбертъ на открытое окно и смотрѣлъ на улицу. Добравшаяся, наконецъ, и до сѣвера весна стояла на дворѣ, и хотя въ каменныхъ колодцахъ города о ней можно было судить только по голубому небу и мягкому воздуху, все же какое то томленіе волновало чувства, пробуждало тоску по солнечнымъ далямъ, по зеленой листвѣ, по аромату, по пѣнію птицъ; слабые отголоски весны доносились и сюда,— торговки на улицѣ украсили свои корзины пестрыми букетиками полевыхъ цвѣтовъ, а на открытомъ окнѣ громко заливалась запертая въ клѣтку канарейка. Норберту было жаль бѣдной птички; несмотря на ликующій тонъ, въ ея ясномъ пѣніи слышалась тоска по свободѣ, по далекимъ странамъ.

Но мысли молодого археолога лишь мелькомъ остановились на этой картинѣ, ибо ихъ поглотило теперь нѣчто иное. Только сейчасъ пришло ему въ голову, что онъ не обратилъ надлежащаго вниманія на то, дѣйствительно ли ожившая въ его снѣ Градива шла такой походкой, какъ ее изобразила скульптура, и какой современныя женщины во всякомъ случаѣ не ходятъ. Это было тѣмъ болѣе странно, что его научный интересъ къ рельефу возбужденъ былъ какъ разъ этой походкой; но, понятно, что онъ могъ и не замѣтить ея, охваченный волненіемъ за жизнь дѣвушки, которой грозила такая опасность. И онъ тщетно старался теперь возстановить въ памяти ея походку.

Вдругъ онъ вздрогнулъ: въ первое мгновеніе онъ не могъ даже сообразить почему. Но потомъ онъ понялъ: внизу по улицѣ, спиною къ нему, шла легкимъ шагомъ женщина, по виду и одеждѣ, молодая дама. Лѣвой рукой она слегка приподнимала край платья, и ему показалось, что, когда она, во время ходьбы, на мгновеніе опирается на носокъ узкой ноги, ступня ея поднимается отвѣсно вверхъ. Но такъ какъ онъ смотрѣлъ сверху внизъ и ихъ раздѣляло большое разстояніе, онъ не могъ съ увѣренностью убѣдиться въ этомъ.

Мгновенно Норбертъ Ганольдъ очутился посреди улицы, не отдавая себѣ отчета, какъ онъ туда попалъ. Какъ мальчикъ, скользя по периламъ, спустился онъ съ быстротой молніи по лѣстницѣ, и пробрался среди экипажей, возовъ и людей. Окружающіе смотрѣли на него удивленными глазами, съ ихъ устъ срывались шутливые, полунасмѣшливые возгласы. Но онъ не понималъ, что они относятся къ нему, онъ искалъ взглядомъ молодую даму и ему казалось, что на разстояніи двухъ десятковъ шаговъ впереди онъ различаетъ ея платье, но только верхнюю часть,--нижней же половины и ногъ онъ совершенно не могъ разглядѣть, такъ

какъ ихъ закрывали отъ него толпящіеся на тротуарѣ люди. Въ это время какая то старая, добродушная торговка взяла его за рукавъ, придержала и спросила, слегка усмѣхаясь: „Скажите, сынокъ, навѣрно вы сегодня ночью влили въ себя слишкомъ много жидкости, если ищете свою постель на улицѣ. Лучше сходите домой и полюбуйтесь на себя въ зеркало“. Смѣхъ окружающихъ подтвердилъ, что онъ одѣтъ неподходяще для публичнаго мѣста, и тутъ только онъ сообразилъ, до какой степени безсознательно выбѣжалъ изъ своей комнаты. Это его смутило, такъ какъ онъ считался съ внѣшними приличіями, и, отказавшись отъ своихъ намѣреній, онъ быстро вернулся домой. Но, видно, чувства его находились еще подъ властью сновидѣнія и обманывали его ложными образами, ибо у него запечатлѣлся послѣдній моментъ, когда при смѣхѣ и крикахъ толпы, молодая дама на мгновеніе повернула голову, и ему показалось, что на него смотритъ не чужое лицо, а лицо Градивы.

Богатство доктора Норберта Ганольда дѣлало его неограниченнымъ господиномъ своихъ дѣлъ и поступковъ, и, когда у него возникало какое нибудь желаніе, онъ осуществлялъ его, считаясь только съ самимъ собой. Этимъ онъ отличался отъ канарейки, которая только въ пѣснѣ могла выразить свое врожденное стремленіе вырваться изъ клѣтки на солнечный просторъ,—да и это было безуспѣшно. Впрочемъ, въ остальномъ было много сходныхъ чертъ у молодого археолога съ этой птицей. Онъ тоже родился и воспитывался не какъ свободное существо; съ самаго рожденія онъ находился въ той клѣткѣ, которая создается семейной традиціей и воспитаніемъ и опредѣляетъ дальнѣйшую судьбу человѣка. Съ ранняго дѣтства въ домѣ родителей не было ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что онъ, какъ единствен-

ный сынъ профессора университета и изслѣдователя древностей, призванъ поддерживать на томъ же поприщѣ блескъ фамильнаго имени, и даже усилить его; эту дѣятельность считалъ онъ издавна своей жизненной задачей. Онъ отдавался ей и тогда, когда, послѣ ранней смерти родителей, остался совершенно одинокимъ, прекрасно выдержалъ филологическій экзаменъ и совершилъ обычное научное путешествіе по Италіи, гдѣ увидѣлъ въ оригиналѣ множество произведеній древней скульптуры, которыя были доступны ему до тѣхъ поръ только въ снимкахъ. Нигдѣ не могъ онъ встрѣтить болѣе поучительнаго матеріала, чѣмъ въ музеяхъ Флоренціи, Рима и Неаполя; онъ самъ сознавалъ, что пребываніе тамъ использовалъ лучшимъ образомъ для обогащенія своего спеціальнаго образованія, и вернулся изъ путешествія съ новымъ запасомъ знаній, рѣшившись цѣликомъ отдаться своей наукѣ. Онъ только смутно ощущалъ, что кромѣ этихъ предметовъ далекаго прошлаго вокругъ него имѣется также настоящее. Для него мраморъ и бронза были не мертвой матеріей, а единственными живыми существами, — выразителями цѣлей и цѣнности человѣческой жизни. Такъ жилъ онъ между своихъ стѣнъ, книгъ и картинъ, не нуждаясь ни въ какихъ другихъ собесѣдникахъ, даже, по возможности, избѣгая всякаго общенія съ людьми, какъ пустой траты времени. Съ большой неохотой и изрѣдка поддерживалъ онъ, по необходимости, нѣкоторыя традиціонныя знакомства своихъ родителей. И всѣ знали, что, бывая въ обществѣ, онъ совершенно не замѣчаетъ того, что происходитъ вокругъ. Сейчасъ же послѣ обѣда или ужина при первой возможности, онъ откланивался и при встрѣчѣ на улицѣ даже не здоровался ни съ кѣмъ изъ тѣхъ лицъ, съ которыми сидѣлъ за столомъ. Это, конечно, мало располагало къ нему людей, особенно молодыхъ дамъ: если ему даже и случалось въ видѣ исключенія обмѣняться нѣсколь-

кими словами съ какой-нибудь дамой, онъ все таки при встрѣчѣ съ нею, не кланяясь, смотрѣлъ на нее, какъ будто видѣлъ ее впервые.

Сама ли по себѣ археологія является такой оригинальной наукой, или только такъ преломлялась она въ мозгу Норберта Ганольда, но вмѣстѣ со своей археологіей онъ очень мало привлекалъ къ себѣ людей, да и самъ не умѣлъ пользоваться наслажденіями жизни, что такъ свойственно юности. Однако, въ противовѣсъ этому, природа, быть можетъ съ добрыми намѣреніями, надѣлила его чрезвычайно живой фантазіей, которая проявлялась не только въ сновидѣніяхъ, но часто и на яву, —и это мѣшало ему приспособляться къ трезвой и строгой методикѣ изслѣдованія. Но это опять таки увеличивало сходство между нимъ и канарейкой. Она родилась въ плѣну, никогда не знала ничего, кромѣ тѣсной клѣтки, и все-таки она чувствовала, что чего то ей не хватаетъ, и жажду этого невѣдомаго она выражала звуками своей пѣсни. Такъ понималъ ее Норбертъ Ганольдъ, и, когда, вернувшись въ свою комнату, опять улегся на окнѣ, ему снова стало жаль птицы; но сегодня кромѣ того онъ испытывалъ родственное ощущеніе,—ему тоже чего то недоставало, и онъ не могъ сказать, чего именно. Однако, эти размышленія были безполезны. Мягкій весенній воздухъ, солнечные лучи, даль съ ея ароматами рождали въ немъ неясное возбужденіе,—и ему казалось, что онъ тоже сидитъ здѣсь въ клѣткѣ за рѣшеткой. Легче стало отъ сознанія что ему лучше, чѣмъ канарейкѣ, потому что у него есть крылья, и ничто не можетъ помѣшать ему вылетѣть, при желаніи, на волю.

Это представлялось уже извѣстнымъ положеніемъ, которое можно было развивать логически дальше. Однако Норберту не много пришлось размышлять, и въ его головѣ быстро созрѣла мысль отправиться въ весеннее путешествіе

Въ тотъ же день осуществилъ онъ ее, уложилъ свой легкій чемоданъ, бросилъ въ сумерки прощальный, полный сожалѣнія, взглядъ на Градиву, которая, въ свѣтѣ послѣднихъ лучей солнца, казалось, быстрѣе обычнаго шла по каменнымъ плитамъ, и уѣхалъ съ ночнымъ курьерскимъ поѣздомъ на югъ. И хотя его натолкнуло на мысль о путешествіи какое то смутное чувство, все же въ далнѣйшемъ онъ пришелъ къ заключенію использовать свою поѣздку въ научныхъ цѣляхъ. Онъ вспомнилъ, что не выяснилъ въ Римѣ нѣкоторыхъ важныхъ археологическихъ вопросовъ, касающихся многихъ статуй, и теперь отправился туда безъ остановокъ.

Не каждому дано испытать наслажденіе отъ поѣздки, когда путешествуешь весною изъ Германіи въ Италію молодымъ, богатымъ, независимымъ, потому что даже при всѣхъ этихъ данныхъ не всѣ люди обладаютъ и чувствомъ красоты. Особенно велико это наслажденіе, когда, оставаясь вдвоемъ въ медовые дни и недѣли свадебнаго путешествія, встрѣчаешь и провожаешь все, что попадается на пути, съ какимъ то необычайнымъ восторгомъ, безчисленными восклицаніями и, въ концѣ концовъ, возвращаешься домой съ тѣми же переживаніями и ощущеніями, которыя испыталъ-бы, никуда не уѣзжая. По альпійскимъ долинамъ къ теплымъ странамъ, изъ которыхъ какъ разъ въ это время возвращаются перелетныя птицы, направляются обыкновенно весною брачныя пары. Во время всего путешествія къ Норберту доносились со всѣхъ сторонъ шумъ птичьихъ крыльевъ и ихъ голоса, словно онъ находился въ какой то подвижной голубятнѣ, и впервые въ жизни онъ былъ вынужденъ болѣе подробно присматриваться и прислушиваться къ окружающимъ его людямъ. Хотя по языку всѣ они были его соотечественниками-нѣмцами, все же племенное сродство не вы-

зывало въ немъ особеннаго чувства гордости. Напротивъ, онъ убѣдился въ томъ, что до сихъ поръ поступалъ вполнѣ разумно, удѣляя какъ можно меньше вниманія живому виду homo sapiens классификаціи Линнея. Особенно касалось это женской половины названнаго вида; Ганольду впервые приходилось видѣть на такомъ близкомъ разстояніи лицъ, соединенныхъ взаимнымъ влеченіемъ, и онъ никакъ не могъ понять, что собственно влекло ихъ другъ къ другу. Для него было непостижимо, почему женщины выбрали именно этихъ мужей, но еще загадочнѣе было, почему выборъ мужчинъ палъ на этихъ женщинъ. Всякій разъ, когда онъ подымалъ голову и взглядъ его падалъ на кого-либо изъ нихъ, онъ не находилъ ни одного лица, которое привлекало бы взоръ внѣшнимъ изяществомъ или указывало-бы на какую-либо внутреннюю работу мысли или чувства. Во всякомъ случаѣ у Ганольда не было мѣрила для правильной оцѣнки женской красоты, потому что современныхъ женщинъ, конечно, нельзя было сравнить съ величественной красотой древнихъ произведеній искусства; но у него было смутное чувство, что онъ не грѣшитъ противъ истины, когда не находитъ во всѣхъ этихъ лицахъ ничего привлекательнаго.

Такъ раздумывалъ онъ цѣлыми часами надъ странными поступками людей и пришелъ, наконецъ, къ тому выводу, что среди всѣхъ человѣческихъ безразсудствъ первое мѣсто занимаетъ бракъ,—какъ самая крупная и самая непонятная и что всѣ эти безсмысленныя свадебныя путешествія въ Италію являются верхомъ человѣческой глупости.

И снова вспоминалась ему канарейка, которую онъ оставилъ дома: онъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ, какъ въ клѣткѣ; со всѣхъ сторонъ его окружали восторженныя, молодыя пары, которыя мѣшали ему даже смотрѣть въ окно вагона. Вѣроятно поэтому предметы, мелькавшіе за окнами передъ его глазами, рождали въ немъ теперь иныя впеча-

тлѣнія, чѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Листья оливковыхъ деревьевъ блестѣли болѣе сильнымъ серебристымъ цвѣтомъ, одиноко торчавшіе къ небу то здѣсь, то тамъ кипарисы и пиніи пріобрѣтали болѣе красивыя и своеобразныя очертанія; деревушки, расположенныя въ горахъ, казались болѣе очаровательными, словно все, что онъ видѣлъ, было индивидуальностью съ своеобразнымъ выраженіемъ лица, а Тразиментское озеро имѣло такую нѣжную голубую окраску, какой онъ не видалъ еще никогда раньше на озерахъ. У него было такое чувство, словно по обѣ стороны рельсъ открывались новые пейзажи,— словно прежде ему приходилось проѣзжать здѣсь всегда въ сумерки или въ дождливую погоду, а теперь онъ какъ-будто впервые видѣлъ природу въ богатствѣ ея красокъ, озолоченную солнцемъ. Раза два поймалъ онъ себя на невѣдомомъ ему до тѣхъ поръ желаніи соскочить съ поѣзда и пѣшкомъ поискать дороги къ тому или другому мѣсту, которое манило его чѣмъ-то своеобразнымъ, таинственнымъ. Однако онъ не поддался этому безразсудному желанію, и курьерскій поѣздъ доставилъ его прямо въ Римъ. Уже подъѣзжая къ городу, онъ увидѣлъ развалины храма Венеры Медицейской, которыми его встрѣтилъ древній міръ. Освободившись отъ своей клѣтки, наполненной „inseparable'ями", устроился онъ предварительно въ знакомой ему гостиницѣ, чтобы затѣмъ, не торопясь, подыскать подходящую квартиру.

Весь слѣдующій день онъ провелъ въ поискахъ квартиры; не найдя ея, вернулся вечеромъ въ свой отель и легъ спать, утомленный непривычнымъ итальянскимъ воздухомъ, солнечнымъ жаромъ, продолжительной прогулкой и уличнымъ шумомъ. Онъ уже сталъ засыпать, когда былъ разбуженъ неожиданнымъ шумомъ: въ сосѣдній номеръ, отдѣленный отъ его комнаты дверью, которая была заставлена шкафомъ, вошло двое гостей, занявшихъ его еще

утромъ. Судя по ихъ голосамъ, доносившимся къ нему сквозь тонкую перегородку,— это были мужчина и женщина, принадлежавшіе, безспорно, къ классу нѣмецкихъ весеннихъ перелетныхъ птицъ, съ которыми онъ вчера пріѣхалъ изъ Флоренціи. Ихъ настроеніе служило лучшей похвалой римскимъ ресторанамъ, а крѣпкое вино „Castelli romani" развязало ихъ языки и они выражали свои чувства и впечатлѣнія довольно громко на сѣверно-нѣмецкомъ нарѣчіи:

— „Мой единственный Августъ!".

— „Моя сладкая Грета!".

— „Ну вотъ мы опять вмѣстѣ".

— „Да, наконецъ, мы опять одни".

— „Что еще завтра мы должны осмотрѣть?"

— „За завтракомъ мы увидимъ въ Бэдекерѣ, гдѣ еще намъ необходимо побывать".

— „Мой единственный Августъ, ты мнѣ гораздо больше нравишься, чѣмъ Аполлонъ Бельведерскій. !

— „Я часто думаю, моя сладкая Грета, что ты много красивѣе капитолійской Венеры".

— „А эта огнедышащая гора, на которую мы хотимъ взобраться,— она далеко отсюда?".

— „Нѣтъ, мнѣ кажется, надо проѣхать еще нѣсколько часовъ по желѣзной дорогѣ".

— „А, если-бы при насъ началось изверженіе,— что-бы ты сдѣлалъ?".

— „Конечно, я захотѣлъ бы спасти тебя... Я взялъ бы тебя вотъ такъ на руки"...

— „Не уколись только о булавку"...

— „Я былъ бы счастливъ пролить за тебя мою кровь".

— „Мой единственный Августъ".

— „Моя сладкая Грета".

На этомъ пока разговоръ прекратился. Норбертъ слышалъ еще какое-то неопредѣленное передвиганіе стульевъ,

потомъ все стихло, и онъ опять погрузился въ полусонъ. Во снѣ онъ очутился въ Помпеѣ какъ разъ во время извержения Везувія. Пестрая толпа спасающихся людей кишѣла вокругъ него. Вдругъ онъ увидѣлъ въ толпѣ Аполлона Бельведерскаго, который поднялъ Капитолійскую Венеру и положилъ на какой-то предметъ, въ безопасномъ мѣстѣ, въ тѣни; повидимому это былъ экипажъ или тележка, на которой ее должны были увезти, потому что вслѣдъ за этимъ послышался грохотъ. Этотъ миѳологическій фактъ не удивилъ молодого археолога; ему показалось только страннымъ, чта оба они говорили не по-гречески, а по-нѣмецки, ибо немного спустя, наполовину проснувшись, онъ услышалъ ихъ голоса:

— „Моя сладкая Грета".

— „Мой единственный Августъ".

Но вслѣдъ за тѣмъ сновидѣніе совершенно перемѣнилось. Вмѣсто спутанныхъ звуковъ наступила безмолвная тишина, и вмѣсто дыма и пламени на развалины засыпаннаго города легъ горячій солнечный свѣтъ. Городъ тоже постепенно преображался: скоро онъ превратился въ большую постель, по бѣлымъ простынямъ которой поползли золотые лучи до самыхъ глазъ Норберта Ганольда, и онъ проснулся, разбуженный раннимъ римскимъ утромъ.

Но и въ немъ самомъ что-то измѣнилось; онъ самъ не могъ бы сказать, какъ это произошло, но имъ опять овладѣло, какое то странное, щемящее чувство, словно запертъ онъ въ клѣтку, которая на этотъ разъ называется Римомъ. Когда онъ открылъ окно, у него въ ушахъ зазвучали еще рѣзче, чѣмъ на его родинѣ, разноголосые выкрики уличныхъ продавцевъ; онъ попалъ изъ одной шумной каменной шахты въ другую. Непонятное чувство удерживало его вдали отъ коллекцій древностей, отъ возможной встрѣчи съ Аполлономъ Бельведерскимъ и Капитолійской Венерой.

И вотъ послѣ короткаго раздумья онъ отказался отъ своего плана отыскать квартиру, наскоро уложилъ опять свой чемоданъ и отправился по желѣзной дорогѣ дальше на югъ. Чтобы избѣжать общества „inseperable'ей“ онъ поѣхалъ въ вагонѣ третьяго класса, разсчитывая въ то же время встрѣтить тамъ интересные и полезные для него съ научной точки зрѣнія итальянскіе народные типы, служившіе нѣкогда натурой для античнаго искусства. Но онъ встрѣтилъ только обычную въ этой странѣ грязь, невыносимо вонючія сигары „Монополь“, маленькихъ искривленныхъ человѣчковъ, размахивающихъ руками и ногами, да представительницъ женскаго пола, по сравненію съ которыми его соотечественницы рисовались въ его воспоминаніи почти олимпійскими божествами.

Два дня спустя Норбертъ Ганольдъ поселился въ весьма сомнительномъ помѣщеніи, называемомъ „camera“ *), въ гостиницѣ „Діомедъ“ рядомъ съ украшеннымъ евкалиптусами „Ingresso“ входомъ на выставку помпеянскихъ раскопокъ. Онъ разсчитывалъ довольно долго пробыть въ Неаполѣ, чтобы опять основательно заняться скульптурой и стѣнной живописью въ Національномъ Музеѣ, но съ нимъ произошло то же самое, что и въ Римѣ. Въ залѣ помпеянской домашней утвари его окружило множество дамъ— цѣлое облако модныхъ женскихъ дорожныхъ туалетовъ, повидимому недавно только замѣнившихъ дѣвственныя атласныя, шелковыя и газовыя подвѣнечныя платья; каждую изъ нихъ сопровождалъ молодой или пожилой спутникъ въ такомъ же безукоризненномъ мужскомъ костюмѣ. Норбертъ сдѣлалъ уже такіе успѣхи въ этой новой области знанія, ему до сихъ поръ неизвѣстной, что съ перваго же взгляда узнавалъ въ каждомъ изъ нихъ Августа или Грету. Но

*) Комната.

здѣсь, въ публичномъ мѣстѣ, они уже разговаривали болѣе сдержанно.

— „Смотри, какъ это практично. Такую машинку для ѣды нужно будетъ и намъ пріобрѣсти!

— „Да, но для ѣды, которую готовитъ моя жена,—она должна быть серебряной“.

— „Почему ты увѣренъ, что ѣда, приготовленная мною, прійдется тебѣ по вкусу?“.

Вопросъ этотъ сопровождался лукавой улыбкой, и отвѣтомъ на него былъ блестящій, влажный взглядъ· „Все, что ты мнѣ ни приготовишь, покажется мнѣ прелестнымъ...“.

— „Посмотри, вѣдь это жъ наперстокъ! Развѣ у нихъ тогда уже существовали иголки?“.

— „Кажется, существовали; но тебѣ, мое сердце, этотъ наперстокъ не могъ бы пригодиться, онъ былъ-бы великъ даже для твоего большого пальца.

— „Ты въ самомъ дѣлѣ такъ думаешь? А тебѣ маленькія руки больше нравятся, чѣмъ большія?“.

— ‚Твои руки я отличу отъ рукъ всѣхъ женщинъ міра, даже въ темнотѣ“.

— „Все это, право, такъ интересно. Намъ необходимо еще съѣздить и въ самую Помпею...“.

— „Нѣтъ, не стоитъ, тамъ остались только старые камни и мусоръ. Бэдекеръ говоритъ, что все цѣнное перенесено сюда. Я боюсь, что солнце будетъ тамъ слишкомъ сильно жечь твою нѣжную кожу; этого я бы себѣ не простилъ“.

— „Вдругъ твоя жена сдѣлается негритянкой?“.

— „О нѣтъ, къ счастью, такъ далеко не идетъ моя фантазія. Но даже веснушка на твоемъ носикѣ сдѣлала бы меня несчастнымъ. Если ты согласна, мы лучше завтра съѣздимъ на Капри. Тамъ, говорятъ, все устроено очень

удобно, и въ чудесномъ свѣтѣ голубого грота я, наконецъ, узнаю, что выпало на мою долю въ лоттереѣ счастья".

— „Тише, кто-нибудь услышитъ... мнѣ стыдно. Но куда бы ты меня ни увезъ, мнѣ всюду хорошо, гдѣ бы мы ни были...".

Словомъ, тѣ же Августъ и Грета, только въ нѣсколько смягченномъ видѣ. Норбертъ Ганольдъ былъ въ такомъ состояніи, какъ будто его со всѣхъ сторонъ угощали жидкимъ медомъ и ему приходилось принимать его глотокъ за глоткомъ. Онъ почувствовалъ тошноту и убѣжалъ изъ Національнаго Музея въ ближайшій ресторанъ, чтобы выпить рюмку вермута. Ему не давалъ покоя вопросъ: зачѣмъ наполняютъ сотни такихъ паръ музеи Флоренціи, Рима и Неаполя, вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ размноженія въ своемъ родномъ отечествѣ? Однако, изъ цѣлаго ряда болтовни и любовныхъ разговоровъ онъ понялъ, что, по крайней мѣрѣ, большинство птичьихъ паръ не думаетъ вить гнѣзда на развалинахъ Помпеи, а считаетъ гораздо болѣе разумнымъ свернуть на Капри; отсюда у него быстро явилась потребность сдѣлать именно то, чего онѣ не дѣлали. Во всякомъ случаѣ, это давало ему надежду вырваться изъ этой перелетной компаніи и найти то, чего онъ напрасно искалъ здѣсь, въ странѣ заката. Ему нужна была тоже пара, но не брачная, а братская—безъ вѣчнаго щебетанія—тишина и наука, двѣ спокойныя сестры, которыя однѣ только могли дать ему умиротворяющее убѣжище. Свое стремленіе къ наукѣ,—если бы въ этомъ не было внутренняго противорѣчія, — Ганольдъ могъ бы назвать „страстнымъ". Часъ спустя онъ уже сидѣлъ въ „carozella" *), которая быстро уносила его по безконечной дорогѣ черезъ Портичи и Резину. Онъ ѣхалъ по улицѣ, торжественно убранной

*) Экипажъ, вродѣ дрожекъ.

какъ-будто для древнеримскаго тріумфатора: справа и слѣва почти въ каждомъ домѣ висѣли, точно желтые ковры, подсыхающія на солнцѣ необозримыя количества „pasta da Napoli“ *), любимаго лакомаго блюда населенія, въ видѣ толстыхъ и тонкихъ macheroni, vermicelli, spaghetti, cannelloni и fidelini **), которыя принимали тамъ специфическіе вкусовые оттѣнки отъ запаха сала кухмистерскихъ, столбовъ пыли, мухъ и блохъ, носящейся по воздуху рыбьей шелухи и прочихъ дневныхъ и ночныхъ примѣсей. Потомъ показался вблизи надъ коричневыми, покрытыми лавой, полями, конусъ Везувія, а справа открылся въ сіяющей синевѣ заливъ, точно подкрашенный жидкимъ малахитомъ и ляписъ-лазурью. Словно гонимая какимъ-то безумнымъ вихремъ, мчалась скорлупа на колесахъ, въ которой сидѣлъ Ганольдъ, по безжалостной мостовой Torre del Greco, миновала Torre dell'Annunziata, достигла обѣихъ гостиницъ— „Швейцарской“ и „Отель Діомедъ“, подобно Діоскурамъ, неустанно конкуррирующихъ между собой, и остановилась у послѣдней изъ нихъ, древне-классическое имя которой и теперь, — какъ и при первомъ посѣщеніи, — привлекло Ганольда; въ ней онъ и поселился. Съ величайшимъ спокойствіемъ смотрѣлъ на это владѣлецъ сосѣдней гостиницы, стоя у своей двери; онъ зналъ, что въ горшкахъ классическаго конкуррента варятъ на той же водѣ, что и въ его отелѣ, и что такъ соблазнительно выставленныя у „Діомеда“ для продажи древности, подобно его собственнымъ, и не думали проводить два тысячелѣтія подъ покровомъ лавы.

Такъ, вопреки ожиданіямъ и намѣреніямъ, Норбертъ Ганольдъ былъ въ нѣсколько дней перенесенъ съ нѣмецкаго сѣвера въ Помпею; онъ засталъ въ отелѣ „Діомеда“

---

*) Неаполитанское тѣсто.

**) Разновидности макаронъ.

не особенно много путешественниковъ, но зато всѣ комнаты кишѣли musca domestica communis—обыкновенной домашней мухой. Норберту никогда не приходилось испытывать бурныхъ вспышекъ своего темперамента, но по отношенію къ этимъ двукрылымъ въ немъ кипѣла ненависть; онъ считалъ ихъ самой отвратительной изъ злостныхъ выдумокъ природы, изъ-за нихъ признавалъ безспорное преимущество зимы передъ лѣтомъ, какъ единственнаго времени, когда можно вести спокойное существованіе, и видѣлъ въ нихъ самое непроверж ... имое доказательство отсутствія разума въ міровомъ порядкѣ. Теперь ему пришлось сдѣлаться жертвой мухъ на нѣсколько мѣсяцевъ раньше, чѣмъ это бывало въ Германіи; цѣлыми дюжинами напали онѣ на него, какъ на долгожданную добычу, вертѣлись у него передъ глазами, жужжали въ ушахъ, путались въ волосахъ, бѣгали, щекоча, по носу, по лбу, по рукамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ напоминали ему парочки, совершающія свадебное путешествіе, говорили, очевидно, другъ другу на своемъ языкѣ „мой единственный Августъ" и „моя сладкая Грета; въ памяти истязуемаго проснулась тоска по „scacciamosche", великолѣпно устроенной хлопушкѣ для мухъ, которую онъ видѣлъ въ этрусскомъ музеѣ въ Болоньѣ, выкопанную изъ старой могилы. Значитъ, уже въ древности это гнусное созданье, было бичемъ человѣчества, болѣе злымъ и неискоренимымъ, чѣмъ скорпіоны, ядовитыя змѣи, тигры и акулы, которые причиняли только физическій вредъ своей жертвѣ, и отъ которыхъ можно было охранить себя разумными мѣрами. Но отъ обыкновенной комнатной мухи не было никакого спасенія; она, въ концѣ-концовъ, надламывала, разстраивала, разрушала духовную сущность человѣка, его способность къ мышленію и работѣ, всякое вдохновеніе и всякое художественное воспріятіе. Не голодъ и не жажда крови толкали ее къ этому, а исключительно дьявольское наслажденіе

мучить: она была „вещью въ себѣ“, въ которой абсолютное зло нашло свое выраженіе и свое воплощеніе. Этрусская „скаччіамоске“, деревянная ручка съ прикрѣпленнымъ къ ней пучкомъ тонкихъ кожанныхъ полосокъ, подтверждала это съ несомнѣнностью: такъ губила муха уже въ головѣ Эсхила самыя возвышенныя поэтическія мысли, толкала рѣзецъ Фидія къ непоправимымъ ошибкамъ, бѣгала по лбу Зевса, по груди Афродиты, по всѣмъ олимпійскамъ богамъ и богинямъ отъ головы до пятъ... Норбертъ глубоко чувствовалъ, что заслуга человѣка должна прежде всего оцѣниваться по количеству мухъ, которое онъ въ теченіе всей своей жизни, какъ мститель за весь свой родъ съ древнихъ временъ, убилъ, наткнулъ на булавки, сжегъ, вообще уничтожилъ въ ежедневныхъ гекатомбахъ.

Однако для такой мести у Ганольда не было необходимаго оружія, и, подобно героямъ древности, безсильнымъ, когда они сражались въ одиночку, онъ уступилъ многочисленному противнику, поле битвы или, вѣрнѣе, свою комнату. На улицѣ онъ подумалъ, что завтра ему придется пережить снова все это, но еще въ большемъ масштабѣ. Пребываніе въ Помпеѣ, очевидно, не могло ему дать покоя и удовлетворить его потребность въ тишинѣ. Ко всему этому еще присоединилось, правда весьма смутное, сознаніе, что причина его неудовлетворенности коренится не только во внѣшнихъ условіяхъ, но до извѣстной степени и въ немъ самомъ. Конечно, надоѣдливость мухъ была для него всегда очень противна, однако до такого бѣшенства, какъ сейчасъ, она его все же никогда не доводила. Несомнѣнно, что его нервы находились, благодаря путешествію, въ возбужденномъ и раздражительномъ состояніи, и это, повидимому, началось еще дома, какъ слѣдствіе проведенной въ комнатномъ воздухѣ зимы и переутомленія. Норбертъ былъ разстроенъ, онъ чувствовалъ, что ему чего-то не хватаетъ, — но чего

именно, онъ не могъ себѣ уяснить. Это настроеніе всюду сопровождало его; конечно, кружащіяся тучами мухи и брачныя пары мало способствовали тому, чтобы сдѣлать жизнь гдѣ бы то ни было пріятной. Но если бы онъ не хотѣлъ самообольщаться, онъ не долженъ былъ бы скрывать отъ себя, что, собственно говоря, онъ такъ же, какъ и эти пары безцѣльно и безсмысленно катается по Италіи, такъ же глухъ и слѣпъ ко всему окружающему, но только меньше способенъ наслаждаться. Его спутница,— наука,— была положительно похожа на старую монахиню-траппистку, не открывала рта, пока съ ней не заговорятъ, и ему показалось, что онъ скоро вообще забудетъ, на какомъ языкѣ объяснялся съ нею.

Попасть въ Помпею черезъ „входъ" было уже слишкомъ поздно. Норбертъ вспомнилъ, какъ онъ однажды совершилъ прогулку по старой городской стѣнѣ, и сталъ искать дороги къ ней среди кустарниковъ и всевозможныхъ зарослей. Такъ прошелъ онъ нѣкоторое разстояніе надъ городомъ могилъ, который лежалъ направо отъ него, неподвижно и молчаливо. Какимъ то мертвымъ мусорнымъ полемъ казался этотъ городъ, покрытый тѣнью: вечернее солнце стояло уже на западѣ низко надъ горизонтомъ Тирренскаго моря. Кругомъ же оно еще заливало всѣ горы и поля волшебнымъ блескомъ жизни, золотило растущую надъ кратеромъ Везувія пинію, красило въ пурпуръ вершины и зубцы горы Сант'Анджело. Высоко и одиноко выступала гора Эпомео изъ жемчужно-голубого, сіяющаго искрами моря, на фонѣ котораго рисовался темными контурами мысъ Мизенумъ, подобный таинственной постройкѣ титановъ. Куда только ни достигалъ взоръ, всюду развертывалась удивительная картина, соединяющая величіе съ прелестью, далекое прошлое съ радостнымъ настоящимъ. Норберту Ганольду казалось, что здѣсь онъ найдетъ то, къ чему влекло его

неопредѣленное чувство. Однако у него не было подходящаго настроенія; хотя на покинутой стѣнѣ ему не надоѣдали ни брачныя пары, ни мухи, зато и природа не могла дать то, чего онъ не находилъ вокругъ себя и въ себѣ самомъ. Со спокойствіемъ, близкимъ къ безразличію, обвелъ онъ взглядомъ всю эту пышную красоту, но не ощутилъ ни малѣйшаго сожалѣнія, что съ закатомъ солнца она поблекла и погасла. И по-прежнему неудовлетвореннымъ онъ вернулся въ гостиницу „Діомедъ“.

Ночью онъ рѣшилъ иное: ужъ если, по своей неосмотрительности, попалъ онъ сюда, хотя и „вопреки Минервѣ“, то надо извлечь изъ своего пребыванія здѣсь хоть какую-нибудь пользу. Какъ только утромъ открыли входъ къ раскопкамъ, онъ отправился, на этотъ разъ уже обычной дорогой въ Помпею. Впереди и позади шли маленкими группами, въ сопровожденіи неизбѣжныхъ проводниковъ, съ другими путеводителями въ рукахъ, всѣ обитатели обѣихъ гостинницъ, втайнѣ мечтающіе о собственноручныхъ раскопкахъ. Почти исключительно англійская и англо-американская болтовня наполняла свѣжій утренній воздухъ, нѣмецкія же брачныя пары наслаждались счастьемъ по ту сторону горы Сантъ Анджело на Капри, за завтракомъ въ излюбленномъ нѣмцами отелѣ Пагано, со свойственной германцамъ слащавостью и одушевленіемъ. Норбертъ издавна зналъ секретъ, какъ отдѣлаться удачнымъ словомъ и щедрой подачкой отъ надоѣдливости своего „гида“, и получить возможность безъ помѣхи отдаться своей цѣли. Онъ съ удовольствіемъ убѣдился въ томъ, что его память не измѣнила ему: куда ни заглядывалъ онъ, все лежало и стояло на томъ же мѣстѣ, какъ и раньше—какъ будто онъ только вчера все это изучалъ. Убѣждаясь въ этомъ на каждомъ шагу, онъ увидѣлъ въ концѣ концовъ, что пребываніе его здѣсь совершенно излишне, и его чувствами и мыслями, какъ наканунѣ во время

прогулки по городской стѣнѣ, все больше и больше овладѣвало безразличіе. Правда, всякій разъ, когда онъ смотрѣлъ вверхъ, пинія на вершинѣ Везувія почти всегда рисовалась передъ нимъ на фонѣ голубого неба: и все таки странно, что ему ни разу не вспомнился его недавній сонъ о томъ, какъ онъ присутствовалъ въ 79 году при рузрушеніи Помпеи изверженіемъ Везувія. Послѣ цѣлыхъ часовъ странствованія имъ овладѣла усталость и сонливость, онъ не чувствовалъ ни малѣйшей склонности къ сновидѣньямъ: кругомъ были нагромождены обломки старыхъ аркъ, колоннъ и стѣнъ, въ высшей степени важные для археологіи, но безъ научнаго толкованія казавшіеся громадной, весьма чисто прибранной, однако, крайне скучной грудой мусора. И хотя наука и грезы обычно находятся на совершенно противоположныхъ полюсахъ, сегодня онѣ, несомнѣнно, вступили въ союзъ, чтобы лишить Норберта Ганольда своей помощи и предоставить его всецѣло безсмысленному шатанію.

Такъ прошелъ онъ отъ Форума до Амфитеатра, отъ Porta di Stabia до Porta del Vesuvio, вдоль и поперекъ по улицѣ могилъ и по многимъ другимъ, а солнце тѣмъ временемъ тоже поднялось со стороны горнаго хребта и дошло до того мѣста, гдѣ оно начинаетъ опускаться по направленію къ морю. Къ великому удовольствію охрипшихъ, но мало понимаемыхъ проводниковъ, это послужило для англичанъ и американцевъ обоего пола, занесенныхъ сюда по долгу путешествія, знакомъ того, что не мѣшаетъ подумать и объ обѣденномъ столѣ обоихъ отелей Діоскуровъ: къ тому же они собственными глазами обозрѣли все, что можетъ пригодиться потомъ для поддержанія разговоровъ по ту сторону океана или пролива, И, полные впечатлѣній, они стали расходиться, отхлынули общей массой по Via Marina, чтобы вернуться въ свои отели къ пиру, который только по снисходительности можно было назвать „лукулловымъ“. Если

принять во вниманіе всѣ внутреннія и внѣшнія условія—это было самое умное, что они могли сдѣлать, ибо, хотя полуденное майское солнце очень мило обращалось съ ящерицами, бабочками и прочими крылатыми обитателями и посѣтителями развалинъ, все же его палящіе лучи далеко не были пріятны для сѣверной кожи какой нибудь „мистрисъ“ или „миссъ“. И въ безспорной связи съ этимъ, за послѣдній часъ значительно сократилось число „charmings“ и настолько же увеличились „shockings“, а мужскія „auhs“, вырываясь изъ все шире раздвигающихся челюстей, начали весьма походить на зѣвоту.

И странно, какъ только исчезли эти господа, Помпея приняла совершенно другой обликъ. Она не ожила, именно теперь только она казалась окаменѣвшей въ мертвой неподвижности. Но отъ этаго получалось впечатлѣніе, будто сама смерть начинаетъ говорить,—только непонятнымъ человѣку языкомъ. Чудилось, что изъ камней то здѣсь, то тамъ, вырывается какой то шопотъ,—его рождалъ легкій южный вѣтерокъ, древній Атабуль, который два тысячелѣтія тому назадъ такъ же носился вокругъ храмовъ, колоннадъ, домовъ, а теперь играетъ съ зелеными, сверкающими былинками на обломкахъ низкой стѣны. Часто мчался онъ сюда съ береговъ Африки, дыша палящимъ зноемъ: теперь этого не было, лишь нѣжно обвивалъ эти колоннады, какъ будто снова воскресшія къ жизни. Но всетаки природа пустыни чувствовалась и въ томъ легкомъ, но горячемъ дыханіи, которымъ онъ обдавалъ все, что встрѣчалось на пути,

Въ этомъ помогало ему солнце, его вѣчно молодая мать. Оно усиливало его жаркое дыханіе и дѣлало то, чего онъ не могъ сдѣлать,—заливало все дрожащимъ, искрящимся слѣпящимъ свѣтомъ. Словно золотымъ ножомъ срѣзало оно у края домовъ съ semitae и crepidines viarum,—какъ нѣкогда называли троттуары,—узкія полоски тѣни,

бросало во всѣ vestibula, atria, peristilia и tablina *) полные снопы своихъ лучей, а гдѣ крыша преграждала имъ прямой доступъ, туда солнце посылало свой отраженный свѣтъ. Едва ли оставался гдѣ нибудь уголокъ, скрытый отъ потоковъ свѣта и окутанный серебристой тканью полутѣни; каждая улица тянулась между старыми постройками на подобіе длиннаго растянутаго для бѣленія куска холста. Улицы эти были молчаливы и пусты, такъ какъ теперь отсюда исчезли не только картавящіе и гнусящіе англичане и американцы, но, казалось, также и маленькіе обитатели—ящерицы и бабочки. Въ дѣйствительности, онѣ находились здѣсь, но движенія ихъ были незамѣтны для глазъ. Какъ тысячелѣтія тому назадъ, гдѣ нибудь въ склонахъ горъ и на утесахъ, когда шелъ ко сну великій Панъ, такъ и здѣсь, боясь потревожить его, вытягивались онѣ неподвижно или, сложивъ крылья, тихо сидѣли тутъ и тамъ. Казалось, что здѣсь онѣ еще сильнѣе ощущали святую полуденную тишину,—время призраковъ, когда жизнь замолкаетъ и мертвые встаютъ п начинаютъ говорить на беззвучномъ языкѣ духовъ.

Перемѣна, которая произошла со всѣми предметами не бросалась рѣзко въ глаза, скорѣе она возбуждала цѣлую гамму чувствъ, или, вѣрнѣе, одно чувство—какое то безымянное, шестое и притомъ настолько сильное и длительное, что охваченный имъ человѣкъ находился всецѣло въ его власти. Правда, къ числу одаренныхъ этимъ чувствомъ людей едва ли принадлежалъ кто либо изъ драгоцѣнныхъ гостей, занятыхъ теперь обѣдомъ, въобоихъ отеляхъ, за то Норбертъ Ганольдъ, по природѣ своей, обладалъ этимъ чувствомъ, и ему приходилось мириться съ его послѣдствіями. И не потому, конечно, что ему самому хотѣлось чего-либо

*) Vestibulum—родъ передней; atrium—переднiй залъ; peristilium—внутреннiй дворъ съ колоннадой; tablinum—прiемная комната.

подобнаго; его единственнымъ желаніемъ было, вмѣсто безцѣльнаго весенняго путешествія, спокойно сидѣть въ своей комнатѣ съ поучительной книгой въ рукѣ. Но когда онъ теперь вернулся съ улицы могилъ черезъ геркуланскія ворота во внутреннюю часть города и, безъ опредѣленныхъ намѣреній и мыслей, свернулъ около Casa di Sallustio налѣво въ узкій переулокъ, въ немъ вдругъ проснулось это шестое чувство. Собственно, это опредѣленіе неточно, вѣрнѣе это чувство привело его въ какое то странное состояніе,—нѣчто среднее между бодрствующимъ сознаніемъ и полной потерей его. Таинственно, безъ малѣйшаго дыханія царила вокругъ него залитая солнцемъ мертвая тишина, такъ что и Норбертъ почти не рѣшался дышать. Онъ стоялъ на перекресткѣ, гдѣ Vicolo di Mercurio пересѣкалъ болѣе широкую, тянущуюся далеко направо и налѣво, Strada di Mercurio; здѣсь были сосредоточены нѣкогда торговля и промыслы, о чемъ молчаливо говорили углы улицъ; стояли открытыми tabarnae, лавочки, съ потрескавшимися мраморными прилавками; тутъ же находилась, судя по расположенію, булочная,—тамъ цѣлая коллекція большихъ, пузатыхъ глиняныхъ кувшиновъ указывала на торговлю масломъ и мукою. На противоположной сторонѣ узкія, снабженныя ручками амфоры, вставленныя въ доску стола, говорили о томъ, что здѣсь былъ кабачокъ, куда, вѣроятно, стекались по вечерамъ тѣсной толпой рабы и служанки изъ окрестности, чтобы налить въ свои кувшины вина изъ caupona*) для господъ; на semita**) передъ лавочкой еще видна была выложенная мелкими камешками мозаичная надпись, которую уже нельзя было прочесть, до того она была стерта ногами; она, повидимому, расхваливала прохожимъ vinum praecellens***).

---

*) Винный погребокъ.

**) Троттуаръ.

***) Превосходное вино.

На стѣнѣ, на высотѣ половины человѣческаго роста, виднѣлся „graffito“ *), вырѣзанный, вѣроятно, школьникомъ на штукатуркѣ ногтемъ или желѣзнымъ гвоздемъ, быть можетъ, шутливое примѣчаніе къ рекламѣ кабатчика о томъ, что вино его обязано своимъ превосходствомъ обильной примѣси воды.

Норберту Ганольду казалось даже, что среди каракуль онъ различаетъ слово cauро, **) — а былъ ли это самообманъ,—онъ не зналъ. Онъ достигъ безспорнаго совершенства въ расшифровкѣ малопонятныхъ graffiti, его заслуги въ этой области были уже признаны и оцѣнены, но сейчасъ эта способность ему измѣнила. Мало того—у него было такое чувство, будто онъ вообще не знаетъ латыни, и ему казалось безсмысленнымъ стараться прочесть то, что два тысячелѣтія тому назадъ нацарапалъ на стѣнѣ какой то помпеянскій второклассникъ. Его не только покинула вся его ученость, но пропало даже всякое желаніе вновь обрѣсти и онъ вспомнилъ о ней словно о чемъ-то далекомъ, какъ о старой, засохшей, скучной теткѣ, самомъ мертвомъ существѣ на свѣтѣ. То, что она съ архи-ученымъ видомъ преподносила намъ сквозь сжатыя губы въ качествѣ мудрости, представляло лишь раздутое ничтожество, ковыряніе въ плодахъ познанія, безъ проникновенія въ ихъ глубь, въ ихъ сущность,—безъ всякаго внутренняго удовлетворенія. То, чему она учила, было только безжизненнымъ археологическимъ воззрѣніемъ, а то, что она говорила, было мертвымъ языкомъ филологовъ. Она не учила понимать душою, чувствомъ, сердцемъ или какъ тамъ это называютъ: въ комъ былъ Богъ живой — и кто жаждалъ такого познанія, тому ничего не оставалось, какъ уйти одиноко въ жаркую

---

*) Стѣнные надписи и рисунки.

**) Кабатчикъ.

полуденную тишину къ остаткамъ прошлаго, чтобы смотрѣть не плотскими глазами и слушать не тѣлесными ушами. Тогда отовсюду начинало что то выползать безъ движенія и говорить безъ звуковъ,—тогда солнце разрушало могильную неподвижность старыхъ камней, горячая дрожь пробѣгала по нимъ, мертвые пробуждались, и Помпея начинала опять жить.

Въ головѣ Норберта Ганольда, собственно, не было такихъ кощунственныхъ мыслей,—было только какое то неопредѣленное скептическое чувство, съ которымъ онъ глядѣлъ, стоя неподвижно, вдоль Strada di Mercirio по направленію къ городской стѣнѣ. Многогранные куски лавы, образовавшіе ея мостовую были все такъ же безукоризненно пригнаны другъ къ другу, какъ и до исчезновенія города, и каждый изъ нихъ былъ свѣтлосѣраго цвѣта. На мостовую падалъ такой слѣпящій свѣтъ, что она уходила въ сверкающую даль подобно серебристо-бѣлой лентѣ молчаливыхъ стѣнъ и развалинъ колоннадъ.

Какъ вдругъ...

Открытыми глазами смотрѣлъ онъ вдоль улицы,—но ему казалось, что это происходитъ во снѣ: справа, изъ дома Кастора и Поллукса вышла Градива и легкимъ быстрымъ шагомъ направилась по плиткамъ изъ лавы, ведущимъ на другую сторону улицы Меркурія.

Несомнѣнно это была она; хотя лучи солнца окружали ея фигуру тонкой золотой вуалью, Норбертъ совершенно отчетливо видѣлъ ее именно такой, какой она была на рельефѣ. Голова была нѣсколько наклонена впередъ и покрыта падающимъ на плечи платкомъ, лѣвая рука легко приподнимала обильныя складки платья, такъ что можно было видѣть, какъ ступня правой ноги при движеніи принимала почти отвѣсное положеніе. Только сейчасъ все это не представляло однороднаго, безцвѣтнаго каменнаго изваянія: платье изъ мягкой, красиво падающей матеріи, было

не холодное, мраморное, бѣлое, а теплаго, желтоватаго тона; слегка вьющіеся волосы, выбившіеся изъ-подъ платка на лбу и на вискахъ, отливали золотисто-каштановымъ блескомъ на алебастровомъ фонѣ лица.

Это видѣніе сразу и отчетливо напомнило Норберту его сонъ: онъ видѣлъ ее теперь совершенно такой-же, какъ въ ту ночь, когда тамъ, на Форумѣ, она легла спокойно, словно готовясь ко сну, на ступени храма Аполлона. И вмѣстѣ съ этимъ воспоминаніемъ у него впервые достигаетъ его сознанія еще другая мысль: очевидно, самъ не сознавая своего побужденія, онъ отправился въ Италію, прямо въ Помпею, не останавливаясь въ Римѣ и Неаполѣ, именно затѣмъ, чтобы поискать здѣсь слѣдовъ Градивы, слѣдовъ въ буквальномъ смыслѣ, ибо, при ея своеобразной походкѣ, она должна была оставить въ пеплѣ особый, отличный отъ всѣхъ, отпечатокъ пальцевъ ноги.

Сномъ наяву казалось то, что онъ сейчасъ видѣлъ передъ собою, и вмѣстѣ съ тѣмъ это всетаки было дѣйствительностью. Онъ ясно видѣлъ на послѣдней переходной плиткѣ неподвижно лежавшую на жгучемъ солнцѣ большую ящерицу, какъ бы сотканную изъ золота и малахита. Но, когда приблизилась Градива, ящерица вдругъ бросилась внизъ и исчезла, извиваясь по ярко-бѣлымъ плиткамъ мостовой.

Градива прошла съ обычной спокойной торопливостью черезъ улицу и, повернувшись къ нему спиной, пошла по троттуару противоположной стороны; она направлялась, повидимому, въ домъ Адониса. Тутъ она остановилась на мгновеніе, но потомъ, какъ бы передумавъ, пошла дальше по улицѣ Меркурія. По лѣвую сторону этой улицы изъ болѣе знатныхъ домовъ находился еще только одинъ, названный, по найденнымъ въ немъ многочисленнымъ изображеніямъ Аполлона, Casa di Apollo—домомъ Аполлона, и Норберту, гля-

дѣвшему Градивѣ вслѣдъ, опять вспомнилось, что вѣдь именно портикъ храма Аполлона избрала она для своего смертнаго сна. Градива, очевидно, служила культу бога солнца и шла теперь туда. Но вскорѣ она опять остановилась; переходныя плиты снова пересѣкали улицу, и она перешла обратно на правую сторону ея. Такимъ образомъ, Норбертъ увидѣлъ теперь ея профиль съ другой стороны. Градива предстала передъ нимъ въ нѣсколько иномъ видѣ: ея лѣвая рука, приподнимающая платье не была замѣтна, а правая рука была опущена. Чѣмъ дальше она уходила, тѣмъ больше терялась она за вуалью золотыхъ лучей солнца, и трудно было прослѣдить, куда скрылась она — вдругъ исчезнувъ передъ домомъ Мелеагра.

Норбертъ Ганольдъ все еще стоялъ неподвижно, затаивъ дыханіе. Такъ запечатлѣвался въ его памяти образъ удаляющейся Градивы, съ каждымъ шагомъ становившейся все меньше и меньше, и этотъ образъ запечатлѣвался теперь въ формахъ тѣлесныхъ, матеріальныхъ. Наконецъ, онъ могъ вздохнуть полной грудью.

Какимъ-то шестымъ чувствомъ, которое, подавляя всѣ остальныя, держало его въ своей власти,— спрашивалъ онъ себя, дѣйствительность или плодъ его воображенія то, что онъ видѣлъ сейчасъ; сонъ это или нѣтъ. Но вдругъ его охватила странная дрожь. Ничего не видя и не слыша, онъ инстинктивно чувствовалъ, что въ полуденный часъ привидѣній пробуждается Помпея,— вмѣстѣ съ нею оживаетъ Градива и направляется въ домъ, въ которомъ она жила передъ роковымъ 79 годомъ.

Онъ зналъ домъ Мелеагра со времени своего прежняго посѣщенія Помпеи, но на этотъ разъ еще не заходилъ въ него; только въ Неаполѣ, въ Національномъ музеѣ, онъ ненадолго остановился передъ стѣнной живописью, изображающей Мелеагра и его аркадійскую подругу-охотницу Ата-

панту. Эта картина была найдена въ домѣ на улицѣ Меркурія, и отъ нея самый домъ получилъ свое названіе. Теперь, направившись къ дому Мелеагра, Норбертъ усомнился, дѣйствительно ли отъ убійцы калидонскаго вепря получилъ этотъ домъ свое названіе. Онъ вдругъ вспомнилъ греческаго поэта Мелеагра, который, правда, жилъ, за доброе столѣтіе до разрушенія Помпеи. Но вѣдь могъ его потомокъ попасть сюда и построить себѣ домъ. Это совпадало еще съ другимъ его предположеніемъ, пожалуй, даже, увѣренностью, что Градива греческаго происхожденія. Въ его памяти всталъ образъ Аталанты, какимъ его изобразилъ Овидій въ „Метаморфозахъ“.

Сверху платье ея скрѣпляла гладкая пряжка,
Волосы связаны были легко въ безхитростный узелъ...

Точно онъ не могъ припомнить этихъ стиховъ, но содержаніе ихъ было ему памятно; онъ вспомнилъ также, что молодая жена Ойнеева, сына Мелеагра, называлась Клеопатрой. Но вѣроятнѣе всего рѣчь шла не объ этомъ Мелеагрѣ, а о греческомъ поэтѣ. Такъ, въ раскаленной атмосферѣ Кампаньи рождались у него въ головѣ миѳологическія, историко-литературныя и археологическія мысли.

Миновавъ дома Кастора, Поллукса и Кентавра, стоялъ онъ теперь передъ домомъ Мелеагра, на порогѣ котораго еще можно было различить инкрустированное привѣтствіе „Have“ *). На стѣнѣ vestibulum Меркурій передавалъ Фортунѣ кисетъ, наполненный деньгами; это было, повидимому, аллегорическимъ указаніемъ на богатство и благосостояніе тогдашнихъ обитателей. Сзади виднѣлся atrium, посреди котораго стоялъ мраморный столъ, поддерживаемый тремя грифами.

Пустъ и молчаливъ былъ домъ, чуждо смотрѣлъ онъ на Норберта, не пробуждая въ немъ ни малѣйшаго воспо-

*) Have или ave — привѣтствіе.

минанія о томъ, что онъ уже былъ здѣсь однажды. Но потомъ внутренность дома, сильно отличавшаяся своимъ планомъ отъ другихъ раскопанныхъ построекъ города, напомнила ему объ этомъ. Peristilium находился не въ глубинѣ дома за tablinum'омъ, какъ это было обычно, а по лѣвую сторону его, но зато онъ былъ гораздо больше и отдѣланъ роскошнѣе, чѣмъ всякій другой въ Помпеѣ. Его окружалъ портикъ, опиравшійся на двѣнадцать колоннъ, покрашенныхъ внизу въ красный, а вверху въ бѣлый цвѣтъ. Онѣ придавали большому молчаливому пространству торжественный видъ; здѣсь посрединѣ находились piscina*) въ формѣ колодца съ красиво выложенными стѣнками. Изъ всего видно было, что домъ принадлежалъ лицу съ виднымъ общественнымъ положеніемъ, образованному, обладавшему, къ тому-же, художественнымъ чутьемъ.

Съ напряженнымъ вниманіемъ Норбертъ глядѣлъ кругомъ, прислушивался. Но и здѣсь ничто не шевелилось, не слышно было ни малѣйшаго звука. Среди этихъ холодныхъ камней, не чувствовалось признаковъ жизни; если даже Градива вошла въ домъ Мелеагра, она уже опять превратилась въ ничто.

За перистилемъ находилась еще одна комната,— oecus —старинный праздничный залъ; онъ тоже былъ окруженъ колоннами желтаго цвѣта, которыя издали, въ лучахъ солнца, сіяли, точно золоченныя. Но между ними просвѣчивалъ еще болѣе яркій, чѣмъ на стѣнахъ красный цвѣтъ. Этой краской покрыла землю не древняя кисть, а вѣчно обновляющаяся природа. Прежній искусно выложенный полъ совершенно разрушился, разсыпался, вывѣтрился; снова царилъ вѣчно прекрасный май; онъ покрылъ весь oecus, здѣсь, какъ и въ другихъ домахъ города могилъ, краснымъ полевымъ ма-

*) Рыбный бассейнъ.

комъ, сѣмена котораго занесъ сюда вѣтеръ и вскормилъ пепелъ. Это было волнующееся море цвѣтовъ, или только оно казалось волнующимся, потому что, въ дѣйствительности, оно было неподвижно. Атабулусъ не достигалъ цвѣтовъ, онъ проносился высоко надъ ними. Но солнце заливало ихъ такимъ дрожащимъ огнемъ, что казалось, будто въ бассейнѣ ходятъ взадъ и впередъ красныя волны.

Въ другихъ домахъ эта картина не обращала на себя вниманія Норберта Ганольда, но здѣсь его охватила какая-то странная дрожь. Вся комната была наполнена макомъ—цвѣтами грезъ, выросшими на берегу литейскихъ водъ, и Hypnos *) лежалъ среди нихъ, посылая изъ соковъ, скопившихся за ночь въ ихъ красныхъ чашечкахъ, одуряющій сонъ. Норберту, вошедшему черезъ портикъ перистиля въ экусъ, казалось, что его висковъ касается невидимымъ усыпляющимъ жезломъ этотъ могучій богъ—побѣдитель боговъ и людей; но не тяжелое забвеніе, а сладкая, навѣвающая грезы, истома окутывала его сознаніе. Онъ еще не поддался ей, и вошелъ въ бывшій праздничный залъ, со стѣны котораго смотрѣли древнія картины: Парисъ—присуждающій яблоко, и сатиръ, держащій въ рукѣ ядовитую змѣю и пугающій ею молодую вакханку.

И тутъ опять, совершенно неожиданно—шагахъ въ пяти отъ него, въ узкой полоскѣ тѣни, падавшей отъ единственнаго уцѣлѣвшаго куска верхней части портика, сидѣла между двумя желтыми колоннами на низкихъ ступенькахъ женщина въ свѣтломъ платьѣ. Легкимъ движеніемъ она слегка приподняла голову. Незамѣтно подошедшій Ганольдъ, шаги котораго она, повидимому, только теперь услыхала, увидѣлъ прямо передъ собой ея лицо, показавшееся ему чужимъ и въ то-же время знакомымъ, какъ будто онъ уже видѣлъ его

*) Богъ сна.

гдѣ-то въ дѣйствительности или въ воображеніи, — и это пробудило въ немъ двойственное чувство. По остановившемуся дыханію и по усиленнымъ ударамъ своего сердца онъ почти безошибочно узналъ, чье это лицо. Онъ нашелъ то, чего искалъ, что безсознательно влекло его въ Помпею; Градива жила своею призрачною жизнью въ полуденный часъ привидѣній. Она сидѣла передъ нимъ точно такая-же, какой онъ видѣлъ ее во снѣ, когда она опустилась на ступени храма Аполлона. У нея на колѣняхъ лежало развернутымъ что-то бѣлое, чего глазъ его не въ состояніи былъ разглядѣть; казалось это былъ листокъ Патруса, и на немъ выдѣлялся краснымъ пятномъ цвѣтокъ мака. Однако Норбертъ не могъ разглядѣть, что это.

На ея лицѣ застыло выраженіе неожиданности, изъ-подъ блестящихъ каштановыхъ волосъ и красиваго алебастроваго лба смотрѣли на него удивленно-вопросительно свѣтящіеся, какъ звѣзды, глаза. Достаточно было нѣсколькихъ мгновеній, чтобы убѣдиться въ ея сходствѣ съ рельефомъ: такою должна была быть Грацива en face и вотъ почему черты сидѣвшей передъ нимъ дѣвушки съ перваго взгляда показались ему знакомыми. Мягкіе тона ея бѣлаго платья казались вблизи еще нѣжнѣе, благодаря желтому отливу; оно было сшито, повидимому, изъ тонкой, чрезвычайно мягкой, шерстяной матеріи, ложившейся множествомъ складокъ. Изъ той-же матеріи былъ и платокъ, накинутый на голову. Изъ подъ него выбились на затылкѣ каштановые волосы, незатѣйливо собранные въ узелъ; спереди же, на шеѣ, подъ изящнымъ подбородкомъ застегивала платье маленькая золотая пряжка.

Все это замѣтилъ Норбертъ Ганольдъ. Онъ невольно приподнялъ свою панаму и изъ устъ его вырвалось на греческомъ языкѣ: „Аталанта ли ты, дочь Язона, или происходишь изъ рода поэта Мелеагра?“.

Та, къ которой онъ обращался, молчаливо посмотрѣла на него, ничего не отвѣчая, спокойно-умнымъ взглядомъ, и у него въ головѣ пронеслась мысль: либо она только воскресшій призракъ и, вообще, неспособна говорить, либо она не греческаго происхожденія и не знаетъ греческаго языка. Поэтому онъ замѣнилъ его латинскимъ и спросилъ: „Не дочь ли ты знатнаго помпеянскаго гражданина латинскаго происхожденія?".

На это она ничего не отвѣтила, только по ея тонкимъ губамъ проскользнула сдержанная улыбка. Теперь его охватилъ ужасъ: очевидно она сидѣла передъ нимъ, какъ безмолвный образъ, какъ привидѣніе, лишенное дара слова. Смущеніе, вызванное этимъ открытіемъ, ясно отразилось на его лицѣ.

Но тогда ея губы уже не въ силахъ были сдержать улыбки, и смѣясь, она сказала: „если вы хотите со мною разговаривать, вамъ придется говорить по нѣмецки".

Весьма странно было слышать это изъ устъ помпеянки, умершей два тысячелѣтія тому назадъ. По крайней мѣрѣ, всякому человѣку, находящемуся въ другомъ душевномъ состояніи, чѣмъ Норбертъ это должно было показаться страннымъ. Но способность изумляться у Норберта была подавлена наплывомъ новыхъ впечатлѣній. Градива обладала даромъ рѣчи, а самый звукъ этого голоса рождалъ въ немъ необъяснимое волненіе. Онъ казался такимъ же яснымъ, какъ и взоръ ея очей: мягкій, какъ звонъ колокола, несся этотъ звукъ среди солнечной тишины по цвѣтущему маковому лугу, и у молодого археолога вдругъ блеснула мысль, что гдѣ-то въ своихъ внутреннихъ переживаніяхъ, онъ уже слышалъ именно этотъ голосъ. И невольно онъ громко сказалъ; „Я зналъ, что твой голосъ такъ звучитъ".

По ея лицу видно было, что она старается что-то понять, но никакъ не можетъ. На его послѣднія слова она

только отвѣтила: „Какъ могли вы знать это. Вѣдь вы еще никогда со мною не говорили“.

Его больше не удивляло, что она говоритъ по-нѣмецки и обращается къ нему по-современному на „вы“: въ ея устахъ это казалось естественнымъ. И онъ тотчасъ же отвѣтилъ: „Да, я не говорилъ съ тобою. Я тебя только окликнулъ, когда ты ложилась на ступенькахъ храма, и потомъ стоялъ возлѣ тебя—твое лицо было такъ спокойно-прекрасно, словно изъ мрамора. Могу я тебя попросить—положи голову опять такъ же, какъ ты это тогда сдѣлала“...

Пока онъ это говорилъ, случилось нѣчто странное. Съ цвѣтовъ мака прилетѣла къ колоннамъ бабочка золотистаго цвѣта съ красноватыми верхними крыльями, облетѣла раза два вокругъ головы Градивы и опустилась на каштановыя волны волосъ надъ ея лбомъ. Въ то же время ея фигура сразу стала высокой и стройной, она поднялась спокойно-быстрымъ движеніемъ, коротко и молчаливо взглянула еще разъ на Норберта Ганольда, какъ будто хотѣла сказать, что считаетъ его помѣшаннымъ, и ушла своей характерной походкой вдоль колоннъ портика. Она была видна еще мгновеніе, а потомъ словно провалилась сквозь землю.

Норбертъ стоялъ безъ дыханія, какъ бы ошеломленный. Онъ только смутно понималъ то, что произошло. Полуденный часъ привидѣній миновалъ, и, подъ видомъ бабочки, прилетѣлъ крылатый гонецъ съ асфоделевыхъ луговъ Аида, чтобы напомнить ушедшей о возвращеніи. Съ этимъ связывалось, хотя и неясно, еще нѣчто другое. Онъ зналъ, что красивая бабочка странъ Средиземнаго моря называется Клеопатрой, и совершенно такъ же звалась молодая жена калидонскаго Мелеагра, съ горя по умершемъ супругѣ принесшая себя въ жертву подземнымъ богамъ.

Вслѣдъ уходившей съ его устъ сорвался возгласъ: „Вернешься завтра опять сюда въ полдень?“. Она не обер-

нулась, ничего не отвѣтила и скоро исчезла въ углу экоса за колоннами. Что то толкнуло его и онъ бросился ей вслѣдъ. Но нигдѣ уже не было видно ея бѣлаго платья; залитый горячими солнечными лучами, застылъ вокругъ него домъ Мелеагра безъ движенія и безъ звука, только Клеопатра трепетала въ воздухѣ на своихъ мерцающихъ, красновато-золотистыхъ крыльяхъ, медленными кругами уносясь къ цвѣтамъ мака.

Когда и какимъ образомъ очутился онъ у выхода,— Норбертъ Ганольдъ не могъ припомнить; онъ вспоминалъ только, что его желудокъ настойчиво взывалъ къ запоздалому обѣду въ „Діомедѣ", послѣ чего онъ безцѣльно отправился по первой попавшейся дорогѣ, забрелъ на берегъ залива сѣвернѣе Кастелламаре, гдѣ усѣлся на обломкѣ лавы. Морской вѣтеръ обвѣвалъ ему голову. Такъ сидѣлъ онъ, пока не зашло солнце между горою Сант'Анджело надъ Сорренто и горою Эпонео на Искіи. Однако, несмотря на то, что онъ пробылъ нѣсколько часовъ у моря чистый воздухъ не освѣжилъ его головы, и онъ вернулся въ гостинницу почти въ томъ же состояніи, въ какомъ вышелъ оттуда. Онъ засталъ остальныхъ гостей за ужиномъ, велѣлъ подать себѣ къ отдѣльному столику везувіанскаго вина, присматривался къ лицамъ ужинавшихъ и прислушивался къ ихъ разговорамъ. По лицамъ и по рѣчамъ онъ убѣдился, что никто изъ нихъ не встрѣчалъ ожившей въ полдень помпеянки и никто не говорилъ съ нею. Это, конечно, можно было впередъ предположить, такъ какъ въ то время всѣ они были заняты „pranzo"—обѣдомъ. Не отдавая себѣ отчета, почему и зачѣмъ, отправился онъ немного спустя къ конкурренту „Діомеда"—въ „Швейцарскую гостинницу", усѣлся тамъ въ уголокъ, заказалъ—такъ какъ нужно было что нибудь заказать—опять бутылку везувіанскаго вина, и предался здѣсь тѣмъ же наблюденіямъ. Они

привели его къ совершенно сходному результату; кромѣ того теперь ему стали извѣстны въ лицо всѣ живые посѣтители Помпеи даннаго времени. Это, конечно, увеличило его познанія, но врядъ ли обогатило ихъ; зато теперь въ обѣихъ гостинницахъ не было ни одного мужчины, ни одной женщины, которые остались бы ему неизвѣстными. Разумѣется, ему даже на мысль не могло прійти вздорное предположеніе, что, быть можетъ, онъ встрѣтитъ въ одномъ изъ отелей Градиву; но онъ могъ бы поклясться также и въ томъ, что ни въ одной изъ встрѣченныхъ имъ женщинъ не было ни малѣйшаго сходства съ Градивой. Во время своихъ наблюденій онъ часто наполнялъ свой стаканъ, опоражнивалъ его глотками, и, когда, наконецъ, бутылка была пуста, онъ поднялся и опять пошелъ къ „Діомеду". Небо было теперь усѣяно безчисленными свѣтящимися и мерцающими звѣздами. Норберту казалось, что Персей, Кассіопея, Андромеда и ихъ сосѣди и сосѣдки двигались въ медленномъ танцѣ, легко наклоняясь то въ ту, то въ другую сторону, и казалось, что внизу на землѣ темные контуры деревьевъ тоже не оставались безъ движеній. Это было естественно въ такой вѣчно неустойчивой мѣстности, гдѣ подземная расплавленная масса повсюду искала выхода и кое что отъ ея огня попадало также въ виноградныя лозы, изъ которыхъ давили везувіанское вино, не принадлежавшее къ обычнымъ вечернимъ напиткамъ Норберта Ганольда. Не отрицая того, что нѣкоторую долю этого движенія слѣдуетъ приписать выпитому вину, онъ вспоминалъ, что еще въ полдень всѣ предметы медленно вращались вокругъ его головы, и если теперь это движеніе усиливалось, то это не представляло ничего новаго, а было лишь продолженіемъ знакомаго явленія. Онъ поднялся въ свою комнату, постоялъ еще нѣкоторое время у открытаго окна, глядя на конусъ Везувія, надъ которымъ теперь видна была не пинія, а что

то похожее на колеблющійся темно-багровый плащъ. Послѣ этого молодой археологъ раздѣлся, не зажигая огня, и ощупью добрался до своей постели. Но, какъ только онъ растянулся на ней, она оказалась не постелью „Діомеда“, а краснымъ маковымъ полемъ, цвѣты котораго сомкнулись надъ нимъ на подобіе мягкаго, нагрѣтаго солнцемъ одѣяла. Его врагъ, musca domestica communis сидѣла на стѣнѣ у его изголовья, черной массой, скованная темнотою до летаргическаго состоянія, только одна изъ нихъ, терзаемая даже въ полуснѣ жаждой крови, жужжала у его носа. Но онъ не узнавалъ въ ней своего стараго врага,—тысячелѣтняго бича человѣчества; передъ его закрытыми глазами муха порхала въ образѣ красно-золотистой Клеопатры.

Когда утромъ мухи и солнце разбудили его, онъ не могъ вспомнить, какія еще овидіевы метаморфозы совершались ночью у его кровати. Но несомнѣнно какое то мистическое существо навѣяло ему сновидѣнія, ибо онъ чувствовалъ, что его голова совершенно заполнена и затуманена ими. Всякая способность къ мышленію была парализована, и только одно было ясно его сознанію: ровно въ полдень онъ долженъ опять быть въ домѣ Мелеагра. Его безпокоила мысль, что сторожа у входа, увидя его лицо, пожалуй, не впустятъ его, что, вообще, неразумно попадаться людямъ на глаза. Чтобы избѣжать этого, для лица, хорошо знающаго Помпею, существовало лишь одно недозволенное средство; онъ мало считался съ предписаніями, установленными здѣсь и опять, какъ въ день своего прибытія, поднялся на старую городскую стѣну, и обошелъ по ней кругомъ всѣ развалины до одинокой, никѣмъ не охраняемой Porta di Nola. Проникнуть внутрь здѣсь было нетрудно. Его совѣсть не страдала отъ того, что онъ не уплатилъ администраціи за входъ двухъ лиръ, которыя можно было вернуть въ другой разъ. Никѣмъ не замѣченный пробрался онъ въ пустын-

ную часть города, мало интересную, по большей части еще не раскопанную, усѣлся въ тѣни и сталъ ждать приближенія срока, посматривая по временамъ на часы. Въ отдаленіи онъ замѣтилъ какой-то серебристо-бѣлый предметъ, блестѣвшій среди обломковъ, привлекшій его вниманіе, но своими близорукими глазами онъ не могъ разглядѣть его. Однако что-то невольно побуждало его приблизиться, и онъ увидѣлъ высокій, весь увѣшанный бѣлыми колокольчиками, цвѣтокъ асфоделя, сѣмя котораго было занесено сюда вѣтромъ. Это былъ цвѣтокъ подземнаго царства, полный таинственнаго значенія; чувство подсказывало Норберту, что цвѣтокъ предназначенъ для него. Онъ сорвалъ его и вернулся къ своему прежнему мѣсту. Какъ вчера, все сильнѣе и сильнѣе жгло майское солнце, приближаясь, наконецъ, къ своей полуденной высотѣ; и онъ двинулся по длинной Strada di Nola въ путь. Она была молчалива и пустынна, какъ почти всѣ остальныя улицы; утренніе посѣтители уже опять спѣшили на западъ къ Porta Marina и къ обѣденнымъ столамъ. Раскаленный воздухъ дрожалъ, и среди ослѣпительнаго свѣта показалась одинокая фигура Норберта Ганольда съ цвѣткомъ асфоделя въ рукѣ; онъ казался наряженнымъ въ современное платье Гермесомъ Психопомпомъ*), готовымъ проводить въ Аидъ усопшую душу.

Не столько сознательно, сколько инстинктивно, онъ пошелъ по правильному пути черезъ Strada della Fortuna дальше до улицы Меркурія и повернувъ направо, пришелъ къ дому Мелеагра. Безжизненно, какъ и вчера встрѣтили его здѣсь vestibulum, atrium и peristylium; межъ колоннъ пылали маковые цвѣты oecusa. Но Ганольду не было ясно, вчера или двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ приходилъ онъ сюда, чтобы получить у владѣльца дома какую-нибудь справку,

---

*) Гермесъ, проводникъ душъ.

имѣвшую громадное значеніе для археологіи; какую именно, онъ не могъ теперь опредѣлить, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя это было явнымъ противорѣчіемъ, вся наука о древности представлялась ему самымъ безцѣльнымъ и безразличнымъ дѣломъ въ мірѣ. Онъ не понималъ, какъ можетъ человѣкъ заниматься ею, когда существуетъ только одинъ единственный вопросъ, на который должно быть направлено все мышленіе и изслѣдованіе: какими физическими свойствами обладаетъ существо, одновременно и мертвое и живое хотя-бы только въ полуденный часъ привидѣній. Быть можетъ, оно пробудилось только вчера, единственный разъ за сто или тысячу лѣтъ... Постепенно Норбертомъ овладѣла увѣренность въ томъ, что сегодняшнее его посѣщеніе дома Мелеагра безполезно. Онъ не встрѣтитъ той, которую ищетъ: ей не суждено прійти опять; лишь черезъ много столѣтій явится она, когда и его самого уже давно не будетъ въ живыхъ, когда и онъ будетъ тоже мертвъ, погребенъ и забытъ. Но, когда Норбертъ шелъ вдоль стѣны мимо Париса, присуждающаго яблоко, онъ замѣтилъ, какъ и вчера, Градиву въ той-же одеждѣ, между тѣми же двумя колоннами, на той же ступенькѣ. Но онъ не поддался иллюзіи; онъ понималъ, что видѣнное имъ вчера въ дѣйствительности — сегодня чудится ему лишь, какъ плодъ его воображенія. Все же онъ не могъ удержаться отъ того, чтобы не увлечься игрой своей фантазіи; онъ остановился и съ устъ его сорвались слова сожалѣнія: „О, если бы ты еще жила!"

Голосъ его прозвучалъ громко, и потомъ среди развалинъ стариннаго праздничнаго зала воцарилась прежняя мертвая тишина. Но тогда раздался другой голосъ: „Можетъ быть, ты тоже присядешь. Ты кажешься усталымъ"...

Норбертъ Ганольдъ застылъ въ изумленіи. Его мозгъ могъ сознавать только одно: видѣніе не можетъ разговари-

вать. Быть можетъ это галлюцинація слуха? Не спуская съ нея глазъ, онъ облокотился рукою на колонну.

Вдругъ видѣніе опять заговорило. Это былъ голосъ, который не могъ принадлежать никому, кромѣ Градивы: „Ты мнѣ принесъ этотъ бѣлый цвѣтокъ?".

У Норберта помутилось сознаніе; онъ чувствовалъ, что больше не въ силахъ держаться на ногахъ, и опустился на ступеньку у колонны. На него смотрѣли ясные глаза Градивы, но взглядъ ихъ былъ совершенно иной, чѣмъ вчера, когда она неожиданно встала и ушла. Тогда въ ея взглядѣ было что-то недовольное и расхолаживающее, теперь же въ ея глазахъ свѣтилось выраженіе любопытства и глубокаго интереса. Очевидно, она поняла и то, что обычное въ наши дни обращеніе на „вы" неумѣстно въ ея устахъ въ данной обстановкѣ; она ему тоже говорила „ты", и это слово не причиняло ей затрудненій, казалось чѣмъ то обычнымъ для нея. Но такъ какъ на ея послѣдній вопросъ онъ ничего не отвѣтилъ, она снова обратилась къ нему и сказала:

„Ты говорилъ вчера, что однажды окликнулъ меня, когда я ложилась на ступеньки храма; а потомъ, когда ты подошелъ ко мнѣ, мое лицо было блѣдно, какъ мраморъ. Когда и гдѣ это было? Я не могу припомнить, скажи мнѣ точнѣе".

Тѣмъ временемъ къ Норберту уже явилась способность рѣчи, и онъ былъ въ состояніи отвѣтить ей: „Въ ту ночь, когда на Форумѣ ты сѣла на ступенькахъ храма Аполлона, и пепельный дождь съ Везувія засыпалъ тебя".

„Ахъ, такъ,—тогда. Да, правда—я упустила изъ виду. А вѣдь это должно было прійти мнѣ въ голову. Но я была слишкомъ мало подготовлена къ тому, что ты мнѣ сказалъ вчера. Гибель Помпеи произошла почти два тысячелѣтія

тому назадъ. Развѣ ты тогда уже жилъ? Мнѣ кажется, ты выглядишь гораздо моложе".

Она сказала это совершенно серьезно, только подъ конецъ на ея устахъ заиграла легкая, милая улыбка. Онъ смутился и отвѣтилъ нерѣшительно, нѣсколько запинаясь: „Нѣтъ, конечно,—то есть я думаю, что я еще не жилъ въ 79 году,—быть можетъ, это было—да, разумѣется, это было душевное состоянiе, называемое сномъ, которое перенесло меня ко днямъ разрушенiя Помпеи—но я узналъ тебя съ перваго же взгляда"—

На лицѣ дѣвушки, сидѣвшей противъ него, отразилось изумленiе, и она переспросила удивленнымъ тономъ: „Ты меня узналъ? Во снѣ? Какимъ образомъ?".

„Прежде всего по твоей своеобразной походкѣ".

„Ты обратилъ вниманiе на мою походку? Развѣ я хожу не такъ, какъ всѣ?".

Ея удивленiе все усиливалось; онъ отвѣтилъ: „Да,—ты развѣ этого не знаешь,—твоя походка изящнѣе, чѣмъ у всякой другой женщины, по крайней мѣрѣ, среди живущихъ сейчасъ ни одна такъ не ходитъ. Но я тебя тотчасъ же узналъ и по всему остальному, по фигурѣ и по лицу, по манерѣ держать себя и по одеждѣ, потому что все въ точности соотвѣтствуетъ твоему римскому рельефу".

„Ахъ, такъ,—повторила она опять въ томъ же тонѣ, какъ и раньше,—моему римскому рельефу. Да, объ этомъ я тоже не подумала и сейчасъ я даже не знаю—какъ же это,—значитъ ты его видѣлъ?".

Онъ разсказалъ ей, что этотъ рельефъ плѣнилъ его, что онъ былъ очень обрадованъ, когда ему удалось достать въ Германiи гипсовую копiю его, которая уже нѣсколько лѣтъ виситъ въ его комнатѣ. Онъ ежедневно смотрѣлъ на нее и у него постепенно возникло предположенiе, что картина изображаетъ молодую помпеянку, переходящую по плитамъ

черезъ улицу своего родного города; и сонъ подтвердилъ это. Теперь онъ знаетъ также, что онъ отправился сюда именно для того, чтобы попытаться найти ея слѣдъ. И когда вчера онъ стоялъ на улицѣ Меркурія, она прошла неожиданно передъ нимъ по плитамъ, совершенно такая же, какъ на изображеніи; казалось, что она направлялась къ дому Аполлона. Но нѣсколько дальше она перешла черезъ улицу обратно и исчезла передъ домомъ Мелеагра.

На это дѣвушка утвердительно кивнула головой и сказала: „Да, я хотѣла зайти въ домъ Аполлона, но все таки пошла сюда".

Онъ продолжалъ: „Это навело меня на мысль о греческомъ поэтѣ Мелеагрѣ, я подумалъ, что ты происходишь изъ его рода и возвращаешься въ часъ, когда это разрѣшено призракамъ въ домъ твоего отца. Но, когда я заговорилъ съ тобою по гречески, ты не поняла".

„Развѣ ты говорилъ по гречески? Нѣтъ, я не поняла, вѣроятно, уже забыла родной языкъ. Но когда ты сегодня сюда вошелъ и у тебя вырвалось желаніе видѣть кого-то живымъ, я поняла твои слова. Мнѣ было только непонятно, о комъ ты говорилъ".

Тогда онъ разсказалъ ей, что, войдя въ домъ Мелеагра, онъ принялъ ее за видѣніе, явившееся ему на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ вчера ее встрѣтилъ. Она улыбнулась и замѣтила: „Тебѣ-бы, по моему, слѣдовало сдерживать свое воображеніе, хотя при вчерашней встрѣчѣ ты не произвелъ на меня впечатлѣнія фантазера"... Она перемѣнила разговоръ и спросила: „Въ чемъ особенности моей походки, о которой ты раньше говорилъ?".

Очевидно, этотъ вопросъ живо интересовалъ ее; онъ отвѣтилъ: „Если-бы ты захотѣла...".

И вдругъ остановился; онъ со страхомъ вспомнилъ, что вчера она встала и ушла, когда онъ попросилъ ее при-

лечь на ступеньку, у храма Аполлона, какъ тогда во снѣ: смутно вспомнился взглядъ, который, уходя, она бросила на него. Однако, сейчасъ она смотрѣла на него спокойно и дружелюбно. Увидя, что онъ смутился, она сказала: „Если твое желанiе, что-бы кто-то жилъ, относилось ко мнѣ, это очень мило съ твоей стороны, и я очень охотно исполню всѣ твои желанiя"...

Это ободрило Норберта и онъ отвѣтилъ: „Я былъ бы счастливъ, если-бы могъ убѣдиться, что твоя походка такая же, какъ на рельефѣ".

Она охотно встала и сдѣлала нѣсколько шаговъ вдоль стѣны. Это была хорошо знакомая ему спокойно-быстрая походка, съ почти отвѣснымъ уклономъ ступни, но теперь впервые онъ замѣтилъ, что на ногѣ ея вмѣсто сандалiй были желтые изъ тонкой кожи башмаки. Когда она вернулась на прежнее мѣсто, Норбертъ спросилъ ее, почему ея обувь отличается отъ обуви на рельефѣ. На это она отвѣтила: „Время все мѣняетъ. Для нашего времени сандалiи не удобны, поэтому я ношу башмаки, которые лучше защищаютъ отъ пыли и дождя. Но скажи, что тебя поразило въ моей походкѣ?"

Этотъ вопросъ указывалъ, что она была, какъ и всѣ женщины, очень любопытна. Норбертъ объяснилъ, что его заинтересовало своеобразное, отвѣсное положенiе ея ступни во время ходьбы; у себя на родинѣ онъ въ теченiе нѣсколькихъ недѣль старался наблюдать на улицѣ походку современныхъ женщинъ. Но, повидимому, онѣ совершенно отвыкли отъ красивой манеры ходить; онъ встрѣтилъ только одну единственную женщину, у которой, какъ ему показалось, была такая-же походка. Однако, изъ за окружавшей его толпы, это нельзя было точно установить, и, возможно, что онъ сталъ жертвой обмана зрѣнiя, тѣмъ болѣе, что и чертами лица она нѣсколько напоминала ему Градиву.

„Какъ жаль,— возразила дѣвушка—вѣдь этотъ фактъ имѣетъ большое научное значеніе, и если-бы ты убѣдился въ немъ, тебѣ-бы, пожалуй, не понадобилось это длинное путешествіе сюда. Но о комъ говорилъ ты сейчасъ? Кто это Градива?“.

„Такъ я назвалъ твое изображеніе, потому что не зналъ твоего настоящаго имени,— да и теперь еще не знаю“.

Послѣднія слова добавилъ онъ съ нѣкоторой нерѣшительностью; она тоже какъ будто замялась, но потомъ сказала: „Меня зовутъ Зоя“.

Въ голосѣ его зазвучали страдальческія ноты: „Это имя тебѣ очень къ лицу, но оно кажется горькой насмѣшкой, ибо Зоя значитъ-жизнь“.

„Нужно мириться съ непреложнымъ,— сказала она; — и я уже давно привыкла къ мысли, что я мертва. Однако мой часъ ужъ пришелъ; ты принесъ могильный цвѣтокъ, дай его мнѣ, съ нимъ я вернусь обратно въ могилу.

Она поднялась и протянула тонкую руку за цвѣткомъ асфоделя; онъ передалъ его осторожно, боясь коснуться ея пальцевъ. Принимая растеніе, она сказала: „Благодарю тебя. Другимъ дѣвушкамъ дарятъ весною розы, но для меня цвѣтокъ забвенія изъ твоихъ рукъ самый подходящій... Завтра мнѣ будетъ разрѣшено въ этотъ часъ еще разъ прійти сюда. Если и тебя твой путь снова приведетъ къ дому Мелеагра, мы встрѣтимся, какъ сегодня другъ съ другомъ у этихъ маковъ. На порогѣ дома стоитъ: „Have“, и я говорю тебѣ: „Have“!

Она ушла и, какъ наканунѣ, исчезла подъ портикомъ, какъ будто провалилась сквозь землю. Опять все было кругомъ пустынно и безмолвно, только гдѣ то вдали вдругъ раздался ясный, тотчасъ же оборвавшійся, похожій на хохотъ, крикъ птицы, пролетѣвшей надъ городомъ развалинъ. Оставшись одинъ, Ганольдъ смотрѣлъ на опустѣвшее мѣсто

на ступенькѣ; тамъ виднѣлось что то бѣлое, похожее на листъ папируса, который Градива держала вчера на колѣнахъ, а сегодня забыла взять съ собою. Но когда онъ боязливо протянулъ къ нему руку, онъ увидѣлъ, что это былъ маленькій альбомъ съ рисунками предметовъ, сохранившихся въ разныхъ домахъ Помпеи. На предпослѣднемъ листѣ былъ изображенъ столъ съ грифами въ атріумѣ дома Мелеагра, на послѣднемъ же былъ начатъ набросокъ колоннады перистиля. То обстоятельство, что ушедшая дѣвушка дѣлала свои наброски въ модномъ альбомѣ, было такъ же странно, какъ и то, что свои мысли она высказывала по-нѣмецки. Но все это казалось Норберту мелочью въ сравненіи съ великимъ чудомъ воскресенія Градивы. Очевидно, она пользовалась въ свободный полуденный часъ своимъ большимъ художественнымъ талантомъ, что-бы сохранить для себя виды тѣхъ мѣстъ, гдѣ она нѣкогда жила. Какъ въ словахъ ея сквозилъ ясный умъ, такъ и рисунки ея говорили о тонкомъ художественномъ чутьѣ. Повидимому, когда то она часто любовалась старымъ столомъ съ грифами и онъ сталъ для нея цѣннымъ предметомъ воспоминаній.

Машинально пошелъ Норбертъ съ альбомомъ въ рукѣ вдоль портика и на поворотѣ замѣтилъ въ стѣнѣ узкую щель, такой ширины, что очень худой человѣкъ могъ пройти черезъ нее въ сосѣднее зданіе, а, вѣроятно и дальше на Vicolo del Fauno по другую сторону дома. Теперь ему стало понятно, почему прежде ему казалось, что Зоя-Градива какъ-будто проваливается на этомъ мѣстѣ сквозь землю.— Ему было даже странно, какъ могъ онъ дѣлать такое безсмысленное предположеніе. Несомнѣнно, Градива пользовалась этой щелью, чтобы пройти обратно къ своей могилѣ, которая, находится на Strada dei Sepolcri. Бросившись къ выходу, Норбертъ очутился на улицѣ Меркурія и побѣжалъ дальше къ воротамъ Геркулеса. Но когда, задыхаясь, уста-

лый, добѣжалъ онъ до нихъ, было уже поздно; пустынно тянулась ослѣпительно-бѣлая, широкая улица могилъ, и только въ концѣ ея, за сотканной изъ солнечныхъ лучей завѣсой, казалось, таяла чья то тѣнь передъ виллой Діомеда.

Остальную часть этого дня Норбертъ Ганольдъ провелъ въ какомъ то странномъ состояніи. Ему казалось, что вся Помпея окутана туманомъ. Это не былъ обычный туманъ—сѣрый, мрачный, печальный,--напротивъ, онъ былъ ярокъ и многокрасоченъ,—то голубой, алый, коричневый, то желтоватый и алебастрово-бѣлый, пронизанный золотыми нитями солнечныхъ лучей. Этотъ туманъ не мѣшалъ ни зрительнымъ, ни слуховымъ ощущеніямъ, но онъ окутывалъ мысль, точно густое облако и не давалъ ей проникнуть за эту непроницаемую стѣну. У молодого археолога было такое самочувствіе, словно ему все время подливали незамѣтно везувіанскаго вина, которое поддерживало непрерывное опьяненіе въ его мозгу. Онъ инстинктивно старался выйти изъ такого состоянія при помощи различныхъ средствъ,—часто пилъ воду и дѣлалъ большія прогулки. Хотя медицинскія познанія Норберта были невелики, они помогли ему объяснить все, происходящее съ нимъ, сильнымъ приливомъ крови въ головѣ, быть можетъ, въ связи съ ускоренной дѣятельностью сердца, о которой говорило сильное сердцебіеніе. Его мысли, лишенныя возможности вырваться наружу, не оставались бездѣятельными: это была, собственно, одна мысль, прочно укрѣпившаяся въ его мозгу, но не приводившая ни къ какимъ результатамъ. Она неизмѣнно вращалась вокругъ вопроса, каковы физическія свойства Зои-Градивы,—тѣлесное ли она существо, или только призракъ. Въ пользу перваго предположенія говорили такія физіологическія данныя, какъ органъ рѣчи или умѣнье держать въ

рукахъ карандашъ. Однако Норберту казалось, что если бы онъ коснулся Градивы напримѣръ, положилъ руку на ея руку, онъ встрѣтилъ бы пустое пространство. Его болѣзненно влекло убѣдиться въ этомъ, но страхъ удерживалъ отъ подобнаго шага. Онъ чувствовалъ, что подтвержденіе каждой изъ этихъ возможностей неизбѣжно вызоветъ въ немъ жуткое чувство. Тѣлесность руки пробудила бы въ немъ ужасъ, а безплотность ея причинила бы сильную боль.

Поглощенный этимъ безплоднымъ вопросомъ, который можно разрѣшить только путемъ опыта, добрался онъ, послѣ продолжительной прогулки, до горной группы Monte Sant'-Angelo, тянущейся къ югу отъ Помпеи. Здѣсь неожиданно встрѣтилъ онъ пожилого, сѣдоватаго господина, который, судя по одеждѣ и разнымъ принадлежностямъ, былъ зоологъ или ботаникъ, производившій на самомъ солнцепекѣ какія то наблюденія. Когда Норбертъ близко подошелъ къ нему, тотъ повернулъ голову, удивленно посмотрѣлъ на него и сказалъ: „Вы тоже интересуетесь faraglionenses? *). Раньше я не предполагалъ, но теперь считаю весьма вѣроятнымъ, что онѣ водятся не только на Фаральонахъ у Капри, а что если терпѣливо и усердно поискать то ихъ можно найти и на материкѣ Средство, предложенное коллегой Эймеромъ, дѣйствительно, хорошо, я уже не разъ примѣнялъ его съ полнымъ успѣхомъ. Пожалуйста, не шевелитесь...".

Онъ замолчалъ, осторожно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, и, вытянувшись на землѣ, подставилъ маленькій силокъ, сдѣланный изъ длиннаго стебелька травы, къ узкой щели въ скалѣ, изъ которой выглядывала голубоватая, съ отливами головка ящерицы. Онъ замеръ въ такомъ положеніи. Норбертъ Ганольдъ тихо повернулся и вышелъ опять на

*) Видъ ящерицъ, находящійся на каменистыхъ островкахъ у Капри, называемыхъ Фаральонами.

дорогу, по которой пришелъ. Ему смутно помнилось, что лицо этого охотника на ящерицъ онъ уже видѣлъ однажды, вѣроятно, въ одномъ изъ отелей; это подтверждалось и обращеніемъ къ нему старика. Какія нелѣпыя фантазіи могутъ побудить человѣка къ далекой поѣздкѣ въ Помпею! Довольный, что ему удалось такъ скоро отдѣлаться отъ старика и снова сосредоточиться на занимающемъ его вопросѣ о тѣлесности и безплотности Градивы, отправился Норбертъ въ обратный путь. Но, свернувъ въ сторону, онъ сбился съ дороги и, вмѣсто того, чтобы попасть къ западной сторонѣ старой городской стѣны, пришелъ къ восточной; поглощенный своими мыслями, онъ только тогда замѣтилъ свою ошибку, когда вплотную подошелъ къ какому то дому,— по виду отелю,—который не былъ однако, ни „Діомедомъ", ни „Швейцарской гостиницей". Норбертъ узналъ находившіяся подлѣ отеля развалины стараго помпеянскаго амфитеатра, и тогда онъ вспомнилъ, изъ своей прежней поѣздки, что вблизи амфитеатра есть тоже гостинница,--отель „Солнца",— въ которой благодаря отдаленности отъ вокзала, обыкновенно останавливается мало туристовъ. Норберту было жарко, къ тому же туманъ въ его головѣ не уменьшался, и, войдя въ открытую дверь, онъ велѣлъ подать себѣ бутылку углекислой воды, полезное, по его мнѣнію, средство противъ прилива крови. Комната была совершенно пуста, правда, она была переполнена мухами, и праздный хозяинъ, воспользовавшись случаемъ завязать съ посѣтителемъ разговоръ, сталъ расхваливать свой домъ и хранящіяся въ немъ выкопанныя сокровища. Онъ прозрачно намекалъ на то, что вблизи Помпеи имѣются люди, у которыхъ, среди массы предметовъ, выставленныхъ для продажи, нѣтъ ни одного подлиннаго, а все поддѣлки, между тѣмъ какъ онъ, не гоняясь за количествомъ, предлагаетъ своимъ покупателямъ только безспорныя древности. Онъ пріобрѣтаетъ только тѣ

предметы, которые были найдены въ его присутствіи; дальше изъ разговора выяснилось, что на его глазахъ раскопали въ окрестностяхъ Форума молодыхъ влюбленныхъ, которые, убѣдившись, повидимому, въ своей неизбѣжной гибели, въ объятіяхъ другъ друга ждали смерти. Объ этомъ Норбертъ слыхалъ еще раньше, но всегда считалъ эти разсказы выдумкой фантазеровъ. Совершенно такъ же отнесся онъ и къ разсказу хозяина, но тотъ принесъ ему въ доказательство покрытую зеленой патиной металлическую застежку, которая въ его присутствіи была извлечена изъ пепла вмѣстѣ съ останками дѣвушки. Когда Норбертъ, взялъ въ руки эту вещицу, сила воображенія настолько овладѣла имъ, что онъ, безъ дальнѣйшихъ размышленій, уплатилъ потребованную съ него чисто англійскую цѣну и быстро покинулъ со своей покупкой Albergo di Sole. Оглянувшись еще разъ, онъ увидѣлъ въ открытомъ окнѣ верхняго этажа цвѣтокъ асфоделя, стоящій въ стаканѣ съ водой. При видѣ этого могильнаго цвѣтка, Норберту пришла въ голову мысль, что благодаря ему онъ выяснитъ подлинность своего новаго пріобрѣтенія.

Онъ разсматривалъ застежку, направляясь вдоль городской стѣны къ Porta Marino: напряженное боязливое чувство смѣнялось въ немъ чувствомъ раздвоенности. Итакъ, сказка о молодыхъ влюбленныхъ, нашедшихъ смерть въ объятіяхъ другъ друга недалеко отъ Форума, не была празднымъ вздоромъ. Но вѣдь онъ помнилъ, что, готовясь къ смерти, Градива легла именно у храма Аполлона. Теперь онъ твердо зналъ, что это было только сновидѣніемъ; въ дѣйствительности же она могла пойти съ Форума дальше, встрѣтиться со своимъ возлюбленнымъ и умереть съ нимъ вмѣстѣ.

Зеленая пряжка могла принадлежать Зоѣ-Градивѣ, застегивать платье на ея груди: Зоя-Gradiva была возлюблен-

ной, невѣстой, быть можетъ, молодою женой того, съ кѣмъ вмѣстѣ захотѣла умереть.

Норбертъ Ганольдъ готовъ былъ отшвырнуть эту пряжку: она жгла его пальцы, точно раскаленная. Онъ испытывалъ такое же страданіе, какъ при мысли, что прикасается къ рукѣ Градивы и встрѣчаетъ вмѣсто нея пустоту.

Однако, разсудокъ восторжествовалъ надъ разыгравшейся фантазіей. Вѣдь не было безспорныхъ доказательствъ того, что застежка принадлежала Градивѣ и что именно Градива была найдена въ объятіяхъ молодого человѣка. Успокоившись на этой мысли, онъ, наконецъ, свободно вздохнулъ. Когда, послѣ продолжительной прогулки, въ сумерки Норбертъ добрался до своего отеля, онъ почувствовалъ физическій голодъ. Съ большимъ аппетитомъ проглотилъ онъ спартанскій ужинъ, который обычно подавался у „Діомеда“, несмотря на аргивское происхожденіе этого названія. За столомъ онъ замѣтилъ двухъ новыхъ гостей, пріѣхавшихъ послѣ обѣда,— молодого человѣка и его спутницу, оказавшихся тоже нѣмцами. У нихъ были привлекательныя, интеллигентныя лица; чѣмъ они приходились другъ другу, трудно было опредѣлить; хотя у молодого человѣка были свѣтлые волосы, а у дѣвушки – каштановые, но по нѣкоторому внѣшнему сходству Норбертъ рѣшилъ, что это братъ и сестра. Къ ея платью была приколота сорректская роза, что то смутно напомнившая Норберту. За все его путешествіе это были первые люди, вызвавшіе въ немъ чувство симпатіи. Сидя за бутылкой вина, они разговаривали вполголоса, такъ что ихъ слова не долетали до Норберта. Повидимому серьезный разговоръ по временамъ переходилъ въ шутливый, потому что ихъ уста складывались въ улыбку, которая была имъ къ лицу и вызывала желаніе принять участье въ ихъ бесѣдѣ. И если бы онъ встрѣтился съ ними двумя днями раньше въ обществѣ англо-

американцевъ, онъ, вѣроятно, такъ бы и поступилъ. Но то, что онъ переживалъ сейчасъ слишкомъ рѣзко противорѣчило искреннему веселью молодыхъ людей, которые безмятежно радовались таинственной загадкѣ жизни, не задумываясь надъ вопросомъ о загробномъ существованіи тѣхъ, что умерли двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Душевное состояніе Норберта не гармонировало съ настроеніемъ молодой пары: съ одной стороны, онъ чувствовалъ, что въ ихъ обществѣ онъ будетъ лишнимъ, съ другой — просто боялся завязать съ ними знакомство: ему казалось, что ихъ веселые, ясные глаза проникнутъ въ глубину его мыслей, и его примутъ за помѣшаннаго. Онъ ушелъ въ свою комнату, постоялъ, какъ и вчера, у окна, любуясь ночнымъ пурпурнымъ плащемъ Везувія, и легъ спать. Утомленный, онъ скоро уснулъ, и видѣлъ всю ночь странные сны. Гдѣ то на солнцепекѣ сидѣла Градива, сдѣлала изъ травы силокъ, чтобы поймать ящерицу, и говорила: „Пожалуйста, не шевелись: — коллега права, средство, дѣйствительно, хорошо, — она уже примѣняла его съ полнымъ успѣхомъ".

Норбертъ Ганольдъ сквозь сонъ понялъ, что это сплошной вздоръ. Онъ повернулся на другой бокъ, желая освободиться отъ кошмара. Ему помогла невидимая птица, которая издала короткій, похожій на смѣхъ, — крикъ, и, очевидно, унесла въ клювѣ ящерицу; послѣ этого все исчезло.

Проснувшись, онъ вспомнилъ, что чей-то голосъ говорилъ ему во снѣ о розахъ, которыя дарятъ весною; впрочемъ возможно, что онъ подумалъ объ этомъ, когда увидѣлъ за окномъ кустъ алыхъ цвѣтовъ. Это были такія же розы, какія онъ замѣтилъ вчера на груди молодой дамы, и, сойдя внизъ, онъ сорвалъ нѣсколько цвѣтковъ. Очевидно соррентскія розы обладали какими то особенными свойствами; ихъ запахъ показался ему не только удивительнымъ, но и со-

вершенно новымъ; онъ какъ будто оказывалъ благотворное вліяніе на его мозгъ, по крайней мѣрѣ, онъ освободилъ его отъ вчерашняго страха передъ привратниками. Норбертъ вошелъ въ Помпею черезъ главный входъ, уплатилъ подъ какимъ-то предлогомъ двойную плату и быстро удалился отъ остальныхъ посѣтителей. Маленькій альбомъ изъ Casa di Meleagro онъ несъ съ собою вмѣстѣ съ зеленой застежкой и красными розами. Однако, увлекшись ароматомъ цвѣтовъ, онъ забылъ позавтракать, и его мысли, чуждыя дѣйствительности, были всецѣло поглощены ожиданіемъ условленнаго часа. Но до полудня было еще далеко, надо было убить время, и онъ бродилъ изъ дома въ домъ, заходя, главнымъ образомъ, въ тѣ дома, гдѣ, какъ ему казалось, въ старину часто бывала Градива, а, быть можетъ, бываетъ и теперь. Онъ допускалъ, что она это дѣлаетъ не только въ полдень, но и въ другіе часы дня, пожалуй, также ночью при лунномъ свѣтѣ. Почему-то наводилъ его на эти мысли запахъ розъ; когда онъ вдыхалъ ихъ ароматъ, мозгъ его особенно настойчиво работалъ въ этомъ направлеміи. Собственно говоря, онъ не настаивалъ на своемъ мнѣніи,— что Градива обладаетъ свойствами живого существа,— онъ самъ признавалъ необходимость и желательность разумныхъ возраженій. Но при этомъ возникалъ другой вопросъ,— могутъ ли другіе люди видѣть Градиву какъ нѣчто реальное,—или это свойственно только ему одному. Первое изъ этихъ предположеній казалось вполнѣ вѣроятнымъ; но оно совершенно не отвѣчало желаніямъ Норберта и пробуждало въ немъ безпокойство и недовольство. Мысль о томъ, что другіе могутъ тоже заговорить съ Градивой, сѣсть рядомъ съ нею и завести бесѣду, возмущала его; онъ одинъ имѣлъ на это право, или, по крайней мѣрѣ, онъ преимущественно: вѣдь это онъ открылъ Градиву, о которой никто ничего не зналъ, онъ изо дня въ день изучалъ ее, воспринялъ ея образъ, перелилъ

въ нее до нѣкоторой степени свою жизненную силу. Ему иногда казалось, что именно онъ оживилъ ее. Отсюда его чувство пріобрѣтало права, на которыя онъ одинъ могъ притязать и могъ владѣть ими нераздѣльно.

День былъ еще жарче, чѣмъ оба предыдущихъ,— солнце пекло невѣроятно и заставляло не однихъ археологовъ сожалѣть о томъ, что водопроводъ Помпеи уже два тысячелѣтія разрушенъ. О немъ напоминали мѣстами уличные колодцы, носившіе на себѣ слѣды частаго пользованія изнывавшихъ отъ жажды прохожихъ. Чтобы пригнуться къ отверстію, изъ котораго текла вода, приходилось опереться одной рукой на мраморный край колодца, и на этомъ мѣстѣ образовалось углубленіе, какъ отъ воды, непрерывно капающей на камень. Норбертъ замѣтилъ это на колодцѣ на углу Strada della Fortuna; онъ подумалъ, что и рука Зои-Градивы когда-то опиралась здѣсь такимъ же образомъ, и машинально положилъ руку въ маленькую ямку. Но онъ тотчасъ же прогналъ эту мысль; ему стало стыдно, какъ могъ онъ допустить такую нелѣпость, которая рѣзко противорѣчила всему поведенію молодой помпеянки изъ образованной семьи; ему казалось унизительнымъ уже одно предположеніе, что Градива могла такимъ образомъ пригибаться и касаться губами того самого отверстія, изъ котораго пилъ плебсъ грубымъ ртомъ. Онъ никогда еще не встрѣчалъ такого изящества и благородства, какъ въ поступкахъ и движеніяхъ молодой дѣвушки; ему стало жутко при мысли, что она прочтетъ въ его глазахъ это безсмысленное предположеніе. Въ ея взглядѣ было что то проницательное; не разъ онъ чувствовалъ, что, при свиданіи съ нимъ, этотъ взглядъ старался, какъ стальной зондъ, проникнуть въ его голову и нащупать его мысли. И ему приходилось внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы Градива не прочла тамъ ничего нелѣпаго.

Еще цѣлый часъ оставался до полудня, и, чтобы заполнить его, Норбертъ пересѣкъ улицу и вошелъ въ Casa del Fauno, самый большой и роскошный изъ раскопанныхъ домовъ Помпеи. Въ отличіе ото всѣхъ остальныхъ, въ немъ былъ двойной атріумъ, и въ болѣе просторномъ изъ нихъ, посреди impluvium, находился пустой цоколь, на которомъ стояла прежде знаменитая статуя пляшущаго фавна, отъ которой домъ получилъ свое названіе. Однако на этотъ разъ Ганольдъ не жалѣлъ, что это произведеніе искусства, такъ высоко цѣнимое наукой, перенесено, вмѣстѣ съ мозаичной картиной битвы Александра, въ Національный Музей въ Неаполѣ. У него была только одна мысль и одно желаніе: приблизить время свиданія, и онъ бродилъ безъ всякаго плана по большому зданію. За перистилемъ открывался второй перистиль, окруженный многочисленными колоннами, такъ называемый xystos,—цвѣточный садъ; онъ и теперь былъ покрытъ, какъ и экусъ въ домѣ Мелеагра, алымъ макомъ. Задумчиво шелъ Ганольдъ среди этихъ развалинъ.

Но вдругъ онъ вздрогнулъ, остановился: онъ былъ не одинъ. Вдали онъ увидѣлъ двухъ людей, которыхъ сначала принялъ за одного человѣка, до того близко стояли они другъ къ другу. Поглощенные собою, они не замѣтили его, а, можетъ быть, думали, что за этими колоннами они защищены отъ чужихъ взоровъ. Крѣпко обнявшись, сливаясь губами, стояли они, и Ганольдъ съ удивленіемъ узналъ въ нихъ молодого господина и молодую даму, которые такъ понравились ему вчера вечеромъ. Для брата и сестры эти объятія и поцѣлуи казались слишкомъ продолжительными; это была, повидимому, влюбленная парочка, вѣроятнѣе всего, новобрачные,—тоже Августъ и Грета.

Но странно, Августъ и Грета не пришли въ данную минуту на умъ Норберту,—самое происшествіе не показалось ему смѣшнымъ или противнымъ, напротивъ, скорѣе усилило

его расположеніе къ молодымъ людямъ. То, что они дѣлали, казалось ему естественнымъ и понятнымъ,—онъ смотрѣлъ на нихъ съ большимъ восторгомъ, чѣмъ на самыя удивительныя произведенія древняго искусства, и готовъ былъ и дальше заниматься своимъ наблюденіемъ. Но онъ сознавалъ, что безъ всякаго права вторгается въ священное мѣсто и можетъ нарушить тайну любви; при мысли, что его замѣтятъ, имъ овладѣлъ ужасъ; быстро повернувшись, беззвучно пошелъ онъ на цыпочкахъ и, когда его шаговъ уже не было слышно, бросился, взволнованный, съ бьющимся сердцемъ, на Vicolo del Fauno.

Когда онъ подошелъ къ дому Мелеагра, онъ не зналъ, наступилъ ли уже полдень; но онъ не догадался посмотрѣть на часы, и остановился въ нерѣшительности передъ дверью, глядя на привѣтствіе „Have“ у порога. Его удерживалъ страхъ; онъ одинаково боялся и встрѣтить тамъ Градиву, и не встрѣтить ея. Въ послѣднюю минуту ему въ голову пришла мысль, что, если онъ не застанетъ ее на обычномъ мѣстѣ, то значитъ, она находится гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ съ какимъ-нибудь молодымъ человѣкомъ,— а если она окажется здѣсь, то этотъ молодой человѣкъ сидитъ, вѣроятно, рядомъ съ нею на ступенькѣ. Къ нему онъ чувствовалъ болѣе сильную ненависть, чѣмъ ко всѣмъ мухамъ вмѣстѣ; до сегодняшняго дня онъ даже не допускалъ мысли, что можетъ дойти до такой раздражительности. Дуэль, которую онъ всегда считалъ безсмыслицей, представилась ему въ совершенно иномъ свѣтѣ; она казалась ему естественнымъ правомъ смертельно обиженнаго человѣка, оскорбленнаго въ своихъ неотъемлемыхъ правахъ, единственнымъ средствомъ получить удовлетвореніе или освободиться отъ жизни, ставшей теперь безцѣльной. Быстрымъ движеніемъ онъ переступилъ порогъ; онъ хотѣлъ вызвать на дуэль

дерзкаго молодого человѣка, и—это было, пожалуй, еще важнѣе.—рѣшилъ сказать Градивѣ прямо, что считалъ ее болѣе благородной, неспособною на такую низость.

Это чувство возмущенія до того овладѣло имъ, что онъ не въ силахъ былъ удержать его даже тогда, когда убѣдился въ его неосновательности. Стремительно ворвавшись въ экусъ, онъ воскликнулъ возбужденно: „Ты одна“,—хотя было совершенно ясно, что Градива такъ же одиноко сидитъ на ступенькѣ, какъ и въ предыдущіе дни. Она посмотрѣла на него удивленно и отвѣтила: „Кому же еще быть здѣсь послѣ полудня. Теперь всѣ люди голодны и сидятъ за ѣдой. Природа устроила это очень удобно для меня“.

Однако его возбужденіе не могло такъ скоро улечься, и онъ невольно началъ дальше излагать мысли, которыя на порогѣ дома казались ему безспорными. Въ свое оправданіе онъ говорилъ, что иначе этого дѣла нельзя себѣ представить. Ясные глаза дѣвушки были устремлены на него, и, когда онъ кончилъ говорить, она указала пальцемъ на свой лобъ и многозначительно сказала: „Ты—“. Послѣ минутнаго молчанія она продолжала: „Кажется уже достаточно того, что я не ушла отсюда,—хотя могла знать, что въ это время ты явишься сюда. Но мнѣ здѣсь нравится; я вижу, ты принесъ мой альбомъ, который я вчера забыла. Благодарю тебя за вниманіе. Можетъ быть, ты, наконецъ, отдашь его мнѣ“.

Послѣднія слова она прибавила, видя, что онъ не двигается съ мѣста и, очевидно, не собирается вернуть альбомъ. Онъ постепенно началъ сознавать, что сказалъ чудовищную глупость; чтобы сгладить впечатлѣніе, онъ быстро подошелъ къ Градивѣ, подалъ ей альбомъ и машинально сѣлъ рядомъ съ нею на ступеньку. Замѣтивъ букетъ въ его рукѣ, она сказала: „Ты, кажется, любишь розы“.

Тогда онъ вспомнилъ, зачѣмъ сорвалъ и принесъ сюда

цвѣты, и отвѣтилъ: „Да,—но я ихъ не для себя,—ты говорила вчера—и сегодня ночью кто то мнѣ говорилъ—что ихъ дарятъ весною“.

Она подумала минуту, потомъ отвѣтила: „Ахъ, такъ—да, помню. Я говорила, что другимъ даютъ не асфодели, а розы. Это мило съ твоей стороны; мнѣ кажется, что ты сталъ лучшаго мнѣнія обо мнѣ“.

Она протянула руку за красными цвѣтами; передавая ихъ, онъ сказалъ: „Мнѣ казалось сначала, что ты можешь приходить только въ полдень; но потомъ я подумалъ, что это возможно и въ другое время,—эта мысль сдѣлала меня счастливымъ“,

— „Почему же эта мысль сдѣлала тебя счастливымъ?“.

Ея лицо выражало недоумѣніе, только въ углахъ губъ заиграла чуть замѣтная улыбка. Смущенно онъ проговорилъ: „Какъ хорошо быть живымъ—прежде мнѣ никогда не приходилось радоваться этому... Я хотѣлъ тебя еще спросить—“.

Онъ порылся въ боковомъ карманѣ и, найдя то, что искалъ, прибавилъ: „Скажи, не принадлежала ли тебѣ когда либо прежде эта пряжка?“.

Она посмотрѣла внимательно и покачала головой. „Нѣтъ, не могу вспомнить. По времени это вполнѣ возможно, такъ какъ она получена, вѣроятно, только въ этомъ году. Не нашелъ ли ты ее въ „Солнцѣ?“ Эта красивая зеленая патина мнѣ знакома, мнѣ кажется, что я ее уже гдѣ то видала“.

Онъ повторилъ невольно: „Въ солнцѣ? Почему въ солнцѣ?“.

„Sole“ называется это мѣсто здѣсь,—оно производитъ многое въ этомъ родѣ. Не принадлежала ли эта пряжка молодой дѣвушкѣ, которая погибла вмѣстѣ со своимъ спутникомъ въ окрестностяхъ форума?“.

„Да, который держалъ ее въ объятіяхъ“.

„Ахъ, такъ“.

Это было, повидимому, любимое восклицаніе Градивы. Послѣ минутнаго молчанія, она продолжала: „не потому ли подумалъ ты, что я ее носила? Можетъ быть, именно это обстоятельство,—какъ ты сказалъ,—дѣлало тебя несчастнымъ?“.

Очевидно, какое-то бремя свалилось съ него; это слышалось и въ его голосѣ, когда онъ отвѣтилъ: „Я очень радъ; одна мысль, что эта застежка принадлежала тебѣ, вызывала у меня головокруженіе“.

„Твоя голова, кажется, очень подвержена этому. Не забылъ ли ты сегодня утромъ позавтракать? Голодъ усиливаетъ такіе припадки; я не страдаю головокруженіями, однако, всюду беру съ собой какую-либо ѣду, такъ какъ люблю проводить здѣсь обѣденное время. Если я чѣмъ-нибудь могу облегчить твое болѣзненное состояніе, я охотно подѣлюсь съ тобой своимъ завтракомъ“.

Она вынула изъ кармана булку, завернутую въ шелковую бумагу, разломила ее пополамъ, сунула одну половину ему въ руку, а другую начала сама ѣсть съ большимъ аппетитомъ. Во время ѣды ея красивые бѣлые зубы сверкали точно жемчугъ, и хлѣбная корка такъ заманчиво хрустѣла подъ ними, что трудно было сомнѣваться въ ихъ реальности. Предположеніе Градивы относительно завтрака было, повидимому, правильно; онъ ѣлъ, машинально слѣдуя ея примѣру, и это производило весьма благотворное дѣйствіе на просвѣтленіе его мыслей. И нѣкоторое время оба они предавались молча этому полезному занятію; наконецъ Градива сказала: „Мнѣ сейчасъ кажется, что мы уже однажды, такимъ же образомъ ѣли вмѣстѣ хлѣбъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. А ты не помнишь?“.

Онъ не могъ припомнить этого, но теперь ему показалось страннымъ, что она говорила о такомъ далекомъ времени; пища успѣла вызвать перемѣну въ его настроеніи. Мысль, что Градива столько вѣковъ разгуливала въ Помпеѣ, не мирилась со здравымъ смысломъ; по всѣмъ признакамъ, Градивѣ не могло быть больше двадцати лѣтъ. Довольно было взглянуть на овалъ и цвѣтъ ея лица, на красивые, вьющіеся волосы и бѣлоснѣжные зубы; нелѣпо было также предполагать, что свѣтлое, безъ малѣйшаго пятнышка платье пролежало безчисленные годы въ пемзовомъ пеплѣ. Норбертъ началъ сомнѣваться въ своихъ чувствахъ: дѣйствительно ли сидитъ онъ здѣсь въ бодрствующемъ состояніи; не заснулъ ли онъ у себя въ рабочей комнатѣ, разсматривая портретъ Градивы,—и его поѣздка въ Помпею, встрѣча тамъ съ молодой дѣвушкой, какъ будто съ живымъ лицомъ, наконецъ, вотъ эта сцена сейчасъ въ Casa di Meleagro,—все не болѣе, какъ сонъ. Только во снѣ могло казаться, что Градива на самомъ дѣлѣ жива или вновь ожила—законы природы вопіютъ противъ этого.

Странно торжественно звучали слова ея, когда она сказала, что уже двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ однажды такъ же дѣлилась съ нимъ хлѣбомъ. Этого онъ не зналъ и не могъ представить себѣ даже во снѣ.

Ея лѣвая рука съ тонкими пальцами спокойно лежала на колѣняхъ—въ ней былъ ключъ къ рѣшенію запутанной загадки.

Увы, дерзость комнатныхъ мухъ не щадила даже экуса дома Мелеагра. Норбертъ увидѣлъ какъ одна изъ нихъ, точно высматривая добычу, бѣгала взадъ и впередъ по желтой колоннѣ; вотъ она прожужжала у него подъ самымъ носомъ.

Однако надо было что нибудь отвѣтить на вопросъ дѣвушки, не помнитъ ли онъ, какъ они вмѣстѣ ѣли хлѣбъ; и неожиданно для себя онъ произнесъ: „А что, въ то время

мухи были тоже такъ дьявольски невыносими и дѣлали жизнь ненавистной?“.

Она посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ, очевидно, ничего не понимая, и повторила: „Мухи? — Теперь у тебя муха въ головѣ“.

И вдругъ черное чудовище сѣло на ея руку, оставшуюся неподвижной, какъ если-бы она ничего не чувствовала. При видѣ этого въ молодомъ археологѣ зародились два разнородныхъ желанія, — убить муху и коснуться руки Градивы, — и оба эти желанія толкнули его къ одному и тому же дѣйствію: неожиданно его рука поднялась вверхъ и съ силой опустилась на муху — и на руку сосѣдки.

Онъ тотчасъ же спохватился и страшно сконфузился; въ одно и то же время онъ почувствовалъ и радость и страхъ. Рука его не пролетѣла по пустому пространству, не наткнулась на что то холодное, окоченѣлое, а встрѣтила настоящую, живую, теплую человѣческую руку; нѣсколько мгновеній эта рука оставалась недвижимой подъ его рукой, — очевидно, Градива совершенно растерялась, но потомъ она рѣзко отдернула руку, и онъ услыхалъ слова: „Ты, повидимому, съ ума сошелъ, Норбертъ Ганольдъ“.

Имя, котораго онъ никому не называлъ въ Помпеѣ, такъ легко, ясно и отчетливо было произнесено Градивой, что Норбертъ въ ужасѣ вскочилъ со ступеньки. Но въ это время подъ колоннадой зазвучали быстрые шаги, передъ его смущеннымъ взглядомъ мелькнули лица симпатичной влюбленной парочки изъ Casa de Fauno, и молодая дама воскликнула съ крайнимъ изумленіемъ: „Зоя, ты тоже здѣсь? Тоже совершаешь свадебное путешествіе? Но вѣдь ты мнѣ ни слова не писала объ этомъ!“

Норбертъ вновь очутился передъ домомъ Мелеагра на Strada di Mercurio. Онъ не могъ объяснить себѣ, какъ онъ

туда попалъ, повидимому, обратившись въ бѣгство, онъ дѣйствовалъ безотчетно. Это было единственное средство выйти изъ невѣроятно смѣшного положенія. Онъ стыдился и молодой пары, которая такъ дружески привѣтствовала Градиву, и Градивы, которая только что называла его по имени, а больше всего самого себя. Хотя во всемъ этомъ онъ ничего не понималъ, одно было безспорно: Градива съ ея тѣлесной, теплой, человѣческой рукой была права, когда сказала, что въ послѣдніе дни онъ близокъ къ помѣшательству. И все случившееся было не сномъ, а реальной дѣйствительностью. Онъ не могъ понять, какъ могло все это произойти; лишь смутно догадывался онъ, что здѣсь замѣшано какое-то шестое чувство, которое, всецѣло овладѣвъ человѣкомъ, можетъ разумное и цѣнное превратить въ нелѣпость. Необходимо было остаться наединѣ съ собою, чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ; но прежде всего Норберту хотѣлось уйти отъ людей, чувства которыхъ совершенно нормальны.

Что касается Градивы, то неожиданное появленіе въ домѣ Мелеагра ея подруги поразило ее и, повидимому, не особенно пріятно. Но неудовольствіе быстро исчезло съ ея умнаго лица, она встала, пошла навстрѣчу молодой дамѣ и сказала, подавая ей руку: „Это очень мило, Гиза, у случая бываютъ иногда пріятные капризы. Такъ это твой мужъ? Я очень рада съ нимъ познакомиться. Не думаю, чтобы мнѣ пришлось мѣнять свои поздравленія на соболѣзнованія. Тѣ молодыя пары, относительно которыхъ приходится поступать такимъ образомъ, сидятъ сейчасъ въ Помпеѣ за обѣденнымъ столомъ... Вы, вѣроятно, поселились около „Ingresso“, я зайду къ вамъ сегодня послѣ обѣда. Я тебѣ ничего не писала, но ты не можешь быть на меня въ претензіи; какъ видишь на моей рукѣ еще нѣтъ кольца. Я замѣчаю по тебѣ, что здѣшній воздухъ черезвычайно сильно

дѣйствуетъ на воображеніе; конечно, это лучше чѣмъ избытокъ трезвости. Молодой человѣкъ, который только что ушелъ, тоже страдаетъ какимъ-то страннымъ бредомъ, онъ, кажется, думаетъ, что у него въ головѣ жужжитъ муха; впрочемъ, у всякаго изъ насъ сидитъ тамъ какое нибудь насѣкомое. *Мнѣ по обязанности пришлось познакомиться съ* энтомологіей и я могу быть въ подобныхъ случаяхъ очень полезной. Мы съ отцомъ живемъ въ „Sole", ему внезапно пришла блестящая идея взять меня съ собою сюда, если я устроюсь самостоятельно въ Помпеѣ и не буду предъявлять къ нему никакихъ требованій. Я рѣшила, что и одна сумѣю раскопать для себя что нибудь интересное. Правда, о находкѣ, которую я сдѣлала, т. е. о счастьи встрѣтить тебя, Гиза, я даже не мечтала. Но я, какъ старуха теряю время на болтовню, а вѣдь мы вовсе не такъ стары. Мой отецъ приходитъ въ два часа прямо съ солнцепека къ обѣденному столу „Солнца", и такъ какъ безъ меня онъ неохотно садится за столъ, я должна съ вами проститься. Вы сможете и безъ меня осмотрѣть Casa di Meleagro. Favorisca, signor! A rivederci,*) Джизетта. На столько я уже научилась итальянскому языку, да больше, въ сущности не требуется. А то, что нужно сверхъ этого, черпаешь изъ самаго себя— ахъ нѣтъ, пожалуйста, senza complimenti!"**).

Послѣднія слова прибавила она, замѣтивъ, что молодой супругъ собирается ее проводить. Все это Зоя произнесла легко и просто,—что было естественно при неожиданной встрѣчѣ съ близкой пріятельницей; но она говорила съ такой невѣроятной быстротой, точно она была очень занята. Такимъ образомъ, всего нѣсколько минутъ спустя послѣ ухода Норберта Ганольда, она тоже вышла изъ дома

---

*) Мое почтенье, сударь! До свиданія.

**) Не безпокойтесь.

Мелеагра на улицу Меркурія. Какъ всегда въ этотъ часъ, улица была пустынна, только здѣсь и тамъ пробѣгали ящерицы; остановившись на тротуарѣ, Градива стала обдумывать положеніе. Потомъ она торопливо пошла по кратчайшему направленію, къ воротамъ Геркулеса, пересѣкла на углу Vicolo di Mercurio и Strada di Sallustio своей изящной быстрой походкой по переходнымъ плитамъ, и очень скоро достигла развалинъ городскихъ стѣнъ у Porta Ercolanese. За воротами тянулась улица могилъ, но теперь она не казалась ослѣпительно бѣлой, залитой золотистыми лучами солнца, какъ вчера въ это время, когда молодой археологъ стоялъ здѣсь и смотрѣлъ вдоль нея. Сегодня солнце, повидимому, утомилось отъ своей большой работы, оно закуталось въ сѣрый флеръ, который все больше и больше сгущался, и на этомъ фонѣ рѣзкими, черными призраками вырисовывались растущіе по Strada dei Sepolcri кипарисы. Не было, вчерашняго таинственно дрожащаго блеска; сама улица стала мрачно отчетливой. И это впечатлѣніе мертвенности еще больше усиливалось оттого, что въ концѣ улицы одиноко двигалась чья-то тѣнь, словно тамъ, около виллы Діомеда кто-то поднялся на могильный холмъ и исчезъ за надгробнымъ памятникомъ.

Кратчайшій путь отъ дома Мелеагра до гостинницы „Солнца“ лежалъ, конечно, не здѣсь, а какъ разъ съ противоположной стороны, но очевидно, Зоя-Градива рѣшила, что не зачѣмъ такъ спѣшить къ обѣду. Остановившись на мгновеніе у воротъ Геркулеса, она пошла дальше по плитамъ изъ лавы по улицѣ могилъ, ставя ступню ноги каждый разъ почти отвѣсно.

„Вилла Діомеда“ — случайно получила названіе отъ гробницы, которую „отпущенный рабъ“ Маркъ Аррій Діомедъ, бывшій начальникомъ этой части города, построилъ

по близости для своей бывшей госпожи Арріи, а также для себя и своихъ близкихъ. Эта вилла представляетъ очень большое зданіе и съ нею связана трагическая страничка изъ исторіи гибели Помпеи. Цѣлый лабиринтъ развалинъ составляетъ верхнюю часть виллы, ниже лежитъ большой садъ, окруженный уцѣлѣвшимъ еще портикомъ, съ остатками колодца и маленькаго храма по-срединѣ, а еще ниже двѣ ступени ведутъ въ полукруглый, слабо освѣщенный сумеречнымъ свѣтомъ, сводчатый подвальный ходъ. Сюда тоже проникъ пепелъ Везувія. При раскопкахъ здѣсь нашли скелеты восемнадцати женщинъ и дѣтей; ища спасенія, укрылись они въ этомъ подземельѣ, наскоро захвативъ кое какую пищу, и обманчивое убѣжище превратилось для нихъ въ могилу. Въ другомъ мѣстѣ лежалъ трупъ предполагаемаго хозяина дома; онъ хотѣлъ спастись черезъ запертую калитку сада, ключъ отъ нея былъ зажатъ у него въ рукѣ. Рядомъ на землѣ сидѣлъ скорчившись другой скелетъ, очевидно, слуги, который несъ большую сумму золотыхъ и серебряныхъ монетъ. Затвердѣвшій пепелъ сохранилъ формы тѣлъ несчастныхъ жертвъ; въ Musco Nazionale въ Неаполѣ хранится подъ стекломъ найденный здѣсь точный отпечатокъ шеи, плечъ и красивой груди молодой дѣвушки, одѣтой въ тонкое, словно газовое, платье.

Виллу Діомеда считаетъ своей обязанностью посѣтить каждый добросовѣстный туристъ; однако, можно было съ увѣренностью сказать, что теперь, въ обѣденный часъ, въ особенности при отдаленности виллы, въ ней нѣтъ посѣтителей. Поэтому она казалась Норберту Ганольду тѣмъ уединеннымъ мѣстомъ, гдѣ онъ могъ бы лучше всего разобраться въ своихъ мысляхъ. Онъ искалъ полнаго одиночества, мертвой тишины и покоя; но безпокойная кровь его протестовала противъ этого, требуя движенія; примирить эти противорѣчія онъ могъ лишь тѣмъ, что предоставилъ

головѣ заниматься своими мыслями, а самъ безъ устали ходилъ взадъ и впередъ вдоль портика. Ему удалось достичь физическаго равновѣсія, и теперь онъ стремился также къ душевному равновѣсію; это было гораздо легче задумать, чѣмъ исполнить. Все-же для него стало ясно, что онъ поступилъ, какъ человѣкъ, лишенный здраваго смысла, вообразивъ, что сидитъ рядомъ съ воскресшей изъ мертвыхъ молодой помпеянкой. Уже одно то, что Норбертъ сознавалъ это, говорило о возстановленіи его нормальныхъ умственныхъ способностей. Все же онъ не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ своей навязчивой идеи: хотя онъ и сознавалъ, что Градива не болѣе, какъ мертвое, каменное изваяніе, въ то же время онъ не сомнѣвался въ томъ, что она жива. Вѣдь не только онъ, но и другіе видѣли ее, называли ее Зоей и разговаривали съ нею, какъ съ живымъ существомъ. Но съ другой стороны, она знала его имя, а узнать его она могла только сверхъестественнымъ путемъ; это противорѣчіе оставалось для него неразрѣшимымъ даже тогда, когда разсудокъ его началъ проясняться. Такая же раздвоенность была и въ его душѣ: ему хотѣлось быть мертвымъ, какъ эти жертвы, засыпанныя въ виллѣ Діомеда двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, лишь бы не встрѣтиться опять съ Зоей-Градивой; но, въ то же время, его охватывала радость при мысли, что онъ еще живъ, а потому можетъ еще разъ увидѣться съ нею. Какъ будто въ его головѣ вращалось мельничное колесо, и самъ онъ, какъ колесо, безостановочно кружилъ по длинному портику, не находя выхода изъ этихъ противорѣчій. Ему даже казалось, что все въ немъ и вокругъ него затемняется еще больше.

Дойдя до одного изъ четырехъ угловъ колоннады, онъ вдругъ въ ужасѣ отшатнулся: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, на полуразрушенной высокой стѣнѣ сидѣла одна изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя были засыпаны здѣсь золой.

Нѣтъ, это не она. Норбертъ сейчасъ же самъ понялъ это. Это была Градива; онъ увидалъ ее, онъ чувствовалъ ея присутствіе. Она сидѣла на высокой стѣнѣ, такъ же невозмутимо, какъ прежде сидѣла на ступенькѣ въ залѣ дома Мелеагра, но теперь видны были изящныя ноги въ песочно-желтыхъ башмакахъ.

Первымъ инстинктивнымъ движеніемъ Норберта было броситься въ садъ и убѣжать: то, чего онъ полчаса тому назадъ больше всего боялся, неожиданно наступило; на него смотрѣли ясные глаза дѣвушки, готовой, какъ ему казалось, разразиться ироническимъ смѣхомъ. Но вмѣсто этого прозвучалъ спокойный голосъ: „Въ саду ты промокнешь".

Только теперь онъ замѣтилъ, что идетъ дождь; оттого и стало такъ темно. Безспорно, это было очень полезно для растительности Помпеи, но смѣшно было-бы думать, что и для Норберта Ганольда онъ тоже можетъ быть полезенъ; а въ данную минуту онъ больше смерти боялся быть смѣшнымъ. Пришлось поневолѣ отказаться отъ бѣгства. Ганольдъ стоялъ безпомощно на мѣстѣ, глядя на ноги дѣвушки, капризно болтавшіеся, какъ будто ими овладѣло нетерпѣніе. Но видъ ихъ не привелъ мыслей Норберта въ спокойное состояніе; видя, что онъ молчитъ, обладательница изящныхъ ножекъ заговорила опять: „Намъ тогда помѣшали, — ты хотѣлъ разсказать мнѣ что-то про мухъ... я подумала, что ты занимаешься здѣсь научными изслѣдованіями; или, быть можетъ, тебя безпокоитъ муха засѣвшая у тебя въ головѣ? Что-же? ты поймалъ и убилъ ее на моей рукѣ?".

Послѣднія слова она произнесла съ такой очаровательной улыбкой, что къ молодому археологу вернулся даръ рѣчи. Теперь онъ не зналъ, удобно ли говорить дѣвушкѣ ты, а потому онъ рѣшилъ избѣгать въ разговорѣ всякихъ личныхъ обращеній. Онъ сказалъ Градивѣ: „у меня въ головѣ, какъ кто-то сказалъ, все перепуталось... Поэтому

прошу прощеніе за то, что я такимъ образомъ... руку— какъ я могъ быть столь безразсуднымъ, мнѣ совершенно непонятно—но также отказываюсь понять какимъ образомъ обладательница этой руки могла меня упрекнуть въ этомъ безразсудствѣ, называя меня по имени".

Градива перестала болтать ногами. „Повидимому, ты все еще ничего не понимаешь, Норбертъ Ганольдъ. Правда, это меня не удивляетъ, ты уже давно меня къ этому пріучилъ. Чтобы получить новый урокъ, мнѣ незачѣмъ было ѣхать въ Помпею,—ты могъ бы мнѣ дать его на сто миль ближе".

„На сто миль ближе", — повторилъ онъ, не понимая, — „гдѣ же это?".

„Противъ твоей квартиры, въ угловомъ домѣ, стоитъ у меня на окнѣ клѣтка съ канарейкой".

Слова эти пробудили въ немъ воспоминаніе далекаго прошлаго, и онъ повторилъ: „Канарейка... та, которая — которая поетъ..."

„Да, канарейки обыкновенно поютъ,— особенно весною, когда солнце начинаетъ пригрѣвать. Въ этомъ домѣ живетъ мой отецъ, профессоръ зоологіи, Рихардъ Бертгангъ".

Глаза Норберта Ганольда расширились отъ удивленія: „Бертгангъ — повторилъ онъ — стало быть вы — вы — Зоя Бертгангъ... Но вѣдь она выглядѣла совсѣмъ иначе".

Ноги дѣвушки опять начали слегка раскачиваться, и Зоя Бертгангъ отвѣтила: „Если ты считаешь обращеніе на „вы" болѣе удобнымъ, будемъ говорить такъ,— хотя для меня естественнѣе говорить вамъ „ты". Я не знаю выглядѣла ли я иначе въ то время, когда мы дружно по цѣлямъ днямъ играли и бѣгали вмѣстѣ, а при случаѣ, для разнообразія, тузили и лупили другъ друга! Но если бы въ послѣдніе годы вы хоть одинъ разъ удостоили меня взгляда, быть можетъ, вы убѣдились бы тогда, что я уже давно такъ

выгляжу.—Однако дождь льетъ, какъ изъ ведра, на васъ не останется сухой нитки".

Ноги Градивы болтались теперь нетерпѣливо, а въ ея голосѣ слышались раздражительныя и недовольныя ноты. Норбертъ чувствовалъ, что попалъ въ положеніе школьника, молчаливо выслушивающаго выговоръ. Онъ еще разъ машинально оглянулся—нельзя-ли убѣжать; именно это движеніе, выдавшее его намѣреніе, вызвало послѣднія, равнодушно сказанныя слова Зои. Она была совершенно права, для дождя, который заливалъ теперь все кругомъ, опредѣленіе „какъ изъ ведра" казалось слишкомъ мягкимъ. Тропическіе потоки, какіе рѣдко утоляютъ лѣтнюю жажду полей Кампаньи, съ ревомъ низвергались на землю, словно все Тирренское море собиралось затопить виллу Діомеда. Эти потоки казались плотной стѣной, какъ бы сложенной изъ милліардовъ жемчужныхъ капель величиною въ орѣхъ. Убѣжать теперь было совершенно невозможно; Норберту Ганольду приходилось стоять подъ портикомъ, какъ школьнику въ классѣ, а молодая учительница съ тонкимъ, умнымъ лицомъ, пользуясь его невольнымъ заточеніемъ, продолжала дальше свои педагогическія нравоученія:

„Тогда, ну, до того времени, пока насъ не стали называть—сама не знаю отчего—подростками, во мнѣ жила необыкновенная привязанность къ вамъ, и я думала, что въ цѣломъ мірѣ не смогла бы никогда найти себѣ лучшаго друга. Матери, сестры или брата у меня не было, для моего отца мѣдянка въ спирту была интереснѣе меня, но вѣдь что-нибудь долженъ имѣть всякій—въ томъ числѣ и дѣвушка—чѣмъ можно было бы занять свои мысли и все то, что съ ними связано. Этимъ вы были иногда для меня. Но когда на васъ обрушилось это несчастье—археологія, я сдѣлала открытіе, что ты—простите, но ваше галантное нововведеніе звучитъ такъ нелѣпо и такъ не гармонируетъ съ

тѣмъ, что я хочу выразить и я хотѣла сказать: тогда именно стало ясно, что изъ тебя сдѣлался несносный человѣкъ, который, по крайней мѣрѣ для меня не имѣлъ ни глазъ въ головѣ, ни языка во рту, ни воспоминаній, тѣхъ воспоминаній, которыя у меня живо сохранились о нашемъ дѣтствѣ. И, если я тебѣ казалось другой, чѣмъ прежде, то это потому, что, встрѣчаясь изрѣдка со мною въ обществѣ,— послѣдній разъ это было еще прошлой зимой—ты не замѣчалъ меня, не разговаривалъ со мною. Впрочемъ, ты не дѣлалъ для меня исключенія, а поступалъ такъ-же точно и по отношенію къ другимъ. Я для тебя была пустымъ пространствомъ, съ своимъ бѣлокурымъ локономъ, за который я раньше такъ часто таскала тебя, былъ скучный, сухой и молчаливый, какъ чучело какаду, и притомъ важный, какъ археоптериксъ—такъ, кажется, называется это птицеподобное ископаемое. Но я все же никогда не подозрѣвала, чтобы въ твоей головѣ могла зародиться такая дикая фантазія,—принять меня въ Помпеѣ тоже за ископаемое и притомъ воскресшее. Когда ты такъ неожиданно появился предо мною, мнѣ стоило большого труда понять, какой нелѣпый бредъ овладѣлъ твоимъ воображеніемъ. Но потомъ это только забавляло меня и нравилось мнѣ, несмотря на свое безуміе. Повторяю, этого я за тобой не подозрѣвала".

Зоя Бертгангъ закончила свою безпощадную обвинительную рѣчь; правда, къ концу она смягчила выраженіе и тонъ. Было удивительно, до чего походила она на рельефъ Градивы. И не только чертами, лица, а фигурой, умнымъ выраженіемъ блестящихъ глазъ красивыми, вьющимися волосами; ея платье и платокъ изъ тонкой кашемировой матеріи кремоваго цвѣта, съ мягкими складками, довершали рѣдкое сходство. Конечно, много нелѣпаго было въ увѣренности Норберта, что засыпанная Везувіемъ два тысячелѣтія

назадъ помпеянка можетъ опять жить, гулять, говорить, рисовать и ѣсть, но, вѣра, которая даритъ людямъ блаженство, всегда заключаетъ въ себѣ много необъяснимаго, а если, при оцѣнкѣ умственнаго состоянія Норберта, принять во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла, станетъ понятнымъ то странное помѣшательство, подъ вліяніемъ котораго два дня смотрѣлъ онъ на Градиву, какъ на воскресшую.

Хотя крыша портика защищала его отъ дождя, у него все-же былъ видъ мокраго пуделя. Однако, холодный душъ подѣйствовалъ на него хорошо. Самъ не понимая почему, онъ чувствовалъ, что дышется ему какъ то легче. Этому помогла, конечно, перемѣна тона къ концу объясненія,—по крайней мѣрѣ съ этого момента у него въ глазахъ появился огонекъ, какой бываетъ у молитвенно настроенныхъ людей въ церкви, когда вѣра открываетъ имъ пути къ спасенію. А такъ какъ проповѣдь уже окончилась, и нечего было опасаться ея продолженія, онъ пробормоталъ несмѣло: „Да, теперь я вижу... ты совсѣмъ не измѣнилась—это ты Зоя—моя добрая умная, подруга—какъ это странно!..“

— ... то, что нужно сначала умереть, чтобы потомъ воскреснуть? Для археолога это очевидно, необходимо?“

„Нѣтъ я имѣю въ виду твое имя...“.

„Чѣмъ-же оно странно?“.

Молодой археологъ оказался свѣдущимъ не только въ классическихъ языкахъ, но и въ нѣмецкой этимологіи, и отвѣтилъ: „Вѣдь „Бертгангъ“ и „Градива“ значитъ то же самое: „въ сіяніи идущая“.

Башмаки Зои Бертгангъ, похожіе на сандаліи, нетерпѣливо болтались теперь, точно трясогузки; но, очевидно, не филологическія разъясненія занимали дѣвушку съ сіяющей походкой. По выраженію ея лица видно было, что въ ней созрѣло какое-то рѣшеніе, которому помѣшали слова Норберта, произнесенныя съ глубокимъ чувствомъ: „Какое

счастье, что ты не Градива, а такая-же, какъ и та, симпатичная молодая дама".

На ея лицѣ появилось выраженіе крайняго изумленія. Она спросила: „Кто? О комъ ты говоришь?".

„Та, что говорила съ тобою въ домѣ Мелеагра".

„Ты ее знаешь?".

„Да, я ее уже видалъ. Это была первая женщина, которая мнѣ очень понравилась".

„Вотъ какъ. Гдѣ же ты ее видалъ?".

„Сегодня утромъ въ домѣ Фавна. Тамъ они оба чѣмъ то занимались".

„Что же они дѣлали?".

„Не замѣтивъ меня, они цѣловались".

„Собственно говоря, это очень разумно. Иначе, зачѣмъ же имъ было совершатъ свое свадебное путешествіе въ Помпею".

При этихъ словахъ, картина передъ глазами Норберта вдругъ измѣнилась: старый обломокъ стѣны вдругъ опустѣлъ, а та, которая, сидя на немъ, произносила проповѣдь, соскочила внизъ. Вѣрнѣе, она вспорхнула, подобно быстро летящей трясогузкѣ: не успѣлъ онъ сообразить, какъ Градива стояла уже на ногахъ. И, какъ бы продолжая свою рѣчь, она сказала „Но вотъ дождь пересталъ: власть слишкомъ строгихъ повелителей не долго длится. Опять все вернулось въ прежнее состояніе, въ томъ числѣ и я, а ты можешь опять розыскать Гизу Гартлебенъ, или, какъ она теперь называется, и усладить ея пребываніе въ Помпеѣ научными комментаріями. Мнѣ же пора итти въ гостиницу „Солнце". Отецъ, вѣроятно, уже ждетъ меня съ обѣдомъ. Быть можетъ, въ обществѣ, гдѣ нибудь мы еще встрѣтимся, въ Германіи или на лунѣ. Addio!".

Все это было сказано вѣжливымъ, холоднымъ тономъ благовоспитанной дамы, и, сдѣлавъ шагъ впередъ, Зоя

Бертгангъ по привычкѣ поставила ступню правой ноги почти отвѣсно. Ступая по мокрой землѣ, она подобрала лѣвой рукою платье. Получился законченный образъ Градивы. Стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея Норбертъ теперь впервые замѣтилъ нѣкоторое различіе между живой и каменной Градивой. У послѣдней не было чего то, что было у первой, и, что особенно ясно выступало въ данную минуту: ямочки на щекѣ, которая придавала лицу выраженіе не то огорченія, не то сдержаннаго смѣха. На эту ямочку смотрѣлъ Норбертъ, и, хотя онъ уже пришелъ въ нормальное состояніе, Зоѣ показалось, что онъ вновь поддался оптическому обману, потому что онъ вдругъ воскликнулъ какимъ то торжествующимъ тономъ: „Вотъ опять муха!“

Это звучало такъ странно, что у Зои-Градивы, не видѣвшей самое себя, невольно вырвался вопросъ: „Муха?— гдѣ?“.

„Здѣсь, на твоей щекѣ“. Въ то же время онъ вдругъ обнялъ ее за шею и потянулся губами къ ямкѣ, въ которой, казалось, находилось ненавистное насѣкомое; но, очевидно, его трудно было поймать, потому что Норбертъ тотчасъ же снова воскликнулъ: „Смотри, теперь она сидитъ на губѣ“, и при этомъ съ быстротою молніи прильнулъ къ губамъ дѣвушки и долго не отрывался отъ нихъ, изъ чего можно было заключить. что ему удалось, наконецъ, поймать отвратительную муху. И, странно, живая Градива не сопротивлялась ему; когда же, минуту спустя, она освободилась, чтобы перевести дыханіе, она не сказала: „ты, повидимому, съ ума сошелъ, Норбертъ Ганольдъ“; напротивъ, на ея покраснѣвшихъ губахъ играла милая улыбка, говорившая, что молодая дѣвушка окончательно убѣдилась въ полномъ умственномъ выздоровленіи своего друга дѣтства.

Двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, въ часъ своей гибели, вилла Діомеда видѣла и слышала много потрясающаго, но

теперь она въ теченіе часа была свидѣтельницей такихъ вещей, которыя менѣе всего способны внушать ужасъ. Наконецъ благоразуміе Зои Бертгангъ восторжествовало, и она, правда, неохотно, сказала: „Теперь я дѣйствительно должна уйти, иначе мой бѣдный отецъ умретъ съ голоду. Мнѣ кажется, что ты можешь сегодня послѣ обѣда отказаться отъ общества Гизы Гартлебенъ; тебѣ больше нечему у нея учиться,—можешь смѣло предпочесть „Солнечную гостинницу".

Изъ этого можно догадаться, о чемъ говорили молодые люди въ теченіе цѣлаго часа и какого рода педагогическому воздѣйствію подвергся Норбертъ со стороны дѣвушки. Но сейчасъ его вниманіе было поглощено вопросомъ, который теперь впервые возникъ у него и наполнилъ его безпокойствомъ. Онъ робко спросилъ: „Твой отецъ—а какъ онъ?".

Зоя невозмутимо отвѣтила: „Вѣроятно, онъ никакъ не отнесется; я не принадлежу къ числу необходимыхъ экземпляровъ въ его зоологичеекой коллекціи; иначе мое глупое сердце, быть можетъ, не привязалось бы къ тебѣ такъ сильно. Впрочемъ, я уже давно поняла, что женщина только тогда приноситъ человѣчеству пользу, когда освобождаетъ мужчину отъ заботъ по хозяйству; отъ этихъ заботъ я почти всецѣло освободила отца, и въ этомъ смыслѣ ты тоже можешь быть спокоенъ за свое будущее. Но, если бы онъ неожиданно оказался въ этомъ вопросѣ другого мнѣнія, чѣмъ я, мы тогда устроимъ это очень просто. Ты поѣдешь дня на два на Капри, поймаешь тамъ травянымъ силкомъ lacerta faraglionensis,—какъ это дѣлать, я научу тебя на моемъ пальцѣ—выпустишь ее здѣсь на волю и потомъ вторично поймаешь на его глазахъ. Тогда ты предложешь ему выборъ между ящерицей и мною, и твой успѣхъ настолько обезпеченъ, что мнѣ даже жалко тебя. Но я чувствую, что была неблагодарна коллегѣ Эймеру; безъ его

геніальнаго открытія, какъ надо ловить ящерицъ, я, вѣроятно, не попала бы въ домъ Мелеагра, о чемъ пришлось бы пожалѣть не только тебѣ, но и мнѣ".

Послѣднія слова она произнесла, уходя уже изъ виллы Діомеда; къ сожалѣнію, не было уже никого въ живыхъ изъ тѣхъ, кто слышалъ голосъ и рѣчь настоящей Градивы; но, если и въ этомъ отношеніи она была похожа на Зою Бертгангъ, то смѣло можно сказать, что голосъ помпеянки отличался большой красотой, а ея рѣчь большимъ лукавствомъ.

По крайней мѣрѣ, Норбертъ Ганольдъ былъ глубоко убѣжденъ въ этомъ. Подъ вліяніемъ охватившаго его настроенія онъ воскликнулъ: „Зоя, моя жизнь, моя прекрасная дѣйствительность,—нашъ медовый мѣсяцъ мы проведемъ въ Италіи и Помпеѣ!"

Это доказывало только, что обстоятельства, мѣняясь, вызываютъ также перемѣну въ человѣческихъ настроеніяхъ и заставляютъ людей забывать то, что они сами говорили раньше. Ему даже въ голову не пришло, что его самого и его будущую спутницу можетъ какой нибудь мизантропъ,—спутникъ по вагону—обозвать Августомъ и Гретой: онъ сейчасъ такъ же мало думалъ объ этомъ, какъ и о томъ, что идетъ съ Зоей рука объ руку по улицѣ могилъ въ Помпеѣ. Теперь эта улица не оправдывала своего названія; безоблачное небо опять сіяло и смѣялось надъ ними, солнце золотило старыя плиты изъ лавы, на вершинѣ Везувія протягивала свои ароматныя вѣтви пинія, и весь раскопанный городъ касался засыпаннымъ не пемзой и пепломъ, а сверкающимъ дождемъ изъ жемчуга и алмазовъ. Съ этимъ блескомъ состязался блескъ очей молодой дочери зоолога.

На предложеніе друга дѣтства, тоже какъ будто выкопаннаго изъ развалинъ, она отвѣтила; „Надъ этимъ мы не станемъ теперь ломать голову; мы успѣемъ еще не разъ

и гораздо лучше обсудить этотъ вопросъ въ зависимости отъ нашихъ будущихъ настроеній. По крайней мѣрѣ, я чувствую себя еще не достаточно ожившей для такого рода географическихъ споровъ".

Повидимому, дѣвушка проявляла большую сдержанность въ разрѣшеніи тѣхъ вопросовъ, надъ которыми она до сихъ поръ еще не задумывалась. Они опять очутились у воротъ Геркулеса, гдѣ въ началѣ Strada Consolare пересѣкали улицу старыя переходныя плиты. Норбертъ Ганольдъ остановился передъ ними и сказалъ съ дрожью въ голосѣ; „Иди, пожалуйста, впередъ". Веселая лукавая улыбка пробѣжала по устамъ его спутницы, и, приподнявъ слегка лѣвой рукою платье, перешла улицу въ солнечномъ блескѣ возрожденная Градива Зоя Бертгантъ своей спокойно-скользкой походкой. И мечтательнымъ взглядомъ слѣдилъ за нею Норбертъ Ганольдъ.

Вся символика психосинтетическая
— отделяющиеся от земли
ступни — начало полета..

[illegible] - [illegible]

Крылья! (крылья [стр 6] — „символ парящего полета с твердым телом").

в отбудущих настроениях
[illegible]
— [illegible]
Августа и Грета...
или что иное их ждет

Prof. S. FREUD.

Бредъ и сны въ Градивѣ В. Іенсена.

Въ небольшомъ кругу лицъ, не сомнѣвающихся въ томъ, что главнѣйшія загадки сущности сновидѣній разрѣшены трудами автора этой книги, возникло желаніе разобраться въ тѣхъ снахъ, которые, собственно, никогда никому и не снились, но которые поэтами приписываются по ходу дѣйствія героямъ ихъ произведеній. Предложеніе подвергнуть изученію такого рода сны можетъ казаться пустой и странной затѣей, но съ извѣстной точки зрѣнія изслѣдованіе это можетъ быть вполнѣ оправдано. Далеко не всѣ думаютъ, что сонъ явленіе объяснимое, имѣющее свое значеніе. Представители науки и большинство образованныхъ людей смѣются, когда имъ предлагаютъ разрѣшить вопросъ объ объясненіи смысла сновъ; только древніе народы и темное, суевѣрное простонародіе, держась завѣтовъ старины, не хочетъ отказаться отъ вѣры, что сны имѣютъ значеніе. И авторъ „Traumdeutung“ имѣлъ смѣлость стать на сторону древнихъ и суевѣрныхъ противъ нареканій суровой науки. Онъ, правда, далекъ отъ мысли видѣть въ снахъ предсказаніе грядущаго, къ распознаванію котораго человѣкъ издавна и напрасно стремится всѣми силами и способами. Но онъ все же не можетъ совершенно отбросить мысль объ извѣстномъ отношеніи сновъ къ будущему. Послѣ кропотливаго разбора и анализа онъ пришелъ къ заключенію, что сонъ есть воплощеніе желанія спящаго—а кто станетъ спорить о томъ, что большинство желаній относится къ будущему?

Я сказалъ только что, будто сонъ есть воплощенное (исполненное) желаніе. Кто не останавливается передъ изученіемъ трудной книги, кто не хочетъ, для облегченія труда своего, знакомиться съ сложной, запутанной проблемой въ легкомъ и популярномъ изложеніи, хотя бы въ ущербъ истинѣ и точности, — тотъ найдетъ подробное доказательство этого положенія въ упомянутой книгѣ: „Traumdeutung". А до того пусть онъ откажется отъ возраженій противъ отождествленія сновъ съ воплощеннымъ желаніемъ.

Но мы забѣжали впередъ. Вопросъ вовсе не сводится къ тому, чтобы выяснить, заключается ли смыслъ сновидѣній всегда въ воплощеніи какого-нибудь желанія, или можетъ ли онъ такъ же часто быть ожиданіемъ чего-то страшнаго, намѣреніемъ, соображеніемъ, и т. п. Гораздо важнѣе рѣшить сначала вопросъ имѣютъ ли сны смыслъ вообще и можно ли имъ придаватъ цѣнность психическаго переживанія. Наука даетъ на это отрицательный отвѣтъ; она видитъ въ сновидѣніи только физіологическій процессъ, въ которомъ не слѣдуетъ искать ни смысла, ни значенія, ни намѣренія. Какія-нибудь физическія раздраженія—говоритъ она — задѣваютъ во снѣ психическій инструментъ и вводятъ въ сознаніе тѣ или другія, лишенныя всякой внутренней связи, представленія. Сновидѣнія скорѣй конвульсіи, чѣмъ отраженія движенія психической жизни.

Въ этомъ спорѣ объ оцѣнкѣ сновидѣній поэты, кажется, стоятъ на сторонѣ древнихъ, суевѣрнаго простонародья и автора „Traumdeutung". Ибо описывая сновидѣнія своихъ изображаемыхъ героевъ, они остаются вѣрными житейскому опыту,—что мышленіе и чувствованія человѣка не прекращаются и во время сна. Въ сущности, они стараются только изобразить посредствомъ сновидѣній психическое состояніе своихъ героевъ. А поэты —драгоцѣнные союзники и къ голосу ихъ слѣдуетъ прислушаться, ибо вѣдомо имъ много

между небомъ и землей такого, чего и не снится нашимъ школьнымъ мудрецамъ. Въ знанiи психологiи поэты оставили далеко позади себя насъ, людей прозы; потому что творя, они черпаютъ изъ такихъ источниковъ, какихъ мы еще не открыли для науки. Если-бъ только это свидѣтельство поэтовъ въ пользу того, что сновидѣнiя имѣютъ извѣстный смыслъ было болѣе опредѣленнымъ! Строгая критика могла бы, правда, возразить, что поэты, въ сущности, ничего не говорятъ ни за, ни противъ психическаго значенiя какого-нибудь единичнаго сновидѣнiя; они довольствуются только тѣмъ, что рисуютъ, какъ вздрагиваетъ душа спящаго подъ влiянiемъ возбужденiй,—какъ-бы глубоко застрявшихъ въ ней откликовъ дѣйствительной жизни.

Это соображенiе нисколько не ослабляетъ нашего интереса къ тому, какъ поэты пользуются снами въ своихъ произведенiяхъ. Если изслѣдованiе этого вопроса и не скажетъ намъ ничего новаго о сущности сновидѣнiй, все же можетъ быть, оно дастъ намъ возможность получить хоть нѣкоторое освѣщенiе сущности поэтическаго творчества съ этой стороны. Если дѣйствительные сны считаются свободными, ничѣмъ не сдерживаемыми и неуправляемыми продуктами душевной дѣятельности, то тѣмъ болѣе вѣдь таковыми должны быть свободныя подражанiя этимъ снамъ. Но въ психической жизни нашей гораздо меньше свободы и произвола, чѣмъ мы склонны это думать, можетъ быть и совсѣмъ ихъ нѣтъ. То, что во внѣшнемъ мiрѣ мы называемъ случайностью, подчинено, какъ извѣстно, точнымъ законамъ; также и то, что въ психической жизни мы считаемъ произволомъ подчиняется законамъ, о которыхъ, правда, въ настоящее время мы имѣемъ лишь смутное представленiе. Постараемся же разсмотрѣть эти сочиненные сны!

Изслѣдованiе, о которомъ мы говоримъ, можно было бы произвести двумя способами. Одинъ состоялъ бы въ томъ,

что подвергли бъ изученію какой-нибудь единичный случай,— одинъ, сочиненный какимъ-нибудь поэтомъ сонъ, въ одномъ какомъ-либо произведеніи. Другой свелся бы къ собиранію, сличенію и сопоставленію всѣхъ случаевъ примѣненія сновидѣній въ произведеніяхъ различныхъ поэтовъ. Этотъ второй способъ кажется намъ гораздо болѣе правильнымъ, можетъ быть даже единственно правильнымъ, потому что даетъ возможность избѣгнуть ошибокъ и недостатковъ, проистекающихъ отъ произвольнаго примѣненія собирательнаго понятія „поэтъ" къ тому или другому лицу. При такого рода изслѣдованіи подъ это понятіе подойдутъ самые различные по своей индивидуальности поэты и среди нихъ найдутся и такіе, которыхъ мы чтимъ, какъ глубочайшихъ знатоковъ человѣческой души. И все же, эти страницы будутъ посвящены изслѣдованію перваго рода. Среди людей, заинтересовавшихся такого рода изслѣдованіями, нашелся одинъ, вспомнившій, что въ одномъ недавно прочитанномъ имъ съ удовольствіемъ художественномъ произведеніи имѣется нѣсколько сновидѣній, показавшихся ему чрезвычайно ясными и понятными, и какъ бы напрашивающихся на то, чтобы къ нимъ примѣнили методъ изслѣдованія „Traúmdeútúng". Онъ допускалъ, что тема и мѣсто дѣйствія обусловливали, пожалуй, главнымъ образомъ прелесть этого произведенія для него, такъ какъ дѣйствіе происходило въ Помпеѣ, а главный герой разсказа—молодой археологъ. Послѣдній потерялъ всякій интересъ къ дѣйствительной жизни и цѣликомъ отдался изученію остатковъ классичессаго прошлаго. Но впослѣдствіи онъ самымъ замѣчательнымъ и въ то же время вполнѣ правильнымъ образомъ возвращается въ жизнь. Въ то время какъ передъ читателемъ развертывается и разрабатывается эта поэтическая тема, въ душѣ его пробуждается что-то сходное, родственное по настроенію. Произведеніе это — небольшая новелла Вильгельма Іенсена „Gra-

diva“, которую авторъ называетъ „Помпеянской фантазіей“.

Теперь я долженъ былъ бы, собственно, попросить читателя отложить на нѣкоторое время въ сторону эту мою книгу и замѣнить ее появившейся въ 1903 году новеллой “Gradiva“, чтобъ въ дальнѣйшемъ я могъ на нее ссылаться, какъ на знакомое уже произведеніе. Тѣмъ же, которые уже раньше прочли „Gradiv'у“, я въ краткихъ чертахъ напомню ея содержаніе, въ надеждѣ, что всѣ ея красоты снова оживутъ при этомъ въ ихъ памяти.

Молодой археологъ, Норбертъ Ганольдъ, отыскалъ въ Римѣ въ одной коллекціи древностей барельефъ такъ необычайно ему понравившійся, что былъ очень обрадованъ возможности получить гипсовый слѣпокъ съ него. Слѣпокъ этотъ онъ рѣшилъ повѣсить въ своей рабочей комнатѣ въ старомъ нѣмецкомъ университетскомъ городѣ, чтобъ изучить его. Барельефъ изображаетъ молодую, красивую шагающую дѣвушку, приподнявшую немного свою одежду въ многочисленныхъ складкахъ, такъ что видны ноги въ сандаліяхъ. Одна нога совершенно покоится на землѣ, другая приподнята для шага и касается земли только концами пальцевъ, въ то время какъ ступня и пятка находятся почти въ отвѣсномъ положеніи. Вѣроятно эта особенная, полная красоты и прелести походка обратила на себя вниманіе изобразившаго ее художника и, послѣ столькихъ столѣтій, приковала къ себѣ взоръ нашего молодого археолога.

Этотъ интересъ героя разсказа къ описанному барельефу составляетъ главный психологическій факторъ разсматриваемаго нами произведенія. И это не совсѣмъ ужъ такъ просто и понятно. „Докторъ Норбертъ Ганольдъ, доцентъ археологіи, не нашелъ ничего достойнаго особаго вниманія съ точки зрѣнія своей науки въ этомъ барельефѣ“. „Онъ не могъ себѣ дать отчета въ томъ, что именно въ барельефѣ приковало къ себѣ его вниманіе; онъ сознавалъ только, что

его что-то привлекало къ этому изображенію и что это впечатлѣніе длится и по-нынѣ“. Его фантазія не перестаетъ работать надъ этимъ образомъ. Онъ находитъ въ этомъ изображеніи что-то современное, какъ будто художникъ, создавшій его, увѣковѣчилъ въ немъ схваченное „изъ жизни“ на улицѣ впечатлѣніе. Онъ даетъ этой шагающей дѣвушкѣ имя „Gradiva“, т. е. „впередъ шагающая“; онъ воображаетъ, что она знатнаго рода, „можетъ быть дочь патриціанскаго эдила, служившаго культу Цереры“, и теперь идетъ въ храмъ богини. То вдругъ ему не хочется помѣстить этотъ, полный тишины и покоя, образъ въ сутолоку и суету городской жизни; онъ внушаетъ себѣ что скорѣе всего она должна быть изъ Помпеи, и шагаетъ по тѣмъ особеннымъ, недавно освобожденнымъ раскопками, плитамъ, которыя въ древности давали возможность во время дождя переходить по сухому съ одной стороны улицы на другую, не мѣшая въ то же время проѣзжать экипажамъ. Черты лица дѣвушки кажутся ему греческаго типа и доказываютъ ея несомнѣнно эллинское происхожденіе; всѣ его археологическія знанія отдаются постоянно въ распоряженіе этихъ и подобныхъ фантазій, относительно первообраза этого барельефа.

Потомъ вдругъ передъ нимъ возникаетъ якобы научная проблема, требующая разрѣшенія. Дѣло идетъ о критическомъ разборѣ вопроса „передалъ ли художникъ у Gradiv’ы движеніе и поступь натурально, какъ у живыхъ людей“. У себя онъ этого воспроизвести не могъ. Въ поискахъ за „дѣйствительностью“ этой походки, онъ приходитъ къ рѣшенію „для освѣщенія этого вопроса дѣлать наблюденія надъ жизнью“. Это рѣшеніе приводитъ молодого археолога къ страннымъ и необыкновеннымъ для него поступкамъ. До того времени представленія о женскомъ образѣ было для него неразрывно связаны съ мраморомъ или металломъ и современницъ своихъ онъ не удостаивалъ абсолютно

никакого вниманія. Обязанности общественнаго приличія были ему въ тягость, а молодыя дамы, съ которыми онъ встрѣчался въ обществѣ, такъ мало возбуждали его вниманіе, что при встрѣчѣ съ ними на улицѣ онъ не узнавалъ ихъ и безъ поклона проходилъ мимо,—что ставило его передъ ними не въ очень-то выгодное положеніе. Но теперь поставленная имъ научная задача заставила его и въ сухую и, особенно, въ дождливую погоду усердно присматриваться на улицахъ къ ногамъ женщинъ и дѣвушекъ, и это его занятіе вызывало иногда недовольные, иногда поощрительные взгляды наблюдаемыхъ; „но онъ не понималъ ни тѣхъ ни другихъ“. Въ результатѣ своей старательной работы онъ пришелъ къ заключенію, что такую походку, какъ у Gradiv'ы въ жизни найти нельзя — и это вызвало у него сожалѣніе и досаду.

Вскорѣ послѣ этого ему приснился ужасный, страшный сонъ, перенесшій его въ Помпею въ день изверженія Везувія и сдѣлавшій его свидѣтелемъ разрушенія города. „Стоя у края форума вблизи храма Юпитера, онъ вдругъ увидѣлъ недалеко передъ собой Gradiv'у; до этого у него даже не являлась мысль о возможности ея присутствія въ этомъ мѣстѣ, но теперь ему сразу сдѣлалось совершенно яснымъ и понятнымъ, что она вѣдь помпеянка, живетъ въ своемъ родномъ городѣ и — *чего онъ раньше никакъ не могъ и предположить,—въ одно время съ нимъ*“. Ужасъ передъ ожидающей ее судьбой вырвалъ изъ устъ его предостерегающій крикъ, на который шедшее впереди невозмутимо-спокойное видѣніе повернуло свое лицо. Но потомъ оно спокойно продолжало путь къ портику храма, усѣлось тамъ на ступень лѣстницы и медленно опустило на нее свою голову; лицо дѣвушки стало все болѣе блѣднѣть, какъ будто превращаясь въ мраморъ. Когда онъ поспѣшилъ вслѣдъ за ней, то нашелъ ее вытянутой на ши-

рокой ступени съ спокойнымъ выраженіемъ лица, словно спящей, въ то время какъ дождь изъ пепла постепенно засыпалъ ее.

Когда онъ проснулся, въ ушахъ его, казалось, еще гудѣли шумъ и крики ищущихъ спасенія помпеянъ и глухой гулъ прилива бушующаго моря. Но даже послѣ того, какъ вернувшееся сознаніе узнало въ этихъ звукахъ разбудившій его шумъ жизни большого города, въ душѣ молодого ученаго долго еще жила вѣра въ дѣйствительность всего приснившагося; когда же онъ наконецъ освободился отъ мысли, что самъ чуть ли не двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ былъ свидѣтелемъ разрушенія Помпеи, въ немъ уцѣлѣло какъ бы истинное убѣжденіе, что Gradiva жила въ Помпеѣ и была тамъ заживо засыпана въ 79 г. Его фантазіи и думы о Gradiv'ѣ получили такое направленіе подъ вліяніемъ этого сна, что онъ горевалъ теперь по ней, какъ по погибшей.

Въ то время какъ онъ, погруженный въ такія мысли, стоялъ у окна, вниманіе его привлекла маленькая канарейка, звонко заливавшаяся въ клѣткѣ на открытомъ окнѣ противоположнаго дома. И вдругъ онъ, еще не вполнѣ очнувшись отъ своихъ грезъ, вздрогнулъ какъ бы отъ толчка. Ему показалось, что онъ увидѣлъ на улицѣ фигуру, похожую на его Gradiv'у, и даже узналъ, кажется, характерную походку. Не долго думая онъ поспѣшилъ на улицу, чтобъ догнать ее, и только смѣхъ и шутки прохожихъ по поводу его неприличнаго утренняго костюма заставили его вернуться назадъ въ свою квартиру. Въ комнатѣ снова привлекла его вниманіе канарейка, и навела его на сравненія себя съ этой птицей. Онъ, думалось ему, какъ и она сидитъ въ клѣткѣ, но ему легче, чѣмъ ей вырваться на свободу. Какъ бы все еще подъ впечатлѣніемъ сна, а можетъ быть и подъ вліяніемъ нѣжнаго весенняго воздуха, у него созрѣло рѣшеніе совершить весеннюю поѣздку въ Италію; научный предлогъ для

этой поѣздки былъ тотчасъ найденъ, хоть „импульсъ къ этому путешествію проистекалъ изъ какого-то неизъяснимаго ощущенія“.

На этой, столь слабо мотивированной, поѣздкѣ мы остановимся на минутку и постараемся ближе разсмотрѣть личность и поступки нашего героя. Онъ до сихъ поръ еще кажется намъ непонятнымъ и какимъ-то чудакомъ. Мы еще и не подозрѣваемъ, какимъ образомъ можно будетъ связать это странное чудачество съ общечеловѣческими переживаніями, чтобъ вызвать въ насъ участіе и сочувствіе. Но—преимущественное право поэта держать насъ въ такой неизвѣстности; языкомъ, полнымъ красотъ, образностью своей фантазіи вознаграждаетъ онъ насъ за довѣріе, которое мы ему оказываемъ и за симпатію, еще не заслуженную, которую мы готовы подарить его герою. Объ этомъ послѣднемъ сообщаетъ онъ намъ еще, что семейныя традиціи предназначили его для изученія древности и что впослѣдствіи, независимый и одинокій, онъ погрузился всецѣло въ свою науку и совершенно ушелъ отъ жизни и ея наслажденій. Только мраморъ и бронза стали для него чѣмъ-то дѣйствительно живымъ, единственно дающимъ форму и выраженіе, цѣль и цѣнность человѣческой жизни. Но природа, вѣроятно съ благими намѣреніями, вселила въ его кровь коррективъ далеко не научнаго свойства — богатую и живую фантазію, которая работала не только во снѣ, но и на-яву. Благодаря такому отдѣленію фантазіи отъ мыслительной способности онъ долженъ былъ стать поэтомъ или невротикомъ; онъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, далекое царство которыхъ не отъ міра сего. Только благодаря этому могло случиться, что мысли его остались прикованными къ барельефу, изображающему такъ странно шагающую дѣвушку, что онъ опуталъ цѣлой сѣтью фантазій ея образъ, сочинилъ ей имя и происхожденіе; что сочиненную имъ личность онъ пе-

ренось въ разрушенную за 1800 лѣтъ назадъ Помпею; и что наконецъ, послѣ страшнаго сна изъ своей фантазіи о существованіи и гибели дѣвушки, названной имъ Gradiva, создалъ цѣлую бредовую систему, оказавшую вліяніе на его поступки и дѣйствія.

Странными и непонятными показались бы намъ эти созданія воображенія, если-бъ мы ихъ встрѣтили у дѣйствительно существующаго человѣка. Но такъ какъ Норбертъ Ганольдъ—созданіе поэта, то мы желали бы обратиться къ послѣднему съ робкимъ вопросомъ: управляетъ ли его творческой фантазіей только собственный произволъ или же она подчинена еще и другимъ силамъ.

Мы оставили нашего героя въ тотъ моментъ, когда, повидимому подъ вліяніемъ пѣнья канарейки, онъ рѣшается совершить путешествіе въ Италію по, очевидно, неяснымъ для него самого мотивамъ. Мы узнаемъ далѣе, что ни цѣли, ни задачи этого путешествія онъ себѣ не представлялъ ясно. Внутреннее безпокойство и неудовлетворенность гонятъ его изъ Рима въ Неаполь, а оттуда все дальше впередъ. Въ пути своемъ онъ встрѣчается съ молодыми новобрачными, совершающими свадебное путешествіе, и, вынужденный быть въ обществѣ различныхъ „Августовъ“ и „Гретъ“, совершенно отказывается понять ихъ поведеніе и поступки. Онъ приходитъ къ заключенію, что среди всѣхъ человѣческихъ безразсудствъ „женитьба, какъ самая большая и непонятная занимаетъ первое мѣсто, а эти свадебныя путешествія въ Италію являются, въ извѣстной степени, вѣнцомъ глупости“. Изъ Рима разбуженный близостью какой-то нѣжной пары, онъ спасается бѣгствомъ въ Неаполь, но тамъ находитъ новыхъ „Августовъ“ и „Гретъ“. Такъ какъ, судя по ихъ разговорамъ, ему кажется, что большинство этихъ нѣжныхъ, „прелестныхъ“ паръ не имѣетъ намѣренія свить себѣ гнѣздышка въ развалинахъ Помпеи, а направляетъ свой полетъ на

Капри, онъ рѣшаетъ сдѣлать то, чего не дѣлаютъ они и, „вопреки намѣренію и ожиданію“, черезъ нѣсколько дней послѣ отъѣзда, находится уже въ Помпеѣ.

Но и здѣсь не находитъ онъ желаннаго покоя. Роль, которую раньше играли путешествующія послѣ свадьбы пары, портившія ему настроеніе и раздражавшія его, переходитъ къ комнатнымъ мухамъ, которыхъ онъ склоненъ считать воплощеніемъ всего сквернаго и лишняго на землѣ. Оба этихъ злыхъ духа сливаются для него какъ бы въ одно. Многія мухи напоминаютъ ему нѣжныхъ парочекъ, совершающихъ свадебное путешествіе, и какъ бы обращаются другъ къ другу на своемъ языкѣ: „мой единственный Августъ“ и „моя ненаглядная Грета“. Въ концѣ концовъ онъ долженъ придти къ заключенію, „что его неудовлетворенность происходитъ не только отъ окружающей обстановки, но что кое-какія причины кроются и въ немъ самомъ“. „Онъ чувствуетъ, что разстроенъ изъ-за чего то ему недостающаго, но не можетъ дать себѣ отчета въ томъ, чего именно ему не хватаетъ“.

На слѣдующее утро онъ черезъ „Jngresso“ входитъ въ Помпею и, отправивъ проводника, блуждаетъ по ней безцѣльно, забывая самымъ удивительнымъ образомъ о томъ, что такъ недавно еще, во снѣ, присутствовалъ при разрушеніи этого города. Когда же въ жаркій священный полуденный часъ, который древніе считали часомъ духовъ, остальные путешественники исчезли и пустынныя развалины и улицы лежали передъ нимъ залитыя сіяющимъ солнечнымъ блескомъ, въ немъ пробуждается способность мысленно, но безъ помощи науки, перенестись въ минувшую и погребенную здѣсь жизнь. „То, чему учила она, наука, было только безжизненнымъ археологическимъ воззрѣніемъ, то, что она говорила, было мертвымъ языкомъ филологовъ. Она не учила понимать душой, чувствомъ, сердцемъ, или какъ тамъ это называютъ.

Кто жаждалъ такого познанія, тому ничего не оставалось какъ уйти одиноко въ жаркую полуденную тишину къ остаткамъ прошлаго, чтобы смотрѣть не плотскими глазами, и слушать не тѣлесными ушами... Тогда... мертвые пробуждались и Помпея начинала опять жить“.

Въ то время, какъ онъ воскрешалъ такимъ образомъ прошлое въ своей фантазіи, онъ вдругъ видитъ выходящую изъ одного дома настоящую Gradiv'у его барельефа. Легко и быстро переходитъ она по гранитнымъ плитамъ на другую сторону улицы совсѣмъ такъ, какъ это было въ ту ночь въ сновидѣніи, когда она, словно для сна, улеглась на ступени храма Аполлона. „И вмѣстѣ съ этимъ воспоминаніемъ впервые достигаетъ его сознанія еще другая мысль: самъ не сознавая своего побужденія, онъ отправился въ Италію, прямо въ Помпею, не останавливаясь въ Римѣ и Неаполѣ, именно затѣмъ, чтобы поискать здѣсь слѣдовъ Gradiv'ы въ буквальномъ смыслѣ, ибо при ея своеобразной походкѣ она должна была оставить на пеплѣ особый, отличный отъ всѣхъ, отпечатокъ пальцевъ ея ноги“.

Напряженіе, въ которомъ держалъ насъ авторъ до сихъ поръ, наростаетъ въ этотъ моментъ до какого-то томительнаго недоумѣнія. Не только нашъ герой очевидно выведенъ изъ состоянія равновѣсія, но и мы тоже не знаемъ какъ истолковать себѣ это странное появленіе Gradiv'ы, которая до сихъ поръ фигурировала либо въ видѣ каменнаго изваянія, либо въ видѣ фантастическаго образа. Галлюцинація ли это одержимаго бредомъ героя, „дѣйствительное-ли“ привидѣніе, живое-ли существо? Для того, чтобъ у насъ возникъ рядъ такихъ предположеній не нужно вовсе, чтобъ мы вѣрили въ привидѣнія. Авторъ, назвавшій самъ свое произведеніе фантазіей, до сихъ поръ еще не нашелъ повода повѣдать намъ, оставитъ ли онъ насъ въ нашемъ обыденномъ сѣренькомъ мірѣ, въ которомъ господствуютъ

лишь законы науки, или перенесетъ насъ въ фантастическій міръ, которому приписываютъ существованіе духовъ и привидѣній. Какъ показываютъ примѣры „Гамлета“ и „Макбета“, мы безъ колебаній готовы послѣдовать за нимъ въ такой міръ. Тогда слѣдуетъ приложить совершенно иной масштабъ къ бреду молодого археолога. И, если мы подумаемъ, какъ мало вѣроятно реальное существованіе лица, точно воспроизводящаго внѣшнимъ видомъ своимъ античный барельефъ, то наши предположенія сведутся къ слѣдующей альтернативѣ: либо это галлюцинація, либо полуденное привидѣніе. Маленькая подробность описанія сцены появленія дѣвушки, сразу уничтожаетъ первое предположеніе. Большая ящерица лежитъ неподвижно подъ лучами солнца и, при приближеніи Gradiv'ы, быстро уползаетъ изъ-подъ ея ногъ по гранитнымъ плитамъ улицы. Итакъ это не галлюцинація, а нѣчто лежащее внѣ сферы чувствъ нашего мечтателя. Но развѣ появленіе воскресшей можетъ встревожить ящерицу?

Gradiva скрывается въ домѣ Мелеагра. Насъ не должно удивлять, что бредъ Норберта Ганольда развивается до того, что оживляетъ Помпею въ этотъ священный полуденный часъ и воскрешаетъ Gradiv'у, идущую въ домъ, въ которомъ она жила до рокового августовскаго дня 79 года. Остроумныя предположенія по поводу личности вдадѣльца, именемъ котораго, вѣроятно, названъ этотъ домъ, и объ отношеніяхъ Gradiv'ы къ нему, быстро проносятся въ головѣ Норберта и показываютъ, что всѣ его знанія отданы теперь всецѣло въ распоряженіе его фантазіи. Войдя внутрь дома онъ застаетъ видѣніе сидящимъ на низкихъ ступеняхъ между двумя желтыми колоннами. „У нея на колѣняхъ лежало что то бѣлое, чего глазъ его не въ состояніи былъ разглядѣть; казалось, это былъ листокъ папируса“. Подъ вліяніемъ послѣдняго предположенія по поводу ея происхожденія, онъ заговариваетъ съ ней по гречески, робко ожидая разъясненія

вопроса, дана ли ей, при ея призрачномъ существованіи, способность говорить. Но такъ какъ дѣвушка не отвѣчаетъ, онъ обращается къ ней по латыни. И тогда срывается съ ея улыбающихся устъ: „Если вы хотите со мной разговаривать, вамъ придется говорить по нѣмецки".

Какой стыдъ для насъ, читателей! Итакъ, поэтъ подшутилъ и надъ нами, ввелъ насъ въ заблужденіе, воспользовавшись солнечнымъ блескомъ и жарой Помпеи, чтобъ мы не слишкомъ строго осудили бѣднягу, надъ головой котораго такъ жарко сіяло дѣйствительное полуденное солнце. Но, выведенные изъ нашаго кратковременнаго замѣшательства, мы знаемъ теперь, что Gradiva — живая нѣмецкая дѣвушка, т. е. оправдывается какъ разъ то предположеніе, которое мы хотѣли отклонить, какъ самое невѣроятное. Теперь намъ остается спокойно ждать, пока мы узнаемъ, какое отношеніе имѣетъ дѣвушка къ своему портрету на барельефѣ, и какъ молодой археологъ доходитъ до фантазій, указывающихъ ему на реальное существованіе и воплощеніе его мечты.

Не такъ быстро, какъ мы, освобождается отъ своего бреда нашъ герой, потому что, „если вѣра и даетъ блаженство, какъ говоритъ авторъ, то съ ней вездѣ связана значительная доля необъяснимаго". Кромѣ того мечта его имѣетъ вѣроятно въ его душѣ корни, о которыхъ мы ничего не знаемъ и которыхъ у насъ, понятно, нѣтъ. Вѣроятно нужно серьезное леченіе для того, чтобъ вернуть его къ дѣйствительности. Пока же ему ничего другого не остается, какъ приноровить свой бредъ къ только что сдѣланному удивительному открытію. Gradiva, погибшая во время разрушенія Помпеи не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ полуденнымъ призракомъ, вернувшимся къ жизни на короткій часъ, когда духи витаютъ на свободѣ. Но почему послѣ отвѣта, даннаго дѣвушкой на нѣмецкомъ языкѣ, съ устъ его срывается восклицаніе: „я зналъ, что такъ звучитъ твой голосъ"? Не

только у насъ, но и у дѣвушки долженъ зародиться такой вопросъ и Ганольдъ вынужденъ ей сознаться, что никогда не слыхалъ ея голоса, но ждалъ, что услышитъ его тогда, во снѣ, когда окликнулъ ее въ ту минуту, какъ она опускалась для сна на ступени храма. Онъ проситъ ее повторить то, что сдѣлала она тогда, но тутъ дѣвушка встаетъ, кидаетъ на него удивленный взглядъ и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, исчезаетъ за колоннами двора. Красивая бабочка за нѣсколько мгновеній до этого кружится надъ нею. Ганольдъ принимаетъ бабочку за посланницу Плутона, которая напоминаетъ покойницѣ, что нужно вернуться назадъ, такъ какъ полуденный часъ, часъ духовъ, уже прошелъ. Ганольдъ успѣваетъ еще крикнуть уходящей: „Придешь-ли ты завтра въ полдень снова сюда“? Мы же, довѣряя теперь болѣе трезвымъ объясненіямъ, склонны думать, что дѣвушка, вѣроятно, увидѣла нѣчто неприличное въ той просьбѣ, съ которой къ ней обратился Ганольдъ и, обидѣвшись, бросила его, такъ какъ она вѣдь ничего не могла знать о его снѣ. И могла ли ея чуткость не уловить эротическаго характера требованія, которое для Ганольда стояло въ связи все съ тѣмъ же сномъ.

Послѣ исчезновенія Gradiv'ы нашъ герой внимательно разглядываетъ присутствующихъ за общимъ столомъ гостей гостиницы Діомеда, а вслѣдъ затѣмъ и постояльцевъ „Швейцарской“ гостиницы, и убѣждается, что ни въ одной изъ обѣихъ ему извѣстныхъ гостиницъ Помпеи нѣтъ никого, кто бы имѣлъ хотя бы самое отдаленное сходство съ Gradiv'ой. Само собой понятно, что онъ и не допустилъ-бы безсмысленнаго предположенія, что могъ бы встрѣтиться съ Gradiv'ой въ одной изъ гостиницъ. Выпитое имъ на горячей почвѣ Везувія холодное вино увеличивало психическую спутанность, въ которой онъ провелъ день. Относительно завтрашняго дня было рѣшено, что Ганольдъ долженъ въ пол-

день снова быть въ домѣ Мелеагра и, въ ожиданіи этого часа, онъ пробирается запрещеннымъ путемъ черезъ старую городскую стѣну въ Помпею. Бѣлый асфодель, унизанный колокольчикообразными чашечками кажется ему цвѣткомъ загробнаго міра настолько важнымъ и полнымъ особаго значенія, что онъ его срываетъ и уноситъ съ собой. Во время этого ожиданія вся археологія кажется ему чѣмъ-то самымъ безцѣльнымъ и безразличнымъ на свѣтѣ, такъ какъ другой вопросъ овладѣваетъ имъ: „какими физическими свойствами обладаетъ существо одновременно и мертвое и живое, хотя бы только въ полуденный часъ привидѣній“. Онъ боится также не найти сегодня той, которую ищетъ, такъ какъ считаетъ возможнымъ, чтобъ слѣдующее возвращеніе на землю было ей дозволено только послѣ длиннаго промежутка времени; когда же онъ снова замѣчаетъ ее между колоннъ, то считаетъ ея появленіе игрой своего воображенія и съ устъ его срывается мучительный крикъ: „о еслибъ ты еще жила и существовала!“

Но на этотъ разъ онъ былъ, очевидно, слишкомъ критически настроенъ, такъ какъ привидѣніе, оказалось, обладаетъ голосомъ. Оно спрашиваетъ его для кого онъ принесъ этотъ бѣлый цвѣтокъ и постепенно втягиваетъ смущеннаго въ длинный разговоръ. Намъ, читателямъ, уже заинтересовавшимся Gradiv'ой, какъ живымъ существомъ, авторъ сообщаетъ, что недовольство и отпоръ, которыя выразилъ наканунѣ ея взглядъ, уступили мѣсто выраженію любопытства и любознательности. Она его разспрашиваетъ обо всемъ, требуетъ объясненія по поводу его замѣчанія наканунѣ о томъ, когда и гдѣ видѣлъ онъ ее ложащейся спать, узнаетъ такимъ образомъ о сновидѣніи, въ которомъ она погибла со своимъ роднымъ городомъ, затѣмъ о барельефѣ и о положеніи ноги, такъ понравившемся молодому археологу. Она тотчасъ же готова продемонстрировать передъ нимъ свою

походку, причемъ единственной разницей между ея движеніями и походкой на барельефѣ Gradiv'ы является отсутствіе на ея ногахъ сандалій, которыя замѣнены тонкими кожаными башмаками свѣтло-песочнаго цвѣта — что она объясняетъ, какъ уступку современности. Очевидно дѣвушка идетъ навстрѣчу бреду, который она выпытываетъ у него во всемъ объемѣ, не противорѣча.

Одинъ разъ она какъ будто выходитъ изъ своей роли подъ вліяніемъ собственнаго аффекта: когда онъ, мысленно устремивъ взоры на барельефъ, утверждаетъ, что узналъ ее съ перваго взгляда. Такъ какъ въ этомъ мѣстѣ разговора она еще ничего не знаетъ о барельефѣ, то ей легко было предположить какое нибудь недоразумѣніе въ словахъ Ганольда. Но она быстро спохватывается и только иногда кажется намъ, что рѣчи ея звучатъ нѣсколько двусмысленно и кромѣ ихъ прямого значенія и отношенія къ бреду, намекаютъ на что-то дѣйствительное и современное. Такъ напр., когда она сожалѣетъ, что ему не удалось изслѣдованіе на улицахъ по поводу походки Gradiv'ы. „Какъ жаль, тебѣ, пожалуй, не понадобилось-бы это длинное путешествіе сюда". Она узнаетъ также, что онъ назвалъ ея изображеніе Gradiv'ой и сообщаетъ ему свое настоящее имя: Зоя. „Это имя тебѣ очень къ лицу, но оно кажется горькой насмѣшкой, ибо Зоя значитъ жизнь". — „Нужно мириться съ непреложнымъ", отвѣчаетъ она: „и я ужъ давно привыкла къ мысли, что я мертва". Съ обѣщаніемъ быть завтра въ полдень на томъ же мѣстѣ она разстается съ нимъ, предварительно выпросивъ у него цвѣтокъ асфоделя: „другимъ дѣвушкамъ дарятъ весной розы, но для меня цвѣтокъ забвенія изъ твоихъ рукъ самый подходящій". Уныніе и грусть хорошо подходятъ къ такъ давно умершей, возвращающейся только на короткій часъ къ жизни.

Мы начинаемъ понимать и надѣяться. Если молодая дѣвушка, въ образѣ которой воскресла фантастическая Gra-

diva Ганольда, такъ полно воспринимаетъ бредъ его, то дѣлаетъ это, вѣроятно, для того, чтобъ его отъ него освободить. Другого пути для этой цѣли не существуетъ; противорѣчіемъ можно отрѣзать всякую возможность леченія. И настоящее леченіе такого болѣзненнаго состоянія не могло бы быть проведено иначе: необходимо сначала стать на почву бредовой системы, чтобъ затѣмъ возможно полно ее изслѣдовать. Если Зоя—подходящее для такого изслѣдованія лицо, то мы узнаемъ какимъ образомъ излечиваютъ такого рода бредъ. Но мы хотѣли бы также знать какимъ образомъ онъ создается. Было бы странной случайностью,—хотя подобные случаи и примѣры уже извѣстны — если бы разъясненіе бреда стало бы въ то же время излеченіемъ и исторія происхожденія его раскрылась бы какъ разъ во время разрушенія всей бредовой системы. Мы начинаемъ подозрѣвать, что исторія этой болѣзни можетъ тогда превратиться и въ „обыкновенную“ любовную исторію; но не слѣдуетъ пренебрегать такимъ цѣлебнымъ средствомъ противъ бреда какъ любовь, и не было ли уже увлеченіе нашего героя изображеніемъ Gradiv'ы тоже влюбленностью, хотя и по отношенію къ чему-то прошлому и безжизненному?

Вслѣдъ за исчезновеніемъ Gradiv'ы въ отдаленіи раздается еще только разъ смѣющійся зовъ, словно крикъ пролетающей надъ развалинами города птицы. Оставшійся Ганольдъ поднимаетъ что то бѣлое, забытое Gradiv'ой. Это оказывается вовсе не листомъ папируса, а альбомомъ эскизовъ съ различными видами Помпеи, рисованными карандашомъ. Мы сказали бы, что тотъ фактъ, что дѣвушка забыла на этомъ мѣстѣ свой альбомъ, былъ залогомъ ея возвращенія, такъ какъ мы утверждаемъ, что никто не забываетъ никогда ничего безъ тайной причины или скрытаго побужденія.

Остатокъ дня приноситъ нашему Ганольду цѣлый рядъ удивительныхъ открытій и доказательствъ, изъ которыхъ

онъ все же не дѣлаетъ опредѣленнаго вывода. Въ стѣнѣ портика, въ которой исчезла Gradiva, онъ находитъ расщелину, достаточно широкую для прохода очень стройной особы. Онъ приходитъ къ заключенію, что Зоя-Gradiva вовсе не должна была провалиться въ этомъ мѣстѣ въ землю; это предположеніе кажется ему теперь до того безсмысленнымъ, что онъ стыдится его. Теперь онъ думаетъ, что она можетъ воспользоваться этимъ путемъ, чтобъ вернуться въ свою могилу. Ему кажется, что въ концѣ улицы могилъ, передъ такъ называемой виллой Діомеда, исчезаетъ чья-то легкая тѣнь. Въ какомъ-то опьяненіи, какъ наканунѣ, занятый все время тою же мыслью, бродитъ Ганольдъ по окрестностямъ Помпеи. Его занимаетъ мысль: изъ какого тѣлеснаго вещества состоитъ эта Зоя-Gradiva, и можно-ли что-нибудь почувствовать, если схватить ее за руку? Какое-то особенное стремленіе влекло его сдѣлать этотъ опытъ, но такой-же сильный страхъ удерживалъ его даже при мысли объ этомъ. На залитомъ солнцемъ косогорѣ онъ встрѣтилъ пожилого господина, по своему костюму похожаго на ботаника или зоолога, который, казалось, занятъ былъ ловлей. Онъ обернулся къ Ганольду и сказалъ: „Вы тоже интересуетесь Faraglionensis? Раньше я этого не предполагалъ, но теперь считаю весьма вѣроятнымъ, что онѣ водятся не только въ Faraglion'ахъ у Капри, а что если терпѣливо и усердно поискать, то можно ихъ найти и на материкѣ. Средство предложенное коллегой Эймеромъ, дѣйствительно хорошее: я уже не разъ примѣнялъ его съ полнымъ успѣхомъ. Пожалуйста, не шевелитесь". Говорящій вдругъ смолкъ и приложилъ сдѣланный изъ травы силокъ къ расщелинѣ въ скалѣ, изъ которой выглядывала синеватая, блестящая головка ящерицы. Ганольдъ покинулъ охотника на ящерицъ съ насмѣшкой, думая, что трудно повѣрить, какія иногда удивительно глупыя намѣренія могутъ заставить людей совершить длинную поѣздку

въ Помпею. Изъ этой критики, разумѣется, онъ исключилъ себя и свое намѣреніе искать въ пеплѣ Помпеи слѣды Gradiv'ы.

Впрочемъ, лицо господина показалось ему знакомымъ; какъ будто онъ замѣтилъ его въ одной изъ двухъ гостиницъ. Да и обращеніе этого господина къ Ганольду, было какъ къ знакомому. Дальнѣйшее странствованіе привело его по боковой тропинкѣ къ неизвѣстному ему дому, который оказался третьей гостиницей, подъ названіемъ „Albergo del sole". Свободный отъ работы хозяинъ воспользовался случаемъ отрекомендовать самымъ лучшимъ образомъ свой домъ и содержащіяся въ немъ, отрытыя при раскопкахъ, сокровища. Онъ утверждалъ, что присутствовалъ при томъ, какъ въ окрестностяхъ форума откопали двухъ влюбленныхъ, которые, видя неминуемую гибель, обняли другъ друга и такъ дождались смерти. Объ этой исторіи Ганольдъ слыхалъ уже раньше, но считая ее продуктомъ богатой фантазіи какого-нибудь разсказчика, только недовѣрчиво пожималъ плечами; сегодня же онъ отнесся къ этому разсказу съ вѣрой, еще увеличившейся, когда хозяинъ гостиницы показалъ ему покрытую зеленоватымъ налетомъ металлическую пряжку, найденную на его глазахъ въ пеплѣ, около останковъ молодой дѣвушки. Ганольдъ пріобрѣлъ эту пряжку безъ недовѣрчиваго колебанія и когда, уходя изъ „Albergo", онъ увидѣлъ на открытомъ окнѣ покрытую бѣлыми цвѣтами вѣтку асфоделя, видъ могильнаго цвѣтка показался ему какъ бы подтвержденіемъ подлинности его новаго пріобрѣтенія.

Но съ момента обладанія этой пряжкой новый бредъ охватилъ его, или вѣрнѣе, прежній получилъ дальнѣйшее развитіе, которое, казалось, не могло быть хорошимъ предзнаменованіемъ для начатаго леченія. Не далеко отъ форума выкопали двухъ молодыхъ обнявшихся влюбленныхъ, а онъ

видѣлъ во снѣ, какъ Gradiv'a улеглась для сна именно въ этомъ мѣстѣ около храма Аполлона. Весьма возможно, что она, пройдя форумъ, направилась дальше, чтобъ встрѣтиться съ кѣмъ-то и умереть вмѣстѣ съ нимъ! Это предположеніе вызвало въ немъ мучительное чувство, которое мы могли-бы сравнить съ ревностью. Но мысль, что все это предположеніе весьма недостовѣрно, уменьшила остроту чувства и онъ пришелъ въ себя настолько, что оказался въ состояніи поужинать въ гостиницѣ Діомеда. Двое новоприбывшихъ гостей, мужчина и женщина, которыхъ онъ, благодаря сходству, несмотря на различный цвѣтъ волосъ, принялъ за брата и сестру, привлекли тамъ его вниманіе. Оба были первыми встрѣтившимися ему въ пути людьми, показавшимися ему симпатичными. Красная флорентинская роза, бывшая на молодой дѣвушкѣ, разбудила въ немъ какое то смутное воспоминаніе, но онъ не могъ опредѣлить какое. Наконецъ Ганольдъ отправился спать и ему приснился сонъ. Это былъ удивительно безсмысленный вздоръ, но очевидно скомбинированный изъ дневныхъ переживаній: „Гдѣ то на солнцѣ сидѣла Gradiva, сплела изъ травы силокъ, чтобъ поймать ящерицу, и говорила: „пожалуйста, не шевелись:— коллега права, средство дѣйствительно хорошее, она уже примѣнила его съ полнымъ успѣхомъ". Еще во снѣ здравый смыслъ Ганольда боролся съ этимъ видѣніемъ, находя его совершеннымъ сумасшествіемъ, и ему удалось освободиться отъ сновидѣній благодаря невидимой птицѣ, которая, испустивъ короткій смѣющійся зовъ, унесла ящерицу въ своемъ клювѣ.

Несмотря на всѣ эти видѣнія онъ проснулся съ большей ясностью и увѣренностью. Видъ розоваго куста, покрытаго такими же цвѣтами, какіе онъ видѣлъ наканунѣ на груди молодой женщины, вызвали въ немъ воспоминаніе, что ночью кто-то сказалъ — „весной дарятъ розы". Невольно

сорвалъ онъ нѣсколько розъ и съ этимъ, должно быть, было связано что-то, что облегчающе подѣйствовало на его голову. Поборовъ свою нелюдимость, онъ направился обычнымъ путемъ въ Помпею, нагруженный розами, металлической пряжкой, альбомомъ для эскизовъ и полный разныхъ думъ, касающихся Gradiv'ы. Прежній бредъ Ганольда какъ бы поколебался. Онъ ужъ сомнѣвался, можетъ-ли Gradiva находиться въ Помпеѣ только въ полуденный часъ, или же также и въ другое время. Главное вниманіе сосредоточилось на вновь зародившейся бредовой идеѣ и связанная съ нею ревность мучила его во всевозможныхъ проявленіяхъ и формахъ. Онъ почти желалъ того, чтобъ появленіе Gradiv'ы оставалось видимымъ только его глазамъ и ускользало бы отъ взоровъ остальныхъ людей; тогда онъ могъ бы считатъ ее исключительно ему принадлежащею собственностью. Во время странствій, въ ожиданіи полудня, одна встрѣча особенно поразила его. Въ „Casa del fauno" онъ натолкнулся на двѣ фигуры, которыя, предполагая что ихъ никто не видитъ въ этомъ углу, держали другъ друга въ объятіяхъ, слившись въ горячемъ поцѣлуѣ. Съ удивленьемъ узналъ въ нихъ Ганольдъ вчерашнюю симпатичную пару. Но для брата и сестры ихъ настоящее поведеніе казалось ему мало подходящимъ: ихъ объятія и поцѣлуи были слишкомъ продолжительными; итакъ это были влюбленные, вѣроятно новобрачные, тоже какіе-нибудь Августъ и Грета. Но, удивительнымъ образомъ, эта картина не вызвала въ немъ другихъ чувствъ, кромѣ удовольствія, и какъ-бы боясь нарушить тайное, молитвенно-религіозное проникновеніе, онъ удалился незамѣченнымъ. Уваженіе, котораго ему долго не хватало, появилось въ немъ наконецъ.

Когда Ганольдъ очутился передъ домомъ Мелеагра, его снова охватилъ страхъ застать Gradiv'у въ обществѣ кого-нибудь другого съ такой силой, что онъ не нашелъ

другого привѣтствія для нея, какъ вопросъ: „Одна-ли ты?“ Съ трудомъ удается ей заставить его сознать, что эти розы сорвалъ онъ для нея; онъ сознается ей въ своемъ бредѣ о томъ, что она была той дѣвушкой, которую отрыли недалеко отъ форума въ чьихъ то объятьяхъ и которой принадлежала позеленѣвшая пряжка. Не безъ насмѣшки спрашиваетъ его молодая дѣвушка, не на солнцѣ-ли нашелъ онъ эту вещицу.—Оно-де называется здѣсь „Sole“ и поставляетъ всякія вещицы въ такомъ родѣ. Чтобъ избавить его отъ головокруженія, на которое онъ жалуется, она предлагаетъ ему раздѣлить съ ней ея завтракъ и подаетъ ему одну половину бѣлаго хлѣба, завернутаго въ папиросную бумагу, а вторую половину съѣдаетъ сама съ явнымъ аппетитомъ. При этомъ между губъ блестятъ безукоризненные зубы, и издаютъ при прокусываніи корки слегка хрустящій звукъ. На ея слова: „мнѣ сейчасъ кажется, что мы уже однажды такимъ образомъ ѣли вмѣстѣ хлѣбъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. А ты не припомнишь?“ — онъ не можетъ найти отвѣта; но подкрѣпившая его ѣда и всѣ признаки несомнѣннаго существованія Gradiv’ы, не замедлили оказать на него свое дѣйствіе. Здравый смыслъ проснулся въ немъ и подвергъ сомнѣнію бредъ о томъ, что Gradiv’а привидѣніе; правда, противъ этого можно было бы возразить, что вѣдь она сама только что сказала, что за двѣ тысячи лѣтъ она ужъ однажды завтракала съ Ганольдомъ. Средствомъ разрѣшенія этого противорѣчія показался ему одинъ экспериментъ, который онъ продѣлалъ съ хитростью и воскресшею рѣшимостью. Лѣвая рука дѣвушки съ ея длинными пальцами лежала спокойно на ея колѣняхъ и одна изъ мухъ, нахальство и безполезность которыхъ еще такъ недавно возмущали молодого археолога, опустилась на эту руку. Вдругъ рука Ганольда поднялась и съ размаху хлопнула далеко не нѣжно муху и руку дѣвушки.

Этотъ смѣлый опытъ имѣлъ два послѣдствія: во первыхъ, далъ ему радостную увѣренность, что онъ дотронулся до несомнѣнно настоящей, живой, теплой человѣческой руки; во вторыхъ, онъ услышалъ строгое замѣчаніе, отъ котораго съ испугомъ вскочилъ со ступеньки, на которой сидѣлъ, потому что Gradiva, придя въ себя отъ смущенія, воскликнула: „Но ты, повидимому съума сошелъ, Норбертъ Ганольдъ!“.

Какъ извѣстно, нѣтъ лучшаго средства для того, чтобъ разбудить спящаго или сомнамбулу, какъ назвать его по имени. Къ сожалѣнію, мы лишены были возможности наблюдать, какое слѣдствіе имѣло для Ганольда обращеніе къ нему Gradiv'ы по имени, котораго онъ никому въ Помпеѣ не сообщалъ, потому что въ этотъ критическій моментъ появилась вышедшая изъ „Casa del fauno“ симпатичная влюбленная парочка и молодая дама воскликнула тономъ пріятнаго изумленія: „Зоя, ты тоже здѣсь? И тоже совершаешь свадебное путешествіе? Но вѣдь ты мнѣ ни слова не писала объ этомъ!“ Передъ этимъ новымъ доказательствомъ фактической реальности Gradiv'ы Ганольдъ обратился въ бѣгство.

И Зоя-Gradiva была не особенно пріятно поражена этимъ непредвидѣннымъ посѣщеніемъ, которое, казалось, помѣшало ей въ очень важномъ дѣлѣ. Но, тотчасъ спохватившись, она отвѣчаетъ обычными въ такихъ случаяхъ фразами, сообщая подругѣ, но еще въ большей степени, читателю, настоящее положеніе вещей; при этомъ ей удается ловко избавиться отъ нѣжной пары. Она поздравляетъ ихъ; но сама она здѣсь не въ свадебномъ путешествіи. „Молодой человѣкъ, который только что ушелъ, тоже страдаетъ какимъ-то страннымъ бредомъ, онъ, кажется, думаетъ, что у него въ головѣ жужжитъ муха; впрочемъ у каждаго изъ насъ сидитъ тамъ какое-нибудь насѣкомое. Мнѣ, по обязанности, пришлось познакомиться съ энтомологіей и я могу быть въ подобныхъ случаяхъ очень полезной. Мы съ

отцомъ живемъ въ гостиницѣ Sole; ему пришла внезапно блестящая идея взять меня съ собой сюда, если я устроюсь самостоятельно въ Помпеѣ и не буду предъявлять къ нему никакихъ требованій. Я рѣшила, что сама съумѣю откопать для себя что-нибудь интересное. Правда, о находкѣ, которую я сдѣлала—т. е. о счастьѣ встрѣтить тебя, Гиза, я даже не мечтала". Теперь же она должна поторопиться къ отцу, чтобъ составить ему общество за столомъ въ отелѣ. И такъ она удаляется, послѣ того какъ представилась намъ, какъ дочь зоолога и охотника за ящерицами, и различными двусмысленными фразами созналась въ своихъ намѣреніяхъ относительно леченія и въ другихъ, тайныхъ замыслахъ. Направленіе, по которому она пошла было, однако, не въ сторону гостиницы „Солнца", въ которой ее ждалъ ея отецъ; и ей, вѣроятно, показалось, что вокругъ виллы Діомеда какая-то тѣнь ищетъ своей могилы и исчезла подъ однимъ изъ надгробныхъ памятниковъ, потому что и она направилась по улицѣ могилъ, ступая при каждомъ шагѣ почти отвѣсно ступнею ногъ. Туда убѣжалъ въ смущеніи и замѣшательствѣ Ганольдъ и ходилъ безпрерывно взадъ и впередъ въ портикѣ сада, напрягая свою мысль и стараясь разрѣшить остатки своей задачи. Одно сдѣлалось для него несомнѣнно яснымъ: что онъ былъ совершенно лишенъ ума и здраваго смысла, думая, что имѣетъ общеніе съ болѣе или менѣе воплощенной и вновь ожившей молодой помпеянкой и это трезвое пониманіе своего безумія было безспорнымъ шагомъ впередъ по пути къ здравому разсудку. Но, съ другой стороны, эта живая, съ которой и другіе обращаются какъ съ равнымъ имъ существомъ, была Gradiva и откуда-то знала его имя. Однако, для разрѣшенія этой послѣдней загадки его проснувшійся разсудокъ не достаточно еще окрѣпъ. Также и чувства его не были еще настолько спокойны, чтобъ овладѣть такой трудной задачей и больше всего желалъ бы онъ быть за-

сыпаннымъ еще двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ въ виллѣ Діомеда, чтобъ только быть увѣреннымъ, что никогда больше не встрѣтится съ Зоей-Gradiv'ой.

Но страстное желаніе снова ее увидѣть боролось съ послѣдними попытками къ бѣгству, отъ которыхъ онъ еще не освободился.

Огибая одинъ изъ четырехъ угловъ колоннады, Ганольдъ съ испугомъ отскочилъ назадъ. На сломанномъ кускѣ стѣны сидѣла одна изъ дѣвушекъ, погибшихъ въ виллѣ Діомеда. Но эта мысль была послѣдней попыткой вернуться въ царство бреда; нѣтъ, это была Gradiva, которая, очевидно, пришла для того, чтобъ закончить исцѣленіе нашего героя. Она вѣрно объяснила его первое инстинктивное движеніе желаніемъ уйти, и указала ему, что онъ не можетъ убѣжать, такъ какъ начался сильный ливень. Немилосердная дѣвушка начала съ вопроса: что значила эта исторія съ мухой на ея рукѣ? Онъ не могъ рѣшить, какимъ мѣстоимѣніемъ пользоваться въ разговорѣ съ ней, но у него хватило достаточно смѣлости, чтобы обратиться къ ней съ рѣшительнымъ вопросомъ.

„У меня въ головѣ—какъ кто-то сказалъ—все перемѣшалось, поэтому прошу прощенія за то, что я такимъ образомъ обошелся съ рукой. Какъ могъ я быть столь безразсуднымъ, мнѣ совершенно непонятно; но также отказываюсь понять, какимъ образомъ обладательница этой руки могла меня упрекнуть въ этомъ безразсудствѣ, называя меня по имени". „Повидимому, ты все еще ничего не понимаешь, Норбертъ Ганольдъ. Правда, это меня не удивляетъ, ты уже давно меня къ этому пріучилъ. Чтобы получить новый урокъ мнѣ не зачѣмъ было ѣздить въ Помпею, ты могъ бы мнѣ дать его добрыхъ сто миль ближе".

„Да, на сто миль ближе; противъ твоей квартиры, въ угловомъ домѣ, стоитъ у меня на окнѣ клѣтка съ канарей-

кой“, — поясняетъ она ему, все еще не понимающему.

Послѣднія слова дѣйствуютъ на слушателя, какъ какое-то далекое смутное воспоминаніе. Вѣдь это та птичка, пѣніе которой внушило ему рѣшеніе отправиться въ Италію.

„Въ домѣ этомъ живетъ мой отецъ, профессоръ зоологіи Рихардъ Бертгангъ.“

Какъ сосѣдка, она, стало быть, знала его, и его имя. У насъ же является чувство разочарованія при этой простой развязкѣ, не оправдавшей нашихъ ожиданій.

Норбертъ Ганольдъ не показываетъ еще, что къ нему вернулась самостоятельность мысли, повторяя: „Стало быть, Вы — Зоя Бертгангъ? Но вѣдь она выглядѣла совсѣмъ иначе...“

Отвѣтъ Зои Бертгангъ показываетъ затѣмъ, что между ними обоими существовали, кромѣ сосѣдства, еще и другія отношенія. На основаніи прежнихъ правъ своихъ она настаиваетъ на интимномъ обращеніи на „ты“, которое казалось естественнымъ по отношенію къ привидѣніямъ, но неумѣстнымъ въ разговорѣ съ живой. „Если ты считаешь обращеніе на „вы“ болѣе удобнымъ, будемъ говорить такъ; хотя для меня естественнѣй говорить вамъ „ты“. Я не знаю, выглядѣла ли я иначе въ то время, когда мы дружно играли и бѣгали вмѣстѣ, а при случаѣ, для разнообразія, тузили и лупили другъ друга. Но еслибъ вы хоть одинъ разъ, въ послѣдніе годы, удостоили меня взглядомъ, то, быть можетъ, убѣдились бы тогда, что я ужъ давно такъ выгляжу“.

Итакъ, между обоими существовала дѣтская дружба, быть можетъ и дѣтская любовь, которая оправдывала это обращеніе на „ты“. Не кажется ли эта развязка такой же простой, какъ и первая, которую мы предположили? Намъ приходитъ въ голову мысль, многое объясняющая и углубляющая, а именно, что эта дѣтская связь можетъ неожи-

даннымъ образомъ объяснить нѣкоторыя частности и подробности изъ того, что произошло между ними обоими во время ихъ настоящей встрѣчи. Этотъ ударъ по рукѣ Зои-Gradiv'ы, который Норбертъ Ганольдъ такъ прекрасно мотивировалъ необходимостью „экспериментальнаго рѣшенія вопроса о тѣлесности видѣнія", — не напоминаетъ ли онъ съ другой стороны воскресшій дѣтскій порывъ „тузить и лупить" другъ друга, о силѣ котораго въ дѣтствѣ свидѣтельствуютъ намъ слова Зои? И когда Gradiv'а обращается къ молодому археологу съ вопросомъ — не кажется ли ему, что они уже однажды, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, завтракали вмѣстѣ — не становится ли этотъ вопросъ понятнымъ, если вмѣсто историческаго прошлаго мы поставимъ личное — дѣтство, воспоминанія о которомъ остались живыми у дѣвушки, а изъ памяти молодого человѣка, казалось, изгладились? Не начинаетъ ли намъ вдругъ казаться, что фантазіи молодого археолога по поводу его Gradiv'ы могутъ быть отраженіемъ этихъ забытыхъ воспоминаній дѣтства? Въ такомъ случаѣ эти фантазіи нельзя назвать произвольными продуктами воображенія, но обусловленными впечатлѣніями и воспоминаніями дѣтства, вліяющими на него даже помимо его сознанія. Мы должны постараться доказать въ отдѣльныхъ случаяхъ это происхожденіе его фантазіи, хотя бы только какъ вѣроятное предположеніе. Когда напр. ему кажется, что Gradiv'а должна быть греческаго происхожденія, дочерью почтеннаго человѣка, быть можетъ, жреца Цереры — то развѣ это не совпадаетъ довольно хорошо съ предположеніемъ о вліяніи на него извѣстнаго ему греческаго имени дѣвушки — Зоя — и ея принадлежности къ семьѣ профессора зоологіи? Но еслибъ фантазіи Ганольда были преобразившимися воспоминаніями, мы можемъ предполагать, что указанія на ихъ источники мы найдемъ въ словахъ Зои Бертгангъ. Прислушаемся же къ тому, что она говоритъ; она уже раз-

сказала намъ о глубокой дѣтской привязанности, существовавшей между ними; теперь же мы узнаемъ, какое развитіе получило это дѣтское чувство въ каждомъ изъ обоихъ въ дальнѣйшемъ.

„Тогда... ну, до того времени, пока насъ не стали называть—сама не знаю отчего—подростками, во мнѣ жила необыкновенная привязанность къ вамъ и я думала, что въ цѣломъ мірѣ не смогла бы никогда найти лучшаго друга. Матери, братьевъ и сестеръ у меня не было, а для моего отца мѣдянка въ спирту была интереснѣе меня; а что-нибудь долженъ имѣть всякій,—въ томъ числѣ и дѣвушка—чѣмъ можно было-бы занять свои мысли и все то, что съ ними связано. И этимъ „вы“ были тогда для меня; но когда на васъ обрушилось это несчастье—археологія, я сдѣлала открытіе, что изъ тебя—простите, но ваше галантное нововведеніе звучитъ такъ нелѣпо и такъ не гармонируетъ съ тѣмъ, что я хочу выразить—я хотѣла сказать: тогда, именно, стало ясно, что изъ тебя сдѣлался несносный человѣкъ, который, по крайней мѣрѣ для меня, не имѣлъ ни глазъ въ головѣ, ни языка во рту, ни воспоминаній, тѣхъ воспоминаній, которыя у меня живо сохранились о нашемъ дѣтствѣ. И если я тебѣ показалась другой, чѣмъ прежде, то это потому, что встрѣчаясь изрѣдка со мной въ обществѣ,—послѣдній разъ это было еще прошлою зимой,—ты никогда не замѣчалъ меня и не разговаривалъ со мной. Впрочемъ, для меня не дѣлались исключенія, потому что ты поступалъ такъ-же точно и по отношенію къ другимъ. Я была для тебя пустымъ пространствомъ, а ты, со своимъ бѣлокурымъ хохломъ, за который я раньше такъ часто таскала тебя, былъ скучный, сухой, молчаливый, какъ чучело какаду, и притомъ, важный, какъ археоптериксъ—такъ, кажется, называется это птицеподобное ископаемое. Но я все же никогда не подозрѣвала, чтобъ въ твоей головѣ могла

зародиться такая дикая фантазія—принять меня въ Помпеѣ тоже за ископаемое и притомъ воскресшее. Когда ты такъ неожиданно появился предо мной, мнѣ стоило сначала большого труда понять, какой нелѣпый бредъ овладѣлъ твоимъ воображеніемъ. Потомъ это забавляло меня и нравилось мнѣ, несмотря на свое безуміе. Повторяю—этого я за тобой не подозрѣвала".

Такимъ образомъ, дѣвушка совершенно ясно сообщаетъ намъ о томъ, что стало съ годами у нихъ изъ ихъ дѣтской дружбы. У нея это чувство дошло до влюбленности, ибо нужно вѣдь имѣть что-нибудь, чему можно было-бы отдать свое дѣвичье сердце. Зоя Бертгангъ, это воплощеніе ума и ясности, даетъ намъ возможность насквозь разглядѣть всю ея психическую жизнь. Если примѣнимо ко всѣмъ правило, что всякая нормально воспитанная дѣвушка первую привязанность свою отдаетъ отцу, то это тѣмъ болѣе должно было съ Зоей случиться, потому что въ семьѣ своей, кромѣ отца, она никого не имѣла. Но у отца не нашлось въ душѣ ничего для нея, интересы науки овладѣли имъ всецѣло. Поэтому ей пришлось искать себѣ кого-нибудь другого и всю глубину сердечной привязанности своей она отдала другу юности. Когда и послѣдній пересталъ замѣчать ее, то это не разрушило любви къ нему, а напротивъ, еще увеличило ее, такъ какъ онъ сдѣлался похожимъ на ея отца; какъ и тотъ, онъ весь былъ поглощенъ наукой, и ушелъ отъ жизни и отъ Зои. Такимъ-то образомъ могло случиться, что она осталась вѣрной невѣрному, что въ возлюбленномъ нашла отца, охватила обоихъ однимъ чувствомъ, или, какъ мы говоримъ, идентифицировала обоихъ въ своемъ чувствѣ.

Откуда беремъ мы основаніе для этого маленькаго психологическаго анализа, который можетъ легко показаться произвольнымъ? Въ одной единственной, но характерной подробности, которую далъ намъ авторъ. Когда Зоя описы-

ваетъ столь печальное для нея превращеніе своего друга, она ругаетъ его, сравнивая съ археоптериксомъ, т. е. съ тѣмъ чудовищемъ-птицей, которое принадлежитъ археологической зоологіи. Такимъ образомъ, она нашла одно конкретное выраженіе для идентифицированія обоихъ лицъ; ея гнѣвъ разитъ однимъ словомъ какъ возлюбленнаго, такъ и отца. Этотъ археотптериксъ является, такъ сказать, компромиссомъ, или какъ бы срединнымъ представленіемъ, въ которомъ совпадаютъ мысли о глупости и возлюбленнаго и отца.

Совсѣмъ другое произошло съ молодымъ человѣкомъ. Археологія захватила его совершенно, оставивъ въ немъ интересъ только къ женщинамъ изъ мрамора и бронзы. Вмѣсто того, чтобъ обратиться въ страсть, дѣтская дружба заглохла въ немъ и воспоминанія о ней были такъ глубоко забыты, что, встрѣчаясь въ обществѣ, онъ не узнавалъ своей подруги и не обращалъ на нее никакого вниманія. Но если мы обратимъ вниманіе на дальнѣйшее, то можемъ усомниться, можно-ли назвать „забвеніемъ“ то, что случилось съ этими воспоминаніями нашего археолога. Существуетъ особаго рода забвеніе, которое отличается тѣмъ, что при немъ лишь съ большой трудностью удается вызвать воспоминанія, даже при наличности сильнаго внѣшняго возбудителя. Въ такихъ случаяхъ можетъ казаться, будто имѣется внутреннее сопротивленіе, не допускающее такого воспоминанія. Такое забвеніе въ психопатологіи носитъ названіе „вытѣсненія“; случай, который изображенъ нашимъ авторомъ, кажется намъ примѣромъ такого вытѣсненія. Мы еще вообще не знаемъ, связано ли забвеніе какого-нибудь впечатлѣнія съ исчезновеніемъ „слѣдовъ воспоминанія“ о немъ въ душевной жизни. Относительно же „вытѣсненія“ мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что оно не сопровождается уничтоженіемъ „слѣдовъ воспоминанія“. Вытѣсненное хотя и не можетъ, обыкновенно, непосредственно вспомниться, но не теряетъ

способности оказывать воздѣйствіе и вліяніе на душевную жизнь; подъ вліяніемъ какого-нибудь внѣшняго раздраженія оно ведетъ къ психическимъ слѣдствіямъ, которыя можно разсматривать, какъ преобразованіе или продукты забытыхъ вспоминаній, и которыя остаются непонятными, если на нихъ не такъ смотрѣть. Мы полагаемъ, что въ фантазіяхъ Норберта Ганольда по поводу Gradiv'ы можно узнать такіе продукты его вытѣсненныхъ воспоминаній о дѣтской дружбѣ съ Зоей Бертгангъ. Съ особой закономѣрностью нужно ждать такого рода возвращенія вытѣсненнаго, если съ этими вытѣсненными впечатлѣніями связаны эротическія чувства человѣка, если его любовныя переживанія подверглись такого рода вытѣсненію. И въ этомъ случаѣ оказывается справедливой старая латинская пословица: „Naturam furca expellas, semprer redibit", первоначально, можетъ быть, относившаяся къ „изгнанію" благодаря внѣшнимъ причинамъ, а не внутреннимъ конфликтамъ. Но пословица эта не говоритъ еще всего; она только подтверждаетъ фактъ возвращенія вытѣсненной „природы", но не описываетъ въ высшей степени интереснаго способа этого возвращенія, совершающагося вдругъ, какъ бы изподтишка. Какъ разъ то, что служитъ средствомъ вытѣсненія—какъ furca пословицы,—становится и носителемъ, выразителемъ возвращающагося; въ самомъ вытѣсняющемъ, и какъ бы за спиной его, выявляется вытѣсненное и побѣждаетъ его. Извѣстная гравюра Фелисьена Ропса лучше многихъ разсужденій иллюстрируетъ этотъ мало извѣстный, но заслуживающій огромнаго вниманія фактъ на яркомъ примѣрѣ вытѣсненія въ жизни кающихся святыхъ. Аскетическій монахъ ищетъ спасенія отъ искушеній свѣта у изображенія распятаго Спасителя. И крестъ, подобно тѣни, опускается, а на его мѣстѣ, сіяя, поднимается соблазнительный образъ обнаженной женщины. Другіе художники, съ меньшимъ психологическимъ чутьемъ, помѣщали

дерзко-торжествующій грѣхъ на какомъ нибудь мѣстѣ возлѣ распятаго Спасителя. Одинъ только Ропсъ помѣстилъ его на мѣстѣ самаго Спасителя на крестѣ; онъ какъ будто бы зналъ о томъ, что вытѣсненное, при возвращеніи своемъ, прорывается въ томъ самомъ, что вытѣсняетъ его.

На этомъ мѣстѣ стоитъ остановиться, чтобъ убѣдиться на случаяхъ болѣзни, какой чувствительной становится психика человѣка въ состояніи такого вытѣсненія къ проявленію вытѣсненнаго, и какого небольшого и незначительнаго сходства достаточно, чтобъ это вытѣсненное какъ-нибудь проявилось чрезъ посредство вытѣснявшаго. Однажды мнѣ пришлось лѣчить одного молодого человѣка, почти мальчика, который, узнавъ *помимо воли своей о тайнѣ половой жизни*, всѣми силами старался избавиться отъ проснувшихся въ немъ страстныхъ желаній, употребляя для этого различныя способы вытѣсненія: работалъ съ необыкновеннымъ прилежаніемъ, особенно сильно привязался къ матери, и старался сохранить что-то ребяческое въ своемъ поведеніи и характерѣ. Я не хочу сейчасъ подробно излагать, какъ именно въ отношеніяхъ его къ матери проявлялось вытѣсненное половое чувство, а описать болѣе рѣдкій и странный случай,—какъ другой оборонительный оплотъ этого молодого человѣка рухнулъ по самому незначительному и недостаточному поводу. Математика пользуется славой лучшаго средства для отвлеченія отъ всего сексуальнаго, и еще Ж. Ж. Руссо получилъ слѣдующій совѣтъ отъ одной дамы, которая была имъ недовольна: Lascina le donne e studia la matematica. И нашъ паціентъ занялся также съ особеннымъ рвеніемъ математикой и геометріей, преподаваемыми въ школѣ; но однажды его способности измѣнили ему предъ нѣсколькими, казалось-бы, самыми невинными задачами. Точный текстъ двухъ изъ нихъ намъ удалось установить: „Два тѣла столкнулись, одно со скоростью... и т. д. И—въ цилиндръ, діаметръ основанія

котораго t надо вписать конусъ и т. д.“ При этихъ фразахъ, въ которыхъ другой не замѣтилъ бы никакихъ намековъ на сексуальное, больной почувствовалъ, что и въ математикѣ не можетъ найти вѣрнаго убѣжища, и оставилъ занятія ею.

Если-бъ Норбертъ Ганольдъ былъ взятымъ изъ дѣйствительности лицомъ, у котораго археологія вытѣснила любовь и воспоминанія о дѣтской дружбѣ, то было бы вполнѣ правильно и естественно, чтобъ именно старинный барельефъ разбудилъ въ немъ воспоминаніе о дѣтскихъ чувствахъ къ возлюбленной; онъ вполнѣ заслужилъ бы свою судьбу, если бы влюбился въ каменное изображеніе Gradiv‘ы, изъ-за котораго, благодаря непонятному сходству, появляется образъ живой и позабытой Зои.

Какъ видно и сама Зоя Бертгангъ раздѣляетъ нашъ взглядъ на бредъ молодого археолога, потому что выраженіе благоволенія, о которомъ она говоритъ въ концѣ своей „откровенной, обстоятельной и поучительной отповѣди“, нельзя иначе объяснить, какъ ея готовностью принять съ самаго начала на свой счетъ интересъ Норберта къ Gradiv’ѣ. Этого, именно, она отъ него не ждала, но все же распознала, несмотря на странную бредовую форму, въ которую его чувство было облечено. На него же ея психическое воздѣйствіе и лѣченіе имѣли самое благотворное вліяніе; онъ чувствовалъ себя освобожденнымъ, потому что бредъ его былъ замѣненъ тѣмъ, съ чего онъ могъ быть лишь изуродованнымъ и невѣрнымъ слѣпкомъ. Онъ не замедлилъ теперь вспомнить обо всемъ и узналъ въ Gradiv’ѣ свою хорошую, веселую, умную подругу, которая, въ сущности, совершенно не измѣнилась. Но нѣчто другое казалось ему очень страннымъ:

— „Что нужно умереть, чтобъ потомъ воскреснуть“ — сказала молодая дѣвушка — „но для археолога это, очевидно, необходимо“. Она, повидимому не простила ему еще того

окольнаго пути черезъ археологію, который онъ прошелъ отъ ихъ дѣтской дружбы до завязавшихся между ними снова отношеній.

„Нѣтъ, я имѣю въ виду твое имя; вѣдь Gradiva и Bertgang — значитъ тоже самое—„въ сіяніи идущая".

Этого даже и мы не ожидали. Нашъ герой начинаетъ выходить изъ своей удрученности и играть активную роль. Онъ, очевидно, совершенно излѣченъ отъ своего бреда, одержалъ надъ нимъ верхъ и доказываетъ это тѣмъ, что самъ разрываетъ послѣднія нити своей бредовой сѣти. Такъ же точно поступаютъ больные, которыхъ освобождаютъ отъ гнета и власти ихъ бредовыхъ идей, открывая скрытое за послѣдними вытѣсненное. Какъ только они это поняли, то сейчасъ же сами даютъ объясненіе послѣднихъ и наиболѣе важныхъ и загадочныхъ явленій ихъ состоянія, посредствомъ внезапно приходящихъ имъ въ голову мыслей и соображеній. Мы уже раньше предположили, что мысль о греческомъ происхожденіи фантастической Gradiv'ы могла явиться подъ вліяніемъ женскаго имени „Зоя"; но къ самому имени „Gradiva" мы не осмѣливались критически подойти, его считали мы свободнымъ созданіемъ фантазіи Норберта Ганольда. И что-же? Какъ разъ это имя оказывается переводомъ вытѣсненной фамиліи якобы позабытой подруги дѣтства.

Происхожденіе и объясненіе бреда закончены. То, что слѣдуетъ у автора далѣе, должно служить гармоничному окончанію разсказа. Въ ожиданіи будущаго, насъ можетъ только радовать, что человѣкъ, игравшій раньше грустную роль больного, совершенно приходитъ въ себя, и ему удается даже вызвать въ молодой дѣвушкѣ кое-что изъ тѣхъ чувствъ, отъ которыхъ самъ онъ прежде страдалъ. Онъ возбуждаетъ въ ней ревность тѣмъ, что вспоминаетъ о той молодой, симпатичной дамѣ, которая, своимъ появленіемъ, нарушила прежде ихъ уединеніе въ домѣ Мелеагра; онъ гово-

ритъ, что она была первой, которая ему очень понравилась. Когда, послѣ этого, Зоя хочетъ холодно проститься съ нимъ, говоря:—теперь всѣ образумились и она не менѣе другихъ; онъ можетъ отыскать Гизу Гартлебенъ, или какъ тамъ она теперь называется, чтобъ помочь ей въ научномъ отношеніи во время ея пребыванія въ Помпеѣ, она же должна теперь поспѣшить въ Albergo del sole, гдѣ ея отецъ ждетъ ее съ обѣдомъ; можетъ быть они еще когда-нибудь встрѣтятся въ обществѣ, въ Германіи, или на лунѣ—тогда онъ снова пользуется мухой, какъ предлогомъ для того, чтобъ овладѣть сначала ея щеками, а потомъ и губами и проявить аггресивность, которая въ игрѣ любви составляетъ обязанность мужчины. Еще только одинъ разъ какъ будто омрачается ихъ счастье—когда Зоя заявляетъ, что теперь ужъ въ самомъ дѣлѣ должна идти къ отцу, который умретъ съ голоду въ „Sole“.—„Твой отецъ—какъ онъ“? Но умная дѣвушка умѣетъ сразу разсѣять его опасенія: „Вѣроятно онъ никакъ не отнесется; я не принадлежу къ числу необходимыхъ экземпляровъ его зоологической коллекцій, иначе мое глупое сердце, быть можетъ, не привязалось бы къ тебѣ такъ сильно“. Но еслибы отецъ неожиданно оказался другого мнѣнія, чѣмъ они, то у нихъ все же нашлось-бы вѣрное средство. Ганольду стоитъ только переѣхать на Капри, поймать тамъ одну Lacerta faraglionensis—(въ техникѣ ловли онъ могъ-бы поупражняться на ея маленькомъ пальцѣ)—выпустить здѣсь это животное, поймать его снова на глазахъ зоолога и предоставить ему выборъ между faraglionensis на материкѣ и дочерью. Совѣтъ, въ которомъ, какъ это легко замѣтить, насмѣшка смѣшана съ горечью; а также и предостереженіе жениху, чтобъ онъ въ дальнѣйшемъ не держался того образца, по которому его выбрала его возлюбленная. Норбертъ Ганольдъ успокаиваетъ насъ и на этотъ счетъ, проявляя въ различныхъ мелочахъ ту пе-

ремѣну, которая съ нимъ произошла. Онъ высказываетъ намѣреніе совершить со своей Зоей свадебное путешествіе въ Италію и въ Помпею, какъ еслибъ его никогда не раздражали путешествующіе новобрачные Августы и Греты. То, что онъ чувствовалъ по отношенію къ этимъ счастливымъ парамъ, столь напрасно удалявшимся на тысячу верстъ отъ ихъ нѣмецкой родины, совершенно исчезло изъ его памяти. И авторъ безусловно правъ, выставляя такого рода забывчивость лучшимъ доказательствомъ душевной перемѣны. Зоя возражаетъ по поводу высказаннаго пожеланіи, ея *„также какъ будто выкопаннаго изъ развалинъ друга дѣтства“*, что не чувствуетъ себя еще достаточно ожившей для такихъ „географическихъ рѣшеній“. Отнынѣ прекрасная дѣйствительность побѣдила бредъ, но прежде чѣмъ оба покидаютъ Помпею, воздается честь и послѣднему. Придя къ Иркумсовымъ воротамъ, гдѣ, у начала Strada consolare, старыя каменныя плиты пересѣкаютъ улицу, Норбертъ Ганольдъ останавливается и проситъ молодую дѣвушку пройти впередъ. Она понимаетъ его „и приподнявъ слегка лѣвой рукой платье перешла улицу въ солнечномъ блескѣ возрожденная Gradiva—Зоя Бертгангъ своей спокойной скользящей походкой. И мечтательнымъ взглядомъ слѣдилъ за ней Норбертъ Ганольдъ. Вмѣстѣ съ торжествомъ эротики теперь получаетъ должную оцѣнку и то, что было прекрасно и драгоцѣнно въ его бредѣ“.

Послѣдней фразой о „выкопанномъ изъ развалинъ другѣ дѣтства“, авторъ далъ намъ въ руки ключъ къ пониманію всей той символики, которой пользовался бредъ нашего героя при маскированіи вытѣсненнаго воспоминанія. Дѣйствительно, трудно придумать лучшую аналогію для вытѣсненія, которое дѣлаетъ какое либо душевное переживаніе недоступнымъ, но, въ то-же время, сохраняетъ его нетронутымъ, чѣмъ погребеніе, ставшее участью Помпеи,

отъ котораго теперь, благодаря работамъ заступовъ, городъ опять какъ-бы воскресаетъ. Потому то фантазія молодого археолога должна была перенести въ Помпею оригиналъ, съ котораго былъ сдѣланъ рельефъ, напомнившій ему о забытой подругѣ юности. И авторъ имѣлъ полное основаніе остановиться передъ столь важнымъ сходствомъ между душевными переживаніями единичной личности и отдѣльнымъ событіемъ въ исторіи человѣка, сходствомъ, которое онъ уловилъ тонкимъ своимъ чутьемъ.

II.

Нашимъ намѣреніемъ, собственно говоря, было подвергнуть изслѣдованію, при помощи извѣстнаго аналитическаго метода, тѣ два или три сновидѣнья, которыя встрѣчаются въ разсказѣ Gradiva; какъ же это случилось, что мы увлеклись изложеніемъ хода всего произведенія и изслѣдованіемъ душевныхъ переживаній двухъ главныхъ героевъ его? Это было не излишней, а необходимой подготовительной работой. Если мы хотимъ изучить дѣйствительныя сновидѣнія какого-нибудь реальнаго лица, мы также должны досконально познакомиться съ его характеромъ и судьбой, и принять во вниманіе не только его переживанія непосредственно передъ сномъ, но и прожитое изъ далекаго прошлаго. Мнѣ кажется, что мы все еще не можемъ взяться за рѣшеніе нашей настоящей задачи, что мы должны еще дальше остановиться на самомъ разсказѣ, и продолжить нашу подготовительную работу.

Наши читатели, вѣроятно, замѣтили съ удивленіемъ, что мы относимся къ проявленіямъ душевныхъ переживаній и поступковъ Норберта Ганольда и Зои Бертгангъ, словно они были бы дѣйствительными существами, а не продуктомъ творчества поэта, словно творческій замыселъ послѣдняго былъ для насъ абсолютно ясной средой, а не туманной и преломляющей свѣтъ. И тѣмъ страннѣе

должно казаться подобное наше отношеніе, что самъ авторъ вполнѣ ясно и опредѣленно заявляетъ, что не изображаетъ дѣйствительности, назвавъ свое произведеніе „фантазіей". Но мы находимъ его описанія до того вѣрными дѣйствительности, что ничего не могли бы возразить, если бы „Gradiva" называлась психіатрическимъ этюдомъ, а не фантазіей. Только въ двухъ пунктахъ авторъ воспользовался дозволенной ему свободой, создавая предположенія, почву для которыхъ, кажется, нельзя найти въ закономѣрности жизни. Въ первомъ—когда онъ заставляетъ молодого археолога найти несомнѣнно античный барельефъ, который не только особенностью походки, но и лицомъ и сложеніемъ, во всѣхъ деталяхъ до того вѣрно воспроизводитъ много позже живущую дѣвушку, что молодой ученый принимаетъ ее за ожившее каменное изображеніе. Во-вторыхъ,—когда авторъ заставляетъ своего героя встрѣтиться съ этой дѣвушкой именно въ Помпеѣ, куда фантазія его уже раньше перенесла ее умершею; а между тѣмъ своимъ путешествіемъ въ Помпею онъ удалялся отъ той живой, которую замѣтилъ на улицѣ, гдѣ жилъ. Однако, это второе допущеніе автора не является еще большимъ уклоненіемъ отъ возможностей дѣйствительной жизни; оно беретъ только себѣ въ помощь случайность, играющую, несомнѣнно, большую роль въ человѣческихъ судьбахъ. Къ тому же эта случайность получаетъ глубокій смыслъ, такъ какъ и тутъ повторяется роковая судьба: попадаешь какъ разъ на то, отъ чего хотѣлъ спастись бѣгствомъ.

Гораздо фантастичнѣе, и совершенно произвольнымъ со стороны автора кажется первое допущеніе, которое влечетъ за собой дальнѣйшія событія: большое сходство молодой дѣвушки съ скульптурой. А между тѣмъ холодное разсужденіе скорѣе могло бы ограничиться только сходствомъ въ положеніи ноги при шагѣ. Поневолѣ появляется желаніе дать

свободу полету собственной фантазіи, чтобъ согласовать это съ дѣйствительностью. Имя Бертгангъ могло бы указывать на то, что женщины этого семейства отличались уже въ старыя времена особенно красивой походкой, и нѣмецкіе Бертганги связаны наслѣдственной преемственностью съ той римлянкой, которая побудила художника увѣковѣчить въ камнѣ особенность ея походки. А такъ какъ различныя варіаціи человѣческихъ внѣшностей не совершенно независимы другъ отъ друга и въ нашей средѣ, дѣйствительно, часто встрѣчаются античные типы, похожіе на образцы изъ древнихъ коллекцій, то не было бы абсолютно невозможнымъ, чтобъ современная Бертгангъ была до мелочей внѣшностью похожа на свою прародительницу. Разумнѣй подобнаго рода спекуляцій было бы освѣдомиться у самаго автора о тѣхъ источникахъ, изъ которыхъ онъ почерпнулъ эту часть своего творчества; тогда представилась бы опять возможность объяснить извѣстной закономѣрностью то, что казалось намъ произволомъ. Но такъ какъ намъ недоступны источники психологіи автора, то мы оставляемъ за нимъ неограниченное право создавать правдоподобное развитіе, исходя изъ невѣроятнаго предположенія,—право, которымъ воспользовался, напримѣръ, Шекспиръ въ своемъ „Королѣ Лирѣ".

За исключеніемъ этого, повторяемъ мы, авторъ представилъ намъ вполнѣ правильный психіатрическій этюдъ, на которомъ мы можемъ подвергнуть пробѣ наше пониманіе психологіи; передъ нами исторія болѣзни и излеченія, какъ будто предназначенная для описанія и выясненія нѣкоторыхъ основныхъ ученій врачебной психологіи. Довольно странно, что это суждено было сдѣлать поэту. Что, если будучи спрошеннымъ, онъ станетъ отрицать это намѣреніе? Вѣдь такъ легко сравнивать и подтасовывать; не вкладываемъ-ли мы сами, въ прекрасный поэтическій разсказъ какой то таинственный смыслъ, совершенно чуждый ав-

тору. Возможно! Позже мы еще вернемся къ этому. Пока же мы сами старались уберечь себя отъ такого тенденціознаго толкованія тѣмъ, что передавали содержаніе разсказа почти дословно, беря у автора какъ содержаніе, такъ и комментаріи къ нему. Тотъ, кто сравнитъ точный текстъ Gradiv'ы съ нашимъ переложеніемъ ея, долженъ будетъ это подтвердить.

Очень возможно, что мы оказываемъ плохую услугу нашему поэту въ глазахъ большинства, называя его произведеніе психіатрическимъ этюдомъ. Не дѣло писателя касаться психіатріи—такъ говорятъ многіе—пусть онъ предоставитъ врачамъ описывать состояніе больной души. Но въ дѣйствительности, ни одинъ настоящій поэтъ не соблюдалъ этого завѣта. Описаніе психической жизни людей—его настоящая сфера; поэты во всѣ времена шли впереди науки, не исключая и научной психологіи. А граница между нормальнымъ и такъ назыв. болѣзненнымъ психическимъ состояніемъ, съ одной стороны—такъ условна, съ другой—такъ трудно уловима, что каждый изъ насъ вѣроятно не разъ переходитъ ее въ теченіе дня. Съ другой стороны и психіатрія поступила бы неправильно, еслибы ограничивалась изученіемъ только тѣхъ тяжелыхъ и мрачныхъ заболѣваній, которыя происходятъ отъ серьзныхъ поврежденій психическаго аппарата. Болѣе легкія и излечимыя отклоненія отъ здороваго состоянія, которыя мы въ настоящее время не можемъ прослѣдить далѣе, чѣмъ до извѣстнаго нарушенія равновѣсія психическихъ силъ, для нея не менѣе интересны. Даже больше того, только благодаря послѣднимъ она можетъ понять какъ здоровье, такъ и проявленія тяжелой болѣзни. Поэтому поэтъ не можетъ не столкнуться съ психіатромъ, а психіатръ съ поэтомъ и поэтическая разработка психіатрической темы можетъ, ничего не теряя въ красотѣ, быть вполнѣ правильной.

Это поэтическое изображеніе исторіи болѣзни и излеченія, дѣйствительно, вполнѣ правильно и вѣрно. Теперь, окончивъ изложеніе содержанія разсказа и удовлетворивъ наше любопытство, мы лучше сможемъ охватить и понять все развитіе его и постараемся воспроизвести его въ техническихъ выраженіяхъ нашей науки; при этомъ насъ не должно пугать то, что намъ снова придется повторять уже сказанное.

Авторъ называетъ достаточно часто состояніе Норберта Ганольда бредомъ и мы не имѣемъ никакого основанія отказаться отъ этого названія. Можно указать двѣ главныхъ характерныхъ черты бредовыхъ явленій, при помощи которыхъ они хотя и не описываются исчерпывающе, но могутъ быть отличены отъ другихъ нарушеній психической жизни. Во-первыхъ, бредъ принадлежитъ къ той группѣ болѣзненныхъ состояній, которыя не имѣютъ непосредственнаго вліянія на физическое состояніе, а выражаются только психическими явленіями; во-вторыхъ онъ отличается тѣмъ, что при немъ продукты „фантазіи“ являются главнымъ господствующимъ началомъ, т. е. принимаются на вѣру и вліяютъ на дѣйствія и поступки. Вспомнимъ только поѣздку въ Помпею, предпринятую для того, чтобы отыскать въ пеплѣ особенный отпечатокъ ноги Gradiv'ы; въ ней мы имѣемъ прекрасный примѣръ дѣйствія, совершеннаго подъ вліяніемъ бреда. Психіатръ, возможно, причислилъ-бы состояніе Норберта Ганольда къ большой группѣ Paranoia—(бредовое помѣшательство) и назвалъ бы его „фетишистской эротоманіей“, потому что влюбленность героя въ каменное изображеніе привлекла бы больше всего его вниманіе; кромѣ того, интересъ молодого археолога къ ногамъ и положенію ногъ женской фигуры могло показаться подозрительнымъ въ отношеніи фетишизма. Между тѣмъ, всѣ эти названія и подраздѣленія различнаго рода бредовъ по

ихъ содержанію нѣсколько сомнительны и безполезны *).

Строгій психіатръ назвалъ бы дегенератомъ нашего героя, создавшаго бредъ свой на почвѣ такого страннаго пристрастія, и сталъ бы доискиваться той наслѣдственности, которая неминуемо привела его къ такому состоянію. Такъ далеко писатель не слѣдуетъ за психіатромъ; и вполнѣ правъ. Онъ хочетъ насъ сблизить со своимъ героемъ, дать намъ возможность сочувствовать ему, переживать съ нимъ; діагнозъ-же: дегенератъ,—независимо отъ того, насколько онъ оправдывается или не оправдывается наукой,—тотчасъ же удаляетъ отъ насъ молодого археолога; потому что мы, читатели, являемся нормальными людьми и мѣриломъ средняго человѣка. Наслѣдственныя и конституціональныя причины этого состоянія также мало безпокоятъ писателя; но зато онъ углубляется въ субъективное душевное состояніе и настроеніе, которое можетъ породить такой бредъ.

Въ одномъ, очень важномъ, отношеніи Норбертъ Гапольдъ отличается отъ обыкновенныхъ людей. У него отсутствуетъ интересъ къ живой женщинѣ; наука, которой онъ служитъ, отняла у него этотъ интересъ и направила его на женщинъ изъ камня и бронзы. Этого не слѣдуетъ считать безразличной особенностью; въ этомъ скорѣе всего главная причина всего разсказаннаго; поэтому и случается однажды, что одно изъ такихъ каменныхъ изображеній въ такой степени овладѣваетъ интересомъ молодого ученаго, въ какой это обыкновенно способна сдѣлать только живая женщина,—и такимъ образомъ бредъ готовъ. Затѣмъ передъ нашими глазами развертывается картина того, какъ, благодаря счастливому обстоятельству, этотъ бредъ излечивается и интересъ переносится съ камня снова обратно на живую

*) Въ дѣйствительности, случай Нор. Ган. долженъ быть опредѣленъ, какъ истерическій бредъ, а не paranoia; характерныя черты paranoia здѣсь отсутствуютъ.

женщину. Авторъ не даетъ намъ возможности прослѣдить, благодаря какому вліянію нашъ герой отворачивается отъ женщинъ; онъ указываетъ только, что поведеніе героя не объясняется врожденными особенностями, что ему скорѣе не чужды потребности фантастическаго — добавимъ эротическаго — характера. Изъ дальнѣйшаго мы узнаемъ, что въ дѣтскомъ возрастѣ онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ дѣтей; онъ былъ въ большой дружбѣ съ маленькой дѣвочкой, съ которой былъ неразлученъ, дѣлилъ съ ней свои завтраки, тузилъ ее и позволялъ ей таскать себя за волосы. Въ такой привязанности, въ такомъ смѣшеніи нѣжности съ аггресивностью выражается несозрѣвшая еще эротика дѣтскаго возраста, вліяніе которой проявляется лишь впослѣдствіи, въ зрѣломъ возрастѣ, но тогда за то съ тѣмъ большей силой; въ столь раннемъ же возрастѣ только врачи и писатели умѣютъ ее распознать. Нашъ писатель опредѣленно указываетъ, что и онъ думаетъ не иначе, такъ какъ при первомъ же удобномъ случаѣ, пробуждается въ его героѣ живѣйшій интересъ къ походкѣ женщинъ и къ постановкѣ ихъ ногъ при ходьбѣ,—что создаетъ ему и въ наукѣ и среди женщинъ его города дурную славу фетишиста. Для насъ ясно происхожденіе этого фетишизма изъ воспоминаній о подругѣ дѣтства. Эта дѣвушка, вѣроятно, уже въ дѣтствѣ отличалась особенно красивой походкой и почти отвѣснымъ положеніемъ ноги при шагѣ, и только благодаря изображенію такого же точно шага старинный барельефъ получаетъ такое большое значеніе для Норберта Ганольда. Впрочемъ, мы должны здѣсь замѣтить, что мнѣніе нашего писателя о происхожденіи замѣчательнаго явленія фетишизма вполнѣ совпадаетъ со взглядами науки. Со времени А. Бинэ мы, дѣйствительно, пытаемся объяснить фетишизмъ, какъ слѣдствіе эротическихъ впечатлѣній, полученныхъ въ дѣтствѣ.

Состояніе продолжительнаго безразличія къ женщинѣ создаетъ субъективную склонность, какъ мы говоримъ, предрасположеніе къ созданію бредовой идеи. Развитіе психическаго разстройства начинается съ того момента, когда какое-то случайное впечатлѣніе будитъ забытыя дѣтскія переживанія, имѣющія хотя бы малѣйшій эротическій оттѣнокъ. Впрочемъ, слово „будить"—не вполнѣ вѣрное обозначеніе, если принять во вниманіе дальнѣйшее. Теперь мы должны передать точными научными терминами психологіи вѣрныя изображенія писателя. Норбертъ Ганольдъ не вспоминаетъ при взглядѣ на барельефъ, что такое положеніе ноги онъ видѣлъ уже у своей подруги дѣтства; онъ вообще ничего не вспоминаетъ. А тѣмъ не менѣе сила того впечатлѣнія, которое производитъ на него барельефъ, зависитъ отъ впечатлѣній, полученныхъ въ дѣтствѣ. Такимъ образомъ воспоминаніе дѣтства оживаетъ, дѣлается активнымъ, начинаетъ проявляться, но не доходитъ до сознанія, остается „безсознательнымъ", какъ мы говоримъ, прибѣгая къ термину, ставшему необходимымъ теперь въ психопатологіи. Это „безсознательное" мы не желали бы видѣть предметомъ споровъ между философами и натурфилософами, споровъ, часто имѣющихъ лишь этимологическое значеніе. Для психическихъ процессовъ, которые проявляются активно и въ то же время не доходятъ до сознанія переживающаго ихъ лица, мы не имѣемъ лучшаго названія чѣмъ „безсознательное" и ничего другого мы не подразумѣваемъ подъ этимъ словомъ. Если нѣкоторые мыслители оспариваютъ существованіе такого „безсознательнаго", считая его безсмыслицей, то это, полагаемъ мы, потому, что они никогда не изучали соотвѣтствующихъ психическихъ феноменовъ. Они находятся подъ вліяніемъ общепринятаго взгляда, что всякое интенсивное и активное психическое переживаніе должно непремѣнно быть сознательно; но они должны еще поучиться тому, что хорошо извѣстно нашему

поэту: что существуютъ такіе психическіе процессы, которые, несмотря на свою интенсивность и активное проявленіе, все же не достигаютъ сознанія.

Мы уже какъ то раньше говорили, что воспоминанія о дѣтской дружбѣ съ Зоей находились у Норберта Ганольда въ состояніи „вытѣсненія"; теперь же мы назвали ихъ „безсознательными" воспоминаніями. Тутъ мы должны остановить наше вниманіе на соотношеніи этихъ двухъ понятій, которыя кажутся какъ-бы тождественными по смыслу. Это не трудно объяснить. „Безсознательное"—понятіе болѣе широкое, „вытѣсненное"—болѣе узкое. Все, что „вытѣснено", становится „безсознательнымъ", но не по поводу каждаго „безсознательнаго" можно сказать, что оно „вытѣсненное". Если бы при взглядѣ на барельефъ Ганольдъ вспомнилъ о походкѣ своей Зои, то безсознательное прежде воспоминаніе сдѣлалось бы у него одновременно и активнымъ и сознательнымъ, и это доказывало бы, что раньше оно не было вытѣсненнымъ. „Безсознательное"—это чисто описательный, съ извѣстной точки зрѣнія, неопредѣленный, статическій терминъ; „вытѣсненное" же—динамическое выраженіе, которое принимаетъ во вниманіе взаимодѣйствіе душевныхъ силъ. Оно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ душѣ существуетъ стремленіе ко всевозможнымъ психическимъ проявленіямъ, въ томъ числѣ и къ проявленію въ сознаніи, но что также имѣется и противодѣйствіе, сопротивленіе части этихъ проявленій, въ томъ числѣ и проявленію въ сознаніи. Признакомъ „вытѣсненнаго" остается то, что оно, несмотря на свою интенсивность, не можетъ проникнуть въ сознаніе. Въ случаѣ съ Норбертомъ Ганольдомъ рѣчь идетъ такимъ образомъ, съ момента появленія барельефа, о вытѣсненномъ безсознательномъ, короче—о вытѣсненномъ.

Вытѣсненными являются у Норберта Ганольда воспоминанія о дѣтскомъ общеніи съ дѣвочкой, обладающей кра-

сивой походкой—но въ этомъ фактѣ еще не заключается полный разборъ всей психологической ситуаціи. Мы остаемся на поверхности вопроса до тѣхъ поръ, пока будемъ говорить только о представленіяхъ и воспоминаніяхъ. Единственно цѣнными въ психической жизни являются чувствованія; всѣ психическія силы получаютъ значеніе только благодаря своей способности будить чувства. Представленія вытѣсняются только потому, что они связаны съ чувствами, которыя не должны проявиться; правильнѣй было-бы сказать, что вытѣсненія относятся къ чувствамъ, но мы въ состояніи ихъ уловить только въ связи съ опредѣленными представленіями. Вытѣснены у Ганольда его эротическія чувства и такъ какъ эти чувства не имѣютъ и никогда не имѣли другого объекта, кромѣ, еще въ дѣтствѣ, Зои Бертгангъ, то и воспоминанія о ней были забыты. Античный барельефъ будитъ въ немъ дремлющія эротическія чувства и воспоминанія начинаютъ пробуждаться въ душѣ его. Изъ-за существующаго въ Ганольдѣ сопротивленія эротикѣ эти воспоминанія могутъ проявляться только, какъ безсознательныя. Все, что въ немъ происходитъ въ дальнѣйшемъ, представляетъ борьбу между могуществомъ эротики съ вытѣсняющими ее силами; проявленіе этой борьбы и есть бредъ Ганольда.

Нашъ писатель не далъ объясненія, откуда берется вытѣсненіе чувства любви у его героя; занятія наукой—только средство, которымъ вытѣсненіе воспользовалось. Врачъ долженъ былъ-бы доискиваться болѣе глубокихъ причинъ, быть можетъ, и не найдя ихъ первоисточника въ данномъ случаѣ. Но, какъ мы съ удивленіемъ уже отмѣтили, авторъ подробно изобразилъ, какъ именно одно изъ средствъ, служившихъ для вытѣсненія эротики содѣйствовало ея пробужденію. Вполнѣ правильно то, что именно античное произведеніе, каменное изображеніе женщины, выводитъ молодого археолога изъ того психическаго состоянія, въ которомъ онъ находился, сторо-

нясь любви, и заставляетъ его уплатить жизни долгъ, которымъ мы обременены отъ рожденія.

Первыми проявленіями процесса, возбужденнаго въ Ганольдѣ барельефомъ, становятся фантазіи, которыя вращаются вокругъ изображенной на этомъ барельефѣ особы. Модель кажется ему чѣмъ-то „современнымъ“ въ лучшемъ смыслѣ этого слова: словно, художникъ схватилъ „изъ жизни“ эту идущую по улицѣ дѣвушку. Этой античной дѣвушкѣ онъ даетъ имя „Gradiva“, производя его, подобно эпитету идущаго на бой бога войны—„Mars Gradivus“. Все съ большей опредѣленностью рисуетъ онъ себѣ ея личность. Она, должно быть, дочь почтеннаго человѣка, вѣроятно патриція, который имѣетъ какое либо отношеніе къ богослуженію въ храмѣ; въ чертахъ ея лица, кажется ему, видно ея греческое происхожденіе; въ концѣ концовъ, его тянетъ перенести ее подальше отъ сутолоки большого города въ болѣе тихую Помпею, гдѣ онъ мысленно представляетъ себѣ ее идущей по гранитнымъ плитамъ, служащимъ для перехода съ одной стороны улицы на другую. Эти проявленія фантазіи являются въ достаточной степени произвольными и безобидными и не внушаютъ никакого подозрѣнія. Даже и тогда, когда отъ нихъ исходитъ импульсъ къ дѣйствію, когда молодой археологъ, для рѣшенія задачи—бываетъ ли такая постановка ногъ при шагѣ въ дѣйствительности—начинаетъ дѣлать наблюденія надъ походкой своихъ современницъ, женщинъ и дѣвушекъ, онъ объясняетъ свои поступки извѣстнымъ ему научнымъ мотивомъ; будто весь его интересъ къ каменному изображенію вытекаетъ изъ его научныхъ занятій археологіей. Идущія по улицѣ женщины и дѣвушки, сдѣлавшіяся объектомъ его наблюденій, даютъ другое, грубое эротическое толкованіе его занятіямъ и мы должны признать, что онѣ правы. Для насъ несомнѣнно то, что Ганольдъ такъ же мало знаетъ мотивы своихъ изслѣдованій, какъ

и происхожденіе своихъ фантазій о Gradiv'ѣ. Послѣднія, какъ это мы позже узнаемъ, являются отголосками воспоминаній о возлюбленной его юности, отголосками этихъ воспоминаній, преобразованіями и искаженіями ихъ послѣ того, какъ имъ не удалось достигнуть сознанія въ неизмѣненномъ видѣ. Эстетическое сужденіе о томъ, что въ каменномъ изображеніи есть что-то „современное", является вмѣсто несомнѣнно извѣстнаго ему факта, что такую походку имѣетъ знакомая ему, идущая по улицѣ современная дѣвушка; подъ впечатлѣніемъ, что это „взято изъ жизни", и подъ вліяніемъ фантазіи о греческомъ происхожденіи Gradiv'ы, скрывается воспоминаніе о ея имени Зоя, которое по-гречески значитъ „жизнь"; имя же Gradiva, какъ намъ сообщаетъ въ концѣ излѣченный отъ своего бреда, Ганольдъ въ сущности — удачный переводъ ея фамиліи Бертгангъ, которая значитъ: „блестяще и великолѣпно ступающая"; догадки по поводу отца имѣютъ источникомъ извѣстный ему фактъ, что Зоя Бертгангъ — дочь извѣстнаго университетскаго профессора, что, пожалуй, соотвѣтствуетъ жреческому сану въ древности. И, наконецъ, его фантазія не потому переноситъ Gradiv'у въ Помпею, „что ея тихій, покойный видъ, казалось, того требовалъ", но оттого, что въ его наукѣ нельзя найти лучшей аналогіи для того замѣчательнаго состоянія, въ которомъ онъ, при помощи какихъ то неясныхъ чаяній, улавливаетъ воспоминанія о своей дѣтской дружбѣ. А разъ онъ замѣнилъ собственное дѣтство классическимъ прошлымъ исторіи, то погребеніе Помпеи — исчезновеніе, при которомъ прошлое вполнѣ сохраняется — обнаруживаетъ удивительное сходство съ вытѣсненіемъ, извѣстнымъ ему при помощи такъ назыв. эндопсихическаго познаванія. Онъ прибѣгаетъ при этомъ къ той же символикѣ, которою писатель заставляетъ воспользоваться молодую дѣвушку въ концѣ разсказа.

„Я сказала себѣ: хоть что нибудь интересное я ужъ

откопаю въ Помпеѣ. Но право я... я не надѣялась на находку, которую я сдѣлала".—Въ концѣ молодая дѣвушка отвѣчаетъ на пожеланіе поѣздки высказанное „ея до извѣстной степени засыпаннымъ и опять открытымъ другомъ дѣтства".

Такимъ образомъ мы находимъ, что уже первыя проявленія бредовой фантазіи Ганольда и его поступки детерминированы двоякимъ образомъ, имѣютъ два различныхъ источника. Одинъ тотъ, который сознаетъ самъ Ганольдъ, другой—открывается намъ при изслѣдованіи его психическихъ переживаній. Одинъ источникъ извѣстенъ Ганольду, другой —ему совершенно неизвѣстенъ. Одинъ вращается цѣликомъ въ кругу археологическихъ понятій, другимъ же являются зашевелившіяся въ душѣ его вытѣсненныя воспоминанія дѣтства и связанныя съ ними чувственныя стремленія. Первый какъ бы поверхностенъ и покрываетъ второй, какъ бы притаившійся за нимъ. Можно было бы сказать, что научная мотивировка служитъ какъ бы предлогомъ для безсознательныхъ эротическихъ влеченій, а его наука всецѣло готова къ услугамъ бреда. Не надо, однако, забывать, что мотивировка безсознательнаго можетъ добиться лишь того, что вполнѣ удовлетворяетъ и сознательные научные мотивы Ганольда. Симптомы бреда—фантазіи, какъ и поступки—являются результатомъ компромисса между обоими душевными теченіями, а при всякомъ компромиссѣ принимаются въ разсчетъ требованія обѣихъ сторонъ; каждая изъ нихъ должна была отказаться отъ части того, къ чему стремилась. Тамъ, гдѣ произошелъ компромиссъ была, значитъ, и борьба — въ данномъ случаѣ предполагаемый нами конфликтъ между подавленной эротикой и вытѣснявшими ее силами. При образованіи бреда эта борьба, собственно, никогда не прекращается. Натискъ со стороны безсознательнаго и сопротивленіе ему возобновляются послѣ каждаго проявленія компромисса, который,

такъ сказать, никогда не приводитъ къ удовлетворительному концу. Это знаетъ также и нашъ писатель, и потому, въ этой стадiи нарушенiя психики своего героя, онъ отдаетъ его во власть чувству неудовлетворенности и страннаго безпокойства, чувству, являющемуся признакомъ и залогомъ дальнѣйшаго развитiя болѣзни.

Эти значительныя особенности двойного детерминированiя фантазiи и намѣренiй: оправданiе сознательными соображенiями такихъ поступковъ, въ мотивировкѣ которыхъ наибольшее участiе принимало вытѣсненное, встрѣтятся въ дальнѣйшемъ ходѣ разсказа часто и въ болѣе ясной формѣ. И вполнѣ основательно, ибо авторъ уловилъ и изобразилъ никогда не отсутствующую, чрезвычайно характерную черту болѣзненныхъ психическихъ процессовъ.

Бредъ Норберта Ганольда развивается благодаря сновидѣнiю, не вызванному никакимъ новымъ событiемъ и, повидимому, порожденному исключительно его раздираемой конфликтомъ душой. Но не будемъ спѣшить съ изслѣдованiемъ, оправдываетъ ли поэтъ и при образованiи сновидѣнiй наши ожиданiя въ смыслѣ глубокаго пониманiя психологiи ихъ. Спросимъ себя раньше, что говоритъ научная психiатрiя по поводу предположенiй писателя о происхожденiи бреда и какъ относится она къ роли вытѣсненiя и безсознательнаго, къ душевному конфликту и къ образованiю компромисса. Короче говоря, можетъ ли устоять поэтическое изображенiе генезиса бреда передъ судомъ науки?

И тутъ мы должны дать, быть можетъ, неожиданный отвѣтъ, что въ дѣйствительности, къ сожалѣнiю, положенiе обратное. Наука не выдерживаетъ критики въ сравненiи съ творчествомъ поэта. Между наслѣдственно-конституцiональнымъ предрасположенiемъ и готовыми продуктами бреда, наука оставляетъ зiяющую пустоту, которую мы находимъ заполненной у писателя. Наука еще не подозрѣваетъ значенiя

вытѣсненія, не признаетъ необходимости безсознательнаго для объясненія міра психопатологическихъ явленій; она не ищетъ причины бреда въ душевномъ конфликтѣ и не видитъ въ симптомахъ его результатовъ компромисса. Въ такомъ случаѣ писатель стоитъ одиноко противъ всей науки? Нѣтъ, это не такъ, если авторъ настоящей книги имѣетъ право отнести и свои работы къ области науки. Потому что онъ, вотъ ужъ много лѣтъ, защищаетъ, оставаясь до послѣдняго времени довольно одинокимъ *)—всѣ эти воззрѣнія, подтвержденіе которыхъ онъ, въ данномъ трудѣ, открылъ и въ Gradiv'ѣ W. Jensen'а и изложилъ ихъ научнымъ языкомъ. Онъ указалъ, главнымъ образомъ, для состояній, извѣстныхъ подъ именемъ истеріи и навязчивыхъ представленій, что индивидуальными условіями нарушенія психической жизни являются подавленіе нѣкоторыхъ жизненныхъ инстинктовъ и вытѣсненіе представленій, которыми эти инстинкты выражаются въ сознаніи, и этотъ же взглядъ повторилъ потомъ по отношенію къ нѣкоторымъ формамъ бреда **). Только ли инстинкты, являющіеся компонентами полового чувства, могутъ при подавленіи имѣть такія послѣдствія или же это могутъ инстинкты и другого рода — эта задача должна быть безразлична для анализа „Gradiv'ы“, такъ какъ въ выбранномъ писателемъ случаѣ говорится опредѣленно только о подавленіи эротическихъ чувствъ. Авторъ этой книги доказалъ свой взглядъ на психическій конфликтъ и образованіе симптомовъ болѣзни посредствомъ компромисса между двумя борющимися другъ съ другомъ душевными теченіями — наблюденіями надъ больными, леченіемъ ихъ такимъ же образомъ, какъ онъ это указалъ по отношенію къ

*) Смотри важную работу E. Bleuler'а „Affektivität, Suggestibilität, Paranoia“ и Diagnostische Studien C. G. Jung'а—Zürich 1906.

**) Срав. „Sammlung kleiner Schriften zür Neurosenlehre“. 1906.

созданному писателемъ Норберту Ганольду*). Объясненіе проявленій неврозныхъ, специально истерическихъ заболѣваній вліяніемъ безсознательныхъ мыслей, сдѣлано было еще до автора настоящей книги ученикомъ великаго Шарко-П. Жанэ и, вмѣстѣ съ авторомъ этой книги, Іосифомъ Брейеромъ въ Вѣнѣ.

Когда послѣ 1893 г. авторъ этой книги углубился въ изученіе происхожденія душевныхъ заболѣваній, ему и въ голову не приходила мысль—искать у писателей подтвержденій своихъ выводовъ. Поэтому велико было его удивленіе, когда онъ увидѣлъ, что въ изданной въ 1903 году „Gradiv'ѣ“ поэтъ построилъ свое произведеніе на тѣхъ основахъ, которыя онъ, авторъ, считалъ новыми результатами своихъ врачебныхъ наблюденій. Откуда у поэта могло быть такое же пониманіе душевныхъ заболѣваній, какъ у врача или, по крайней мѣрѣ, какимъ образомъ случилось, что поэтъ поступалъ такъ, какъ будто зналъ ихъ?

Бредъ Норберта Ганольда, какъ мы уже сказали, получаетъ дальнѣйшее развитіе, благодаря сновидѣнію, видѣнному имъ во время его поисковъ на улицахъ своего города такой походки, какая была у Gradiv'ы. Содержаніе этого сна мы легко можемъ воспроизвести вкратцѣ. Норбертъ находится въ Помпеѣ въ день гибели несчастнаго города, переживаетъ всѣ ужасы, не подвергаясь самъ опасности, видитъ тамъ идущую Gradiv'у и сразу считаетъ вполнѣ естественнымъ, что она—помпеянка, живетъ въ своемъ родномъ городѣ и „чего онъ даже и не предполагалъ,—въ одно время съ нимъ“. Его охватываетъ страхъ за нее, онъ зоветъ ее, въ отвѣтъ на что она слегка оборачиваетъ къ нему свое лицо. Но она идетъ дальше, не обративъ на него вниманія, ложится на ступени храма Аполлона и дождь изъ пепла за-

*) Bruchstück einer Hyslerie—analyse 1905.

сыпаетъ ее послѣ того, какъ лицо ея блѣднѣетъ, какъ бы превращается въ мраморъ, становясь совершенно похожимъ на каменное изваяніе. При пробужденіи своемъ, Ганольдъ неправильно принимаетъ доходящій до его ушей шумъ большого города за крики о помощи отчаявшихся помпеянъ и ревъ бушующаго моря. Чувство, что приснившееся—случилось съ нимъ въ дѣйствительности, долго еще по пробужденіи не покидаетъ его, и убѣжденіе, что Gradiva жила въ Помпеѣ и умерла въ тотъ несчастный день, остается послѣ этого сновидѣнія, въ видѣ прибавленія къ его бреду.

Не такъ легко будетъ намъ объяснить, что хотѣлъ выразить поэтъ этимъ сновидѣніемъ и что заставило его связать съ нимъ развитіе бреда. Усердные изслѣдователи сновидѣній собрали достаточно примѣровъ того, какъ душевныя заболѣванія развиваются послѣ сновидѣній и вытекаютъ изъ нихъ*), и изъ біографій выдающихся людей извѣстно, что побужденія къ важнымъ поступкамъ и рѣшеніямъ вызваны были у нихъ сновидѣніями. Но наше пониманіе мало выигрываетъ отъ этихъ аналогій; поэтому остановимся на вымышленномъ писателемъ случаѣ съ археологомъ Норбертомъ Ганольдомъ. Съ какой стороны нужно подойти къ этому сновидѣнію, чтобъ поставить его въ общую связь съ ходомъ дѣйствія, чтобъ сновидѣніе это не осталось безполезнымъ украшеніемъ изложенія?

Я могу себѣ представить, что въ этомъ мѣстѣ какой нибудь читатель воскликнетъ: сновидѣніе это легко объяснить. Обыкновенный „страшный сонъ“, вызванный шумомъ большого города; шумъ этотъ и былъ принятъ занятымъ своей помпеянкой археологомъ за гибель Помпеи! При общепринятомъ пренебрежительномъ отношеніи къ сновидѣніямъ обычно ограничиваютъ требованія объясненій этого явленія тѣмъ,

*) Sancte de Sanctis—Träume 1901.

что находятъ для части приснившагося какое нибудь внѣшнее, тождественное съ нимъ, раздраженіе. Этимъ внѣшнимъ раздраженіемъ, вызвавшимъ сновидѣніе, могъ быть шумъ, разбудившій спящаго; этимъ былъ бы исчерпанъ весь интересъ къ данному сновидѣнію. Еслибъ только мы имѣли какое нибудь основаніе допустить, что большой городъ былъ въ это утро шумнѣе, чѣмъ всегда; еслибы, напримѣръ, писатель сообщилъ намъ, что, вопреки обыкновенію, Ганольдъ проспалъ эту ночь при открытомъ окнѣ! Жаль, что писатель не далъ себѣ труда сдѣлать это! И еслибъ „страшный сонъ“ былъ чѣмъ-то такимъ простымъ! Нѣтъ, такъ легко вопросъ не исчерпывается. Связь съ внѣшнимъ раздраженіемъ не представляетъ ничего существеннаго для образованія сновидѣній. Спящій можетъ не замѣтить такого внѣшняго раздраженія; онъ можетъ, не видя сновидѣнія, проснуться; онъ можетъ вплести это раздраженіе въ свое сновидѣніе, какъ это и случилось здѣсь, если изъ какихъ либо другихъ побужденій это ему нужно; вѣдь существуетъ много сновъ, въ содержаніи которыхъ не сказывается вліянія какого-нибудь раздраженія на чувствительность спящаго. Нѣтъ, попробуемъ еще другимъ путемъ поискать объясненія.

Можетъ быть начнемъ съ той части сновидѣнія, которая застряла въ сознаніи Ганольда по пробужденіи. До того времени онъ только воображалъ, что Gradiva — помпеянка. Теперь же эта фантазія становится для него достовѣрнымъ фактомъ и къ нему присоединяется еще увѣренность, что Gradiva была засыпана въ Помпеѣ въ 79 году*). Чувство тоски сопровождаетъ это развитіе бреда — словно отголосокъ ужаснаго сновидѣнія. Эта новая скорбь о Gradiv'ѣ кажется намъ странной; вѣдь еслибъ даже Gradiva спаслась въ 79 году отъ гибели, то все же она была бы мертвой уже много

---

*) Сравнить съ текстомъ „Gradiv'ы“. Стран. 13 (перевода).

столѣтій; или же такими доводами безцѣльно убѣждать Ганольда, или самаго писателя? Также и этотъ путь, кажется, не ведетъ къ разъясненію. Все же, мы хотимъ отмѣтить, что этотъ новый придатокъ къ бреду Ганольда, оставшійся отъ сновидѣнія, сопровождается очень грустнымъ и тоскливымъ чувствомъ. Въ остальномъ, наша безпомощность не уменьшилась. Это сновидѣніе не разъясняется само собой: мы должны рѣшиться позаимствовать кое что изъ „Traumdeutung“, труда, принадлежащаго автору этой книги, и примѣнить нѣкоторыя изъ указанныхъ тамъ правилъ, для разъясненія этого сна.

Одно изъ имѣющихся тамъ правилъ гласитъ: сновидѣніе всегда имѣетъ связь съ дѣятельностью, имѣвшею мѣсто въ день передъ сновидѣніемъ. Писатель хотѣлъ показать, что онъ слѣдовалъ этому правилу, связавъ сновидѣніе непосредственно съ изслѣдованіями Ганольда походки женщинъ. Эти изслѣдованія означаютъ ничто иное, какъ поиски Gradiv'ы, которую онъ хочетъ узнать по ея характерной походкѣ. Сонъ, такимъ образомъ, долженъ былъ бы заключать указаніе на то, гдѣ можно было-бы найти Gradiv'у. И это указаніе онъ дѣйствительно содержитъ, показывая ее въ Помпеѣ. Но это не то новое, чего мы ищемъ.

Другое правило говоритъ: если послѣ сновидѣнія, необычно долго остается вѣра въ дѣйствительность созданныхъ имъ образовъ, до того сильная, что нельзя отдѣлаться отъ впечатлѣнія этого сна, то эта вѣра—не ошибка мышленія, обусловленная яркостью приснившихся образовъ, а самостоятельный психическій актъ, относящійся къ содержанію сна; это —увѣренность въ томъ, что кое-что дѣйствительно такъ, какъ это видѣлось во снѣ, и, довѣряя этому чувству увѣренности, поступаютъ правильно. Если мы будемъ придерживаться этихъ двухъ правилъ, то должны будемъ заключить, что въ сновидѣніи имѣется указаніе на мѣсто пребыванія

Gradiv'ы, соотвѣтствующее дѣйствительности. Мы знаемъ сновидѣніе Ганольда; можно-ли примѣненіемъ къ нему обоихъ правилъ найти въ немъ какой нибудь разумный смыслъ?

Да. Этотъ смыслъ только особеннымъ образомъ замаскированъ, такъ что его нельзя тотчасъ же обнаружить. Ганольдъ узнаетъ во снѣ, что та, которую онъ ищетъ, живетъ въ одномъ городѣ и въ одно время съ нимъ. Это вѣрно относительно Зои Бертгангъ; но только въ сновидѣніи фигурируетъ не нѣмецкій университетскій городъ, а Помпея, и время—не современность, а 79 годъ нашей эры. Это искаженіе посредствомъ „смѣщенія" (Verschiebung): не Gradiv'a перенесена въ настоящее время, а Ганольдъ—въ прошлое; но самое существенное и новое, а именно,—что Ганольдъ раздѣлялъ съ той, которую искалъ время и мѣсто жительства, тѣмъ не менѣе сказано. Откуда же взялось это маскированіе съ цѣлью ввести въ заблужденіе какъ насъ, такъ и самого Ганольда, относительно настоящаго смысла сновидѣнія? Теперь мы уже имѣемъ въ рукахъ средство, чтобъ отвѣтить удовлетворительно на этотъ вопросъ.

Вспомнимъ обо всемъ томъ, что мы слыхали по поводу природы и происхожденія фантазій — этихъ предшественницъ бреда. Мы уже знаемъ, что онѣ являются замѣной и слѣдствіемъ вытѣсненныхъ воспоминаній, которымъ „сопротивленіе" не даетъ возможности дойти до сознанія, но которыя все-же доходятъ до сознанія, обходя, посредствомъ видоизмѣненій и искаженій, цензуру сопротивленія. Послѣ такого компромисса, эти запретныя воспоминанія превращаются въ такія фантазіи, которыя неправильно понимаются сознательной личностью, т. е. понимаются ею въ смыслѣ господствующаго въ сознаніи психическаго теченія. Теперь можно представить себѣ, что сновидѣнія представляютъ собой, такъ сказать, физіологическіе бредовые образы, что они являются компромиссомъ борьбы между вытѣсненнымъ и господствующимъ,

борьбы, которая, вѣроятно, бываетъ въ теченіе дня у всякаго психически совершенно здороваго человѣка. Тогда дѣлается понятнымъ, что на сновидѣніе надо смотрѣть, какъ на нѣчто искаженное, за которымъ надо искать нѣчто другое, не искаженное, но въ извѣстномъ смыслѣ предосудительное, подобно тому, какъ въ фантазіяхъ Ганольда нужно видѣть вытѣсненныя воспоминанія. Сознавая эту противоположность, можно ее выразить такимъ образомъ: то, что спящій помнитъ при своемъ пробужденіи, то есть то, что онъ видѣлъ во снѣ слѣдуетъ назвать *явнымъ содержаніемъ сновидѣнія*, а то, что составляетъ суть сновидѣнія до искаженія цензурой — *скрытыми мыслями сновидѣнія.* Истолковать сновидѣніе — значитъ замѣстить явное содержаніе сна скрытыми мыслями, составляющими его, устранить тѣ искаженія этихъ мыслей, которыя сдѣланы цензурой подъ вліяніемъ сопротивленія. Если мы примѣнимъ эти соображенія къ занимающему насъ сновидѣнію, то найдемъ, что скрытыя мысли сна могли говорить только о слѣдующемъ: обладающая красивой походкой дѣвушка, которую ты ищешь, дѣйствительно, живетъ съ тобой въ одномъ городѣ. Но въ такой формѣ мысль эта не могла стать сознательной; ей мѣшала фантазія, создавшаяся уже раньше вслѣдствіе компромисса, что Gradiva — помпеянка. Если при такихъ условіяхъ истинный фактъ, что Норбертъ и Gradiva живутъ въ одномъ мѣстѣ и въ одно время, долженъ былъ быть установленъ, то ничего другого не оставалось, какъ допустить именно такое искаженіе: ты живешь въ Помпеѣ, въ одно время съ Gradiv'ой. Это и есть мысль, воплощенная явнымъ содержаніемъ сновидѣнія, представленная имъ какъ переживаніе настоящаго времени.

Сновидѣніе рѣдко бываетъ воплощеніемъ, такъ сказать, инсценировкой какой-нибудь одной мысли; гораздо чаще оно является изображеніемъ цѣлаго ряда мыслей, цѣлаго сплетенія идей. Въ сновидѣніи Ганольда можно указать еще на

одну составную часть его содержанія, искаженіе которой легко можно устранить, и узнать скрытую мысль, которую оно замѣстило въ сознаніи. Это та часть сновидѣнія, на которую также можно распространить чувство увѣренности въ реальности его, которымъ сопровождается сонъ. Во снѣ шагающая Gradiva превращается въ каменное изваяніе. Это—ничто иное, какъ остроумное и поэтическое изображеніе дѣйствительнаго хода вещей: Ганольдъ дѣйствительно перенесъ свой интересъ съ живой личности на каменное изваяніе; возлюбленная превратилась для него въ каменный барельефъ. Скрытыя мысли сновидѣній, которыя должны остаться безсознательными, хотятъ снова обратить этотъ образъ въ живую; они говорятъ ему въ связи съ предыдущимъ приблизительно такъ: ты интересуешься только потому барельефомъ Gradiv'ы, что онъ напоминаетъ тебѣ о дѣйствительной, здѣсь живущей Зоѣ. Но еслибъ онъ могъ сознательно воспріять и понять это, то наступилъ бы конецъ бреду.

Лежитъ-ли на насъ обязанность замѣнить такимъ образомъ каждую отдѣльную часть явнаго содержанія сновидѣнія безсознательными мыслями? Строго говоря—да; при истолкованіи какого-нибудь дѣйствительно приснившагося сна, мы не могли бы снять съ себя этой обязанности. Но тогда лицо, видѣвшее сонъ должно было бы самымъ подробнымъ образомъ давать намъ объясненія по поводу сна. Вполнѣ понятно, что по отношенію къ образу, созданному поэтомъ, мы не можемъ выполнить этихъ требованій; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что мы не подвергли еще толкованію главное содержаніе этого сна.

Сновидѣніе Ганольда сопровождалось чувствомъ страха. Содержаніе его способно внушить страхъ; и, дѣйствительно, Ганольдъ почувствовалъ страхъ и тоскливое чувство осталось у него послѣ сна. А это совсѣмъ неудобно для нашей попытки дать толкованіе сновидѣнію и мы снова вынуждены

сделать большія заимствованія изъ ученія о „Traumdeutung“. Это послѣднее предупреждаетъ насъ, что не слѣдуетъ приписывать страхъ, испытываемый во снѣ, содержанію сновидѣнія, что не надо смотрѣть на явное содержаніе сновидѣнія, какъ на явленіе реальной жизни. Ученіе это обращаетъ наше вниманіе на то, что иногда мы видимъ во снѣ ужаснѣйшія вещи, не испытывая при этомъ абсолютно никакого страха. Въ дѣйствительности положеніе вещей тутъ совсѣмъ иное; его не такъ-то легко разгадать, но можно, несомнѣнно, доказать. Страхъ въ страшномъ сновидѣніи соотвѣтствуетъ, какъ всякій нервный страхъ, сексуальному аффекту, любовному чувству и произошелъ онъ благодаря процессу вытѣсненія этого любовнаго чувства*).

Итакъ при толкованіи сновидѣній нужно замѣнить страхъ—сексуальнымъ возбужденіемъ. Такого происхожденія страхъ имѣетъ—не всегда, но часто—особое вліяніе на содержаніе сновидѣній, содѣйствуя выбору и появленію въ нихъ такихъ представленій, которыя вполнѣ соотвѣтствуютъ аффекту страха, и, хоть и неправильно, объясняютъ сознанію этотъ аффектъ. Какъ ужъ было сказано, это ни въ коемъ случаѣ не обязательный законъ, такъ какъ существуетъ достаточное количество сновидѣній, сопровождаемыхъ чувствомъ страха, между тѣмъ въ содержаніи ихъ нѣтъ ничего страшнаго, и съ другой стороны, встрѣчаются сновидѣнія, въ которыхъ ощущаемый страхъ нельзя сознательно объяснить себѣ.

Я знаю, что это объясненіе страха, испытываемаго во снѣ, звучитъ странно и легко внушаетъ недовѣріе; но я могу только посовѣтовать поскорѣе освоиться съ такимъ объясненіемъ страха. Впрочемъ, было бы очень любопытно, еслибы сновидѣніе Норберта Ганольда подтвердило такой взглядъ на страхъ и даже стало благодаря ему понятнымъ.

*) Срав.: Sammlung kleiner Schriften zür Neurosenlehre u Traumdeutung. f. 344.

Мы бы сказали тогда, что въ спящемъ зашевелилась ночью любовная тоска, что она послужила сильнымъ толчкомъ къ тому, чтобы воспоминанія о возлюбленной воскресли въ его сознаніи и чтобъ такимъ образомъ онъ былъ избавленъ отъ бреда; но, что эта тоска и желанія были опять отвергнуты, превратились поэтому въ страхъ и съ своей стороны, внесли въ сновидѣніе страшныя картины изъ школьныхъ воспоминаній. Такимъ образомъ, настоящее безсознательное содержаніе сна—любовная тоска по когда-то знакомой Зоѣ—перевоплощается въ явномъ содержаніи его въ гибель Помпеи и потерю Gradiv'ы.

Я думаю, что до сихъ поръ, все звучитъ какъ нѣчто очень возможное. Но если эротическія желанія составляютъ неискаженное содержаніе этого сновидѣнія, то можно было бы съ полнымъ правомъ требовать, чтобы замѣтные остатки такихъ желаній удалось открыть хоть гдѣ-нибудь въ скрытомъ видѣ въ какой-нибудь части искаженнаго сновидѣнія. Возможно, что удастся и это при помощи указанія изъ дальнѣйшаго хода разсказа. При первой встрѣчѣ съ мнимой Gradiv'ой, Ганольдъ вспоминаетъ объ этомъ сновидѣніи и обращается къ видѣнію съ просьбой снова лечь такъ, какъ онъ это раньше видѣлъ*). Въ отвѣтъ на это молодая дѣвушка, оскорбленная, встаетъ и оставляетъ своего страннаго собесѣдника, въ бредовыхъ рѣчахъ котораго она уловила неприличное эротическое желаніе. Мнѣ кажется, что мы можемъ согласиться съ тѣмъ, какъ поняла эту просьбу Gradiv'а; большей опредѣленности въ изображеніи эротическихъ желаній не всегда можно требовать и отъ дѣйствительнаго сновидѣнія.

---

*) „*Да, я не говорилъ съ тобой. Я тебя только окликнулъ, когда* ты ложилась на ступенькахъ храма и потомъ стоялъ возлѣ тебя—твое лицо было такъ спокойно—прекрасно, словно изъ мрамора. Могу я тебя попросить—положи голову опять также, какъ ты это тогда сдѣлала.

Такимъ образомъ примѣненіе нѣкоторыхъ правилъ „Traumdeutung" къ первому сновидѣнію Ганольда помогло намъ понять этотъ сонъ въ главныхъ чертахъ и ввести его въ общую связь со всѣмъ разсказомъ. Слѣдуетъ ли однако изъ этого, что сонъ этотъ созданъ писателемъ съ соблюденіемъ этихъ правилъ? Можно было бы только поставить еще вопросъ — зачѣмъ писатель вообще вводитъ въ разсказъ сновидѣніе, для дальнѣйшаго развитія бреда. Я думаю теперь что это очень умно придумано и опять таки вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Мы уже слыхали, что въ дѣйствительныхъ случаяхъ заболѣваній появленію бреда часто предшествуетъ сновидѣніе, и послѣ нашего разъясненія сущности сновидѣній, мы не должны находить въ этомъ новой загадки. Сновидѣнія и бреды происходятъ изъ одного и того же источника — отъ вытѣсненнаго; сновидѣніе — это, такъ сказать, физіологическій бредъ нормальнаго человѣка. Прежде, чѣмъ вытѣсненное дѣлается достаточно сильнымъ для того, чтобъ превратиться въ бредъ въ состояніи бодрствованія, оно можетъ успѣшно проявиться при болѣе благопріятныхъ условіяхъ во время сна въ видѣ сновидѣнія, оставляющаго на долго сильное впечатлѣніе. Во время сна, съ пониженіемъ душевной дѣятельности вообще, наступаетъ также и уменьшеніе силы противодѣйствія, которое оказывали вытѣсненному преобладающія въ душѣ психическія силы. Это уменьшеніе сопротивленія и является условіемъ, дающимъ возможность сновидѣнію образоваться. Поэтому-то сновидѣніе и есть для насъ лучшій путь для ознакомленія съ безсознательной душевной жизнью. Но обыкновенно, съ возстановленіемъ психическаго состоянія бодрствованія, сновидѣніе улетучивается и завоеванное безсознательнымъ мѣсто въ сознаніи вновь освобождается.

III.

Въ дальнѣйшемъ развитіи разсказа находится еще одно

сновидѣніе, истолкованіе котораго и введеніе въ общую связь душевныхъ переживаній Ганольда, кажется намъ еще болѣе заманчивымъ. Но мы мало выиграемъ, если, оставивъ въ сторонѣ описанія писателя, поспѣшимъ взяться за это второе сновидѣніе, такъ какъ тотъ, кто хочетъ истолковать чье-нибудь сновидѣніе, долженъ постараться какъ можно подробнѣе познакомиться съ внутренними и внѣшними переживаніями того, кому сонъ снился. Поэтому лучше всего было бы придерживаться и въ дальнѣйшемъ нити разсказа и снабжать его нашими примѣчаніями.

Новая бредовая идея о смерти Gradiv'ы во время гибели Помпеи въ 79 году—не единственное слѣдствіе вліянія проанализированнаго нами перваго сновидѣнія. Непосредственно вслѣдъ за нимъ Ганольдъ рѣшается на поѣздку въ Италію, которая его приводитъ въ Помпею. Но до этого съ нимъ случается еще нѣчто другое. Выглядывая изъ окна, онъ замѣтилъ на улицѣ фигуру, движеніями и походкой какъ бы похожую на его Gradiv'у: онъ спѣшитъ за ней, несмотря на свой неполный туалетъ, но не догоняетъ ея, такъ какъ шутки и насмѣшки прохожихъ заставляютъ его вернуться назадъ. Когда онъ возвращается въ свою комнату, пѣніе канарейки въ клѣткѣ на окнѣ противоположнаго дома вызываетъ въ немъ такое состояніе духа, словно-бъ и онъ рвался изъ тюрьмы на волю. И въ результатѣ—весенняя поѣздка такъ же скоро рѣшена, какъ и приведена въ исполненіе.

Писатель особенно ярко освѣтилъ эту поѣздку Ганольда и далъ ему самому отчасти возможность уяснить себѣ свои душевныя переживанія. Вполнѣ понятно, что Ганольдъ выставилъ научный предлогъ для своей поѣздки; но предлогъ этотъ недостаточно удовлетворителенъ. Онъ, въ сущности, знаетъ, что побужденіе къ поѣздкѣ исходило изъ какого-то необъяснимаго чувства. Странное безпокойство вселяетъ въ него недовольство всѣмъ тѣмъ, что онъ встрѣчаетъ, и

гонитъ его изъ Рима въ Неаполь, а оттуда въ Помпею; и нигдѣ, даже въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, онъ не можетъ справиться со своимъ настроеніемъ. Глупость путешествующихъ новобрачныхъ сердитъ его, онъ возмущается дерзостью мухъ, наполняющихъ гостиницы Помпеи. Но, въ концѣ концовъ, онъ не обманываетъ себя въ томъ, „что его недовольство происходитъ не только вслѣдствіе окружающей его обстановки, но имѣетъ отчасти свои причины и въ немъ самомъ". Онъ считаетъ себя взвинченнымъ, чувствуетъ, „что недоволенъ потому, что ему чего-то недостаетъ и не можетъ понять—чего именно. И это недовольство онъ всюду приноситъ съ собою". Въ такомъ настроеніи онъ возстаетъ и противъ своей владычицы—науки; когда въ первый разъ бродилъ онъ въ жаркій полдень по Помпеѣ „его не только покинула вся его ученость, но пропало даже всякое желаніе вновь обрѣсти ее, и онъ вспомнилъ о ней, словно о чемъ-то далекомъ, какъ о старой, засохшей, скучной теткѣ, самомъ мертвомъ существѣ на свѣтѣ".

Во время этого безотраднаго и смутнаго состоянія духа, Норбертъ Ганольдъ разрѣшаетъ одну изъ загадокъ, связанныхъ съ этой поѣздкой—когда впервые видитъ идущую по Помпеѣ Gradiv'у. „Впервые достигаетъ его сознанія еще другая мысль: очевидно, самъ не сознавая своего побужденія, онъ отправился въ Италію, прямо въ Помпею, не останавливаясь въ Римѣ и Неаполѣ, именно затѣмъ, чтобъ поискать здѣсь слѣдовъ Gradiv'ы, слѣдовъ въ буквальномъ смыслѣ слова, ибо при ея своеобразной походкѣ, она должна была оставить въ пеплѣ особый, отличный отъ всѣхъ, отпечатокъ пальцевъ ноги".

Такъ какъ писатель употребилъ много старанія на описаніе этой поѣздки, то стоитъ и намъ не пожалѣть труда, чтобъ выяснить отношеніе этой поѣздки къ бреду Ганольда и мѣсто ея въ общемъ ходѣ событій. Поѣздка эта

—предпріятіе, вытекающее изъ мотивовъ пока еще неизвѣстныхъ Ганольду. Лишь позже сознается онъ въ нихъ самому себѣ. Мотивы эти писатель прямо называетъ „безсознательными“. Это безусловно схвачено изъ жизни; не нужно вовсе быть въ состояніи бреда, чтобъ такъ поступать. Это явленіе обычно даже у здоровыхъ: когда благодаря конфликту между нѣсколькими теченіями чувствъ создаются условія для такой спутанности, люди обманываются относительно истинныхъ мотивовъ своихъ поступковъ и только впослѣдствіи сознаютъ ихъ. Итакъ, поѣздка Ганольда съ самаго начала имѣла цѣлью служить бреду и должна была привести его въ Помпею, для дальнѣйшихъ поисковъ тамъ Gradiv'ы. Мы припоминаемъ, что до сновидѣнія и непосредственно послѣ него, Ганольдъ былъ совершенно поглощенъ этими поисками и что само сновидѣніе было лишь отвѣтомъ, заглушеннымъ его сознаніемъ, на вопросъ о мѣстопребываніи Gradiv'ы. Какая то сила, которой мы не знаемъ, не даетъ проникнуть въ сознаніе этому болѣзненному намѣренію, поэтому сознаніе мотивируетъ поѣздку недостаточными и все новыми предлогами. Другую загадку задаетъ намъ поэтъ, разсказывая, какъ о случайностяхъ, безъ всякой внутренней связи, о сновидѣніи, открытіи мнимой Gradiv'ы на улицѣ и рѣшеніи совершить поѣздку,—рѣшеніи, принятомъ подъ вліяніемъ пѣнія канарейки.

При помощи разъясненій, которыя мы находимъ позже въ рѣчахъ Зои Бертгангъ, эта неясная часть разсказа становится намъ понятной. Ганольдъ въ самомъ дѣлѣ видѣлъ изъ окна оригиналъ Gradiv'ы, — Зою Бертгангъ, которая ходила по улицѣ и которую онъ легко могъ-бы догнать. Сообщеніе сновидѣнія: она живетъ въ настоящее время, въ одномъ городѣ съ тобой — получило бы неопровержимое подтвержденіе, благодаря счастливой случайности и, передъ такимъ подтвержденіемъ, рушилось бы внутреннее сопротив-

леніе Ганольда. Канарейка же, пѣніе которой увлекло Ганольда въ даль, принадлежала Зоѣ и клѣтка птицы стояла на окнѣ дѣвушки, противъ дома Ганольда. У Ганольда, который, какъ видно изъ жалобы дѣвушки, обладалъ даромъ „отрицательныхъ галлюцинацій", т. е. искусствомъ не видѣть и не замѣчать присутствующихъ лицъ, вѣроятно было съ самаго начала безсознательное знаніе того, что мы узнаемъ изъ разсказа Зои лишь позже. Признаки близости Зои, ея появленіе на улицѣ и пѣніе ея птицы такъ близко отъ его окна усиливаютъ дѣйствіе сновидѣнія и въ этомъ, столь опасномъ для его сопротивленія эротикѣ состояніи, онъ обращается въ бѣгство. Поѣздка является слѣдствіемъ усиленія сопротивленія послѣ порыва любовнаго томленія во снѣ, бѣгствомъ отъ живой и присутствующей возлюбленной. Практически, она означаетъ побѣду вытѣсненія, которое въ этотъ разъ одержало верхъ въ видѣ бреда, между тѣмъ, какъ при другомъ поступкѣ — наблюденіи надъ походкой дѣвушекъ и женщинъ — побѣдило эротическое чувство. Но всюду въ этомъ колебаніи, въ этой душевной борьбѣ сохранена компромиссная природа результатовъ этой борьбы: поѣздка въ Помпею, имѣвшая цѣлью отдалить Ганольда отъ Зои, приводитъ его, по крайней мѣрѣ, къ замѣнѣ ея — къ Gradiv'ѣ. Поѣздка, предпринятая на перекоръ скрытымъ мыслямъ сновидѣнія, совершается по указанію явнаго содержанія его — въ Помпею. Такъ снова побѣждаетъ бредъ, всякій разъ, когда эротика борется съ противодѣйствіемъ. Только эта точка зрѣнія на поѣздку Ганольда, какъ на бѣгство передъ проснувшимся въ немъ любовнымъ томленіемъ по близкой ему возлюбленной, гармонируетъ съ состояніемъ его духа во время пребыванія его въ Италіи. Подъ вліяніемъ отрицанія эротики является у него отвращеніе къ путешествующимъ новобрачнымъ. Небольшое сновидѣніе въ Albergo въ Римѣ, поводомъ для кото-

раго послужило сосѣдство одной нѣмецкой влюбленной парочки, „Августа и Греты“, вечерній разговоръ которыхъ ему пришлось услышать сквозь тонкій простѣнокъ, бросаетъ дополнительный свѣтъ на эротическую тенденцію его перваго большого сновидѣнія. Новое сновидѣніе снова переноситъ его въ Помпею, гдѣ какъ разъ снова происходитъ изверженіе Везувія и такимъ образомъ создается связь съ сновидѣніемъ, вліяніе котораго не прошло и во время путешествія. Но между лицами подвергающимися опасности рисуетъ онъ не себя и Gradiv'у, а Аполлона бельведерскаго и капитолійскую Венеру, какъ бы для ироническаго возвеличенія пары находящейся по сосѣдству. Аполлонъ поднимаетъ на руки Венеру, уноситъ ее и укладываетъ на что то, стоящее въ темнотѣ, что кажется повозкой или колесницей, такъ какъ оттуда раздается „грохочущій звукъ“. Это сновидѣніе, для своего объясненія, не нуждается въ особенномъ искусствѣ.

Нашъ писатель, которому мы довѣряемъ въ томъ, что онъ не ввелъ безцѣльно и ненамѣренно ни одной черты въ свое описаніе, далъ намъ еще одно проявленіе охватившихъ Ганольда во время путешествія враждебныхъ сексуальности чувствъ. Во время его долгихъ скитаній по Помпеѣ, „странно было, что ему ни разу не вспомнился его недавній сонъ о томъ, какъ онъ присутствовалъ въ 79 году при разрушеніи Помпеи изверженіемъ Везувія“. Только при видѣ Gradiv'ы онъ сразу вспоминаетъ сновидѣніе и ему дѣлается яснымъ бредовой мотивъ его загадочнаго путешествія. Это забвеніе сновидѣнія, эта преграда, созданная вытѣсненіемъ, между сновидѣніемъ и душевнымъ состояніемъ во время всей поѣздки, показываетъ, что поѣздка вызвана не сновидѣніемъ, а возмущеніемъ противъ него, вліяніемъ душевной силы, не желающей ничего знать о таинственномъ смыслѣ сновидѣнія.

Но, съ другой стороны, Ганольдъ не радуется этой побѣдѣ надъ своей эротикой. Подавленное душевное движе-

ніе остается достаточно сильнымъ, чтобъ отомстить за себя плохимъ самочувствіемъ и внутреннимъ стѣсненіемъ. Его тоска перешла въ безпокойство и неудовлетворенность, изъ-за которыхъ путешествіе кажется ему безсмысленнымъ; онъ не можетъ понять цѣли путешествія, предпринятаго подъ вліяніемъ бреда; испорчены его отношенія къ наукѣ, которая должна была бы возбудить въ этомъ мѣстѣ его интересъ. Такъ рисуетъ намъ писатель своего героя, послѣ его бѣгства отъ любви: въ состояніи какого-то кризиса, въ совершенно спутанномъ и разсѣянномъ состояніи, въ душевномъ разстройствѣ, какое бываетъ въ моментъ высшаго развитія болѣзненнаго смятенія души, когда ни одна изъ обѣихъ борющихся между собой душевныхъ силъ не настолько сильнѣе другой, чтобы разница между ними могла послужить основаніемъ для стойкаго душевнаго режима. Здѣсь приходитъ на помощь писатель, выводя въ этомъ мѣстѣ на сцену Gradiv'у, которая и принимается за излеченіе героя отъ бреда. Пользуясь своимъ могуществомъ направлять къ добру судьбы созданныхъ имъ людей, вопреки даже той силѣ необходимости, которой онъ заставляетъ ихъ подчиняться, писатель переноситъ дѣвушку, отъ которой Ганольдъ убѣжалъ въ Помпею, какъ разъ туда-же—и такимъ образомъ исправляетъ глупость, совершенную молодымъ человѣкомъ подъ вліяніемъ бреда—т. е. отъѣздъ его изъ мѣста жительства живой дѣвушки къ гробницѣ той, которая замѣнила ее въ его фантазіи.

Съ появленіемъ Зои Бертгангъ въ видѣ Gradiv'ы—моментъ высшаго напряженія въ разсказѣ—сразу совершается поворотъ и въ нашемъ интересѣ къ нему. Если до сихъ поръ мы присутствовали при развитіи бреда, то теперь мы должны стать свидѣтелями его излеченія. И мы можемъ спросить себя—сочинилъ ли писатель ходъ этого выздоровленія или же создалъ его, примѣняясь къ дѣйствительной, существующей возможности такого излеченія? На основаніи соб-

ственныхъ словъ Зои въ ея разговорѣ съ подругой, мы имѣемъ право приписать ей подобнаго рода „врачебныя“ намѣренія. Какъ же она принимается за это? Подавивши раздраженіе, вызванное предложеніемъ Ганольда улечься, какъ „тогда“, ко сну, она приходитъ въ полдень слѣдующаго дня на тоже мѣсто и выпытываетъ у Ганольда неизвѣстную ей тайну, которая недоставала ей для пониманія его поведенія въ предыдущій день. Она узнаетъ о его сновидѣніи, о барельефѣ Gradiv'ы, объ особенности изображенной на немъ походки, которою и она сама обладаетъ. Она входитъ въ роль оживающаго на короткій часъ призрака, роль которую, какъ она замѣтила, онъ ей въ бреду своемъ приписалъ; она указываетъ ему осторожно двусмысленными фразами новое положеніе, принимая отъ него могильный цвѣтокъ, принесенный имъ безъ сознательнаго намѣренія, и высказывая сожалѣніе о томъ, что онъ не далъ ей розъ.

Нашъ интересъ къ поведенію разсудительной и умной дѣвушки, которая рѣшила завоевать себѣ въ возлюбленномъ юношѣ мужа, понимая, что его любовь къ ней породила его бредъ, уступаетъ здѣсь мѣсто удивленію, которое этотъ бредъ въ насъ вызыветъ. Его послѣдній образъ: засыпанная въ 79 году Gradiva, которая теперь, въ видѣ призрака, ведетъ долгія бесѣды, послѣ которыхъ она проваливается или же возращается обратно въ свою могилу, этотъ бредъ, который не смущается ни видомъ современной обуви Gradiv'ы, ни ея незнаніемъ древнихъ языковъ, ни разговоромъ на несуществовавшемъ тогда нѣмецкомъ языкѣ, кажется, оправдываетъ вполнѣ заглавіе, данное разсказу писателемъ—„Помпеянская фантазія“, и исключаетъ всякое сравненіе съ клинической дѣйствительностью. Но все же, кажется мнѣ, при болѣе близкомъ разсмотрѣніи разсѣивается невѣроятность большей части этого бреда, такъ какъ часть вины взялъ на себя поэтъ въ видѣ предположенія,

что внѣшность Зои имѣетъ полное сходство съ барельефомъ. Поэтому надо остерегаться перенесенія невѣроятности съ этого страннаго предположенія на его слѣдствіе—то есть на то, что Ганольдъ считаетъ дѣвушку ожившей Gradiv'ой. Бредовое объясненіе становится еще вѣроятнѣй оттого, что самъ поэтъ намъ не далъ другого, болѣе разумнаго. Въ солнечномъ знoѣ Кампаніи и въ одуряющихъ чарахъ вина изъ виноградниковъ, ростущихъ по склонамъ Везувія, писатель далѣе указалъ смягчающія и благопріятствующія обстоятельства для поведенія сьоего героя. Но самымъ главнымъ изъ всѣхъ объясняющихъ и извиняющихъ моментовъ является легкость, съ которой наше мышленіе воспринимаетъ абсурдное содержаніе, когда связанныя съ сильными чувствами побужденія получаютъ при этомъ удовлетвореніе. Приходится удивляться поразительному явленію, очень часто не находящему должной оцѣнки, что даже высоко интеллигентныя лица легко и часто проявляютъ въ подобномъ положеніи реакцію частичнаго слабоумія. Кто не очень самоувѣренъ, вѣроятно, часто наблюдалъ это явленіе на самомъ себѣ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда часть мыслительныхъ процессовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, относится къ вытѣсненнымъ или безсознательнымъ мотивамъ. Здѣсь охотно привожу слова одного философа, который пишетъ мнѣ: „Я тоже началъ записывать пережитые мною случаи поразительныхъ ошибокъ, безсмысленныхъ поступковъ, для которыхъ впослѣдствіи старался придумать объясненія (часто очень безсмысленныя). Просто страшно. —но типично, — сколько при этомъ обнаруживается глупости“. И къ этому надо еще прибавить, что вѣра въ духовъ, въ привидѣнія и въ возвращеніе на землю души, вѣра, находящая опору въ религіи, вліянію которой мы всѣ, по крайней мѣрѣ въ дѣтствѣ, подчинены, исчезла далеко не у всѣхъ образованныхъ людей и что многіе, въ общемъ, не глупые люди находятъ занятіе спиритизмомъ вполнѣ сов-

мѣстимымъ съ здравымъ разумомъ. Даже трезвый невѣрующій можетъ со стыдомъ замѣтить, какъ легко пробуждается въ немъ на мигъ вѣра въ духовъ подъ вліяніемъ сильной усталости, истощенія и безпомощности. Мнѣ извѣстенъ случай про одного врача, у котораго умерла отъ базедовой болѣзни паціентка, и который не могъ отдѣлаться отъ легкаго подозрѣнія, что, быть можетъ, неосторожнымъ леченіемъ, онъ ускорилъ роковую развязку. Однажды, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ ея смерти, въ кабинетъ его вошла молодая дѣвушка, въ которой онъ, противъ воли, не могъ не узнать умершую. Ему навязалась мысль: значитъ правда, что мертвые могутъ воскреснуть; и только тогда ужасъ уступилъ мѣсто стыду, когда посѣтительница, болѣвшая той же базедовой болѣзнью, назвала себя сестрой той умершей. Базедова болѣзнь сообщаетъ больнымъ большое сходство въ чертахъ лица; въ данномъ случаѣ, типичное сходство изъ-за болѣзни увеличено было еще семейнымъ. Врачъ, съ которымъ все это случилось—былъ я самъ и потому я не склоненъ оспаривать клинической возможности бреда Норберта Ганольда о возвратившейся къ жизни Gradiv'ѣ. Каждому психіатру, наконецъ, извѣстно, что въ серьезныхъ случаяхъ хроническаго бредового помѣшательства (paranoia) больными выдумаются въ высшей степени остроумные, запутанные и хорошо обоснованные абсурды.

Послѣ первой встрѣчи съ Gradiv'ой, Норбертъ Ганольдъ идетъ въ обѣденное время пить вино сначала въ одинъ извѣстный ему въ Помпеѣ ресторанъ, а потомъ и въ другой. „Само собой разумѣется, что ему и въ голову не приходило безсмысленное предположеніе", что онъ поступаетъ такъ, чтобъ узнать, въ какой гостиницѣ живетъ и обѣдаетъ Gradiv'а. Но трудно сказать, какой иной смыслъ могъ бы имѣть этотъ его поступокъ. Въ день послѣ второго свиданія въ домѣ Мелеагра ему приходится пережить различныя удивительныя и, казалось бы, совершенно независимыя другъ

отъ друга событія: онъ находитъ узкую щель въ стѣнѣ портика, въ томъ мѣстѣ, гдѣ исчезла Gradiva; встрѣчаетъ глупаго охотника за ящерицами, который обращается къ нему, какъ къ знакомому; открываетъ третью, расположенную особнякомъ, гостиницу—„Albergo del Sole“, владѣлецъ которой навязываетъ ему позеленѣвшую пряжку, выдавая ее за находку, сдѣланную подлѣ отрытой дѣвушки; и, наконецъ, въ своей гостиницѣ, обращаетъ вниманіе на молодую новоприбывшую пару, которую принимаетъ за брата и сестру и которая вызываетъ его симпатію. Всѣ эти впечатлѣнія сплетаются позже въ „удивительно безсмысленное“ сновидѣніе, слѣдующаго содержанія:

„Гдѣ то на солнцепекѣ сидѣла Gradiv'а, сдѣлала изъ травы силокъ, чтобъ поймать ящерицу, и говоритъ: пожалуйста, не шевелись; коллега права, средство, дѣйствительно, хорошо, она уже примѣняла его съ полнымъ успѣхомъ“.

Еще во снѣ, онъ критически относится къ этому сновидѣнію видя въ немъ „полное сумасшествіе“ и безпокойно мечется, чтобъ отвязаться отъ него. Это удается ему съ помощью невидимой птицы, которая издаетъ короткій, похожій на смѣхъ, крикъ и уноситъ ящерицу въ своемъ клювѣ.

Стоитъ ли пробовать истолковать и это сновидѣніе, т. е. замѣнить его тѣми скрытыми мыслями, отъ искаженія которыхъ оно, должно быть, произошло? Оно такъ безсмысленно, какъ можетъ быть только сновидѣніе и этой-то обсурдностью сновидѣній и обосновывается главнымъ образомъ взглядъ, отрицающій за сновидѣніями значеніе цѣннаго психическаго акта и считающій ихъ слѣдствіемъ безпорядочнаго возбужденія психическихъ элементовъ. Къ этому сновидѣнію мы можемъ примѣнить тотъ техническій пріемъ, который можно считать правильнымъ для толкованія сновидѣній. Онъ состоитъ въ томъ, чтобы, пренебрегая кажущеюся связью между отдѣльными частями явнаго содержанія сновидѣнія, разсмотрѣть

каждую часть его въ отдѣльности и отыскать ея происхожденіе во впечатлѣніяхъ, воспоминаніяхъ и разныхъ, какъ бы случайно приходящихъ въ голову, мысляхъ того лица, которому данный сонъ приснился. Но, такъ какъ опросить Ганольда мы не можемъ, то намъ придется довольствоваться указаніями на разсказанныя поэтомъ впечатлѣнія его и вмѣсто свободно приходящихъ ему въ голову мыслей мы осмѣлимся осторожно подставить наши собственныя соображенія.

„Гдѣ то на солнцепекѣ сидитъ Gradiva, сдѣлала изъ травы силокъ, чтобъ поймать ящерицу и говоритъ“—какое дневное впечатлѣніе напоминаетъ эта часть сновидѣнія? Безъ сомнѣнія—встрѣчу съ пожилымъ господиномъ, охотникомъ за ящерицами, который въ сновидѣніи замѣненъ Gradiv'ой. Онъ лежалъ или сидѣлъ на ярко освѣщенномъ солнцемъ склонѣ и тоже заговорилъ съ Ганольдомъ. И слова Gradiv'ы въ сновидѣніи воспроизводятъ рѣчи этого господина. Стоитъ сравнить: „указанное коллегой Эймеромъ средство, дѣйствительно, хорошо; я ужъ много разъ примѣнялъ его съ хорошимъ успѣхомъ. Пожалуйста, не шевелитесь“. То же самое говоритъ и Gradiva въ сновидѣніи, только „коллега Эймеръ“ замѣненъ здѣсь неизвѣстной „коллегой“; также и слова „много разъ“ выпущены изъ рѣчи зоолога въ сновидѣніи и порядокъ словъ въ предложеніи нѣсколько измѣненъ. Такимъ образомъ кажется, что это переживаніе дня превращено въ сновидѣніе посредствомъ измѣненій и искаженій. Почему же измѣнено именно это впечатлѣніе и что означаетъ это искаженіе, эта замѣна стараго господина Gradiv'ой и появленіе загадочной „коллеги?“.

Существуетъ при толкованіи словъ одно правило, гласящее: всякая услышанная во снѣ рѣчь происходитъ отъ слышанной спящимъ во время бодрствованія рѣчи или же имъ самимъ произнесенной. Это правило здѣсь подтверждается; рѣчь Gradiv'ы представляетъ только слегка измѣненную рѣчь зоолога, слышанную въ теченіе дня. Другое правило

при толкованіи словъ гласитъ: замѣна одного лица другимъ, или же смѣсь изъ двухъ лицъ во снѣ, причемъ одно лицо изображено въ состояніи, характеризующемъ другое, обозначаетъ, что оба эти лица, въ извѣстномъ смыслѣ, равны, указываетъ на сходство между обоими. Если мы попробуемъ приложить и это правило къ нашему сновидѣнію, то получимъ такое толкованіе: Gradiva ловитъ ящерицъ, какъ старикъ, она умѣетъ ихъ ловить такъ же, какъ и онъ. Самъ по себѣ этотъ выводъ еще не понятенъ, но передъ нами стоитъ еще и другая загадка. Къ какому впечатлѣнію дня должны мы отнести слово „коллега", замѣняющее въ сновидѣніи знаменитаго зоолога Эймера? Здѣсь, къ счастью, у насъ нѣтъ слишкомъ большого выбора; только другая молодая дѣвушка можетъ быть этой коллегой—то есть та симпатичная молодая особа, которую Ганольдъ принимаетъ за путешествующую со своимъ братомъ сестру. „Къ ея платью была прикрѣплена красная соррентская роза, видъ которой разбудилъ въ глядящемъ изъ своего угла Ганольдѣ смутныя воспоминанія о чемъ то, чего онъ никакъ не могъ припомнить". Это замѣчаніе писателя даетъ намъ право считать эту молодую особу „коллегой" сновидѣнія. То, чего никакъ не могъ припомнить Ганольдъ, были, безъ сомнѣнія, сказанныя мнимой Gradiv'ой слова, въ то время какъ она попросила у него бѣлый могильный цвѣтокъ: болѣе счастливымъ дѣвушкамъ весной дарятъ розы. Но въ этихъ рѣчахъ скрывается ухаживаніе. Что же это за ловля ящерицъ, которая такъ хорошо удалась болѣе счастливой „коллегѣ?".

На слѣдующій день Ганольдъ застаетъ мнимыхъ брата и сестру въ нѣжныхъ объятіяхъ и убѣждается въ своей вчерашней ошибкѣ. Дѣйствительно, они оказались молодыми супругами, совершающими свадебное путешествіе, какъ мы это узнаемъ позже, когда они, такъ некстати, прерываютъ третье свиданіе Ганольда съ Зоей. Если мы допустимъ, что Ганольдъ,

сознательно считая эту пару братомъ и сестрой, безсознательно тотчасъ же понялъ ихъ дѣйствительное взаимоотношеніе, ставшее такъ очевиднымъ на слѣдующій день, то смыслъ рѣчи Gradiv'ы въ сновидѣніи получается вполнѣ опредѣленный. Красная роза становится символомъ любовныхъ отношеній; Ганольдъ понимаетъ, что тѣ двое уже представляютъ изъ себя то, чѣмъ ему и Gradiv'ѣ предстоитъ только сдѣлаться; охота за ящерицами принимаетъ значеніе охоты за мужемъ и слова Gradiv'ы означаютъ приблизительно: предоставь мнѣ только дѣйствовать; я такъ-же хорошо съумѣю словить себѣ мужа, какъ и та другая дѣвушка.

Почему же это пониманіе намѣреній Зои проявляется въ сновидѣніи въ формѣ рѣчи стараго профессора? Почему ловкость и умѣніе Зои словить себѣ мужа изображены въ видѣ ловли ящерицъ, практикуемой старымъ господиномъ? Теперь намъ легко отвѣтить на этотъ вопросъ; мы ужъ давно разгадали, что охотникъ за ящерицами—никто иной, какъ профессоръ зоологій Бертгангъ, отецъ Зои, которому, конечно, знакомъ былъ Ганольдъ: поэтому и вполнѣ понятно, что онъ заговорилъ съ Ганольдомъ, какъ со знакомымъ. Допустимъ опять, что безсознательно Ганольдъ тотчасъ же узналъ и его — „ему смутно помнилось, что этого охотника за ящерицами онъ уже видѣлъ однажды, вѣроятно въ одномъ изъ отелей“— и тогда объясняется странная форма, въ которую облекся замыселъ Зои. Она дочь охотника за ящерицами, у нея эта ловкость унаслѣдована отъ него.

Такимъ образомъ замѣна въ сновидѣніи охотника за ящерицами Gradiv'ой является изображеніемъ сознанныхъ въ безсознательномъ взаимоотношеній между этими двумя лицами. Введеніе загадочной коллеги вмѣсто „коллеги Эймера“ даетъ возможность выразить въ сновидѣніи пониманіе желанія Зои найти мужа.

Такимъ образомъ, сновидѣніе сплело, „сгустило“ какъ,

[illegible] говоритъ, два переживанія того дня въ одно положеніе, чтобы выразить, правда туманно, двѣ мысли которыя должны были остаться въ сферѣ безсознательнаго. Но мы можемъ пойти еще дальше, еще уменьшить странность сновидѣнія и указать вліяніе другихъ дневныхъ переживаній на образованіе его явнаго содержанія.

Мы имѣли бы основаніе выразить неудовольствіе по поводу того объясненія, которое до сихъ поръ получили: почему именно ловля ящерицъ, а не что либо иное сдѣлано центромъ сновидѣнія? Мы могли бы предположить, что еще и другіе элементы „мыслей сновидѣнія“, способствовали тому, чтобъ „ящерица“ особенно выдѣлилась въ „явномъ сновидѣніи“. Это, дѣйствительно, легко могло быть такъ. Вспомнимъ, что Ганольдъ нашелъ въ стѣнѣ, какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ ему казалось, исчезала Gradiv‘a, узкую щель, достаточную для того, чтобъ черезъ нее могла проскользнуть очень тонкая фигура. Благодаря этому новому открытію онъ принужденъ былъ въ этотъ день сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ построеніи своего бреда—именно, что Gradiv‘a, исчезая отъ его глазъ, не проваливается въ землю, а по этой дорогѣ направляется къ своей могилѣ. Въ своихъ безсознательныхъ мысляхъ онъ, пожалуй, могъ себѣ сказать, что теперь нашелъ естественное объясненіе удивительному исчезновенію дѣвушки. Но не можетъ ли способность пролезть и исчезнуть сквозь такую узкую щель напомнить о пріемахъ ящерицы? Не ведетъ ли себя при этомъ Gradiv‘a, какъ ловкая ящерица? Такимъ образомъ, думается намъ, открытіе этой щели въ стѣнѣ также имѣло вліяніе на выборъ элемента „ящерица“ въ явномъ содержаніи сновидѣнія и положеніе ящерицы въ сновидѣніи отражаетъ это впечатлѣніе дня также, какъ и встрѣчу съ зоологомъ, отцомъ Зои.

А если мы теперь, набравшись храбрости, попробуемъ найти и въ сновидѣніи отраженіе еще одного, не разсмотрѣн-

наго нами, дневного переживанія—обнаруженія Ганольдомъ третьей, ему неизвѣстной гостиницы „Albergo del Sole?“. Писатель такъ подробно описалъ этотъ эпизодъ и столько связалъ съ нимъ, что удивительно было бы, еслибъ именно онъ не участвовалъ въ образованіи сновидѣнія. Ганольдъ входитъ въ эту неизвѣстную ему, благодаря отдаленности отъ вокзала и изолированности, гостиницу для того, чтобъ спросить себѣ бутылку зельтерской воды противъ прилива крови къ головѣ. Хозяинъ пользуется случаемъ, расхваливаетъ ему имѣющіяся у него древности и показываетъ ему пряжку, принадлежавшую, по его словамъ, той молодой помпеянской дѣвушкѣ, которую отрыли вблизи Форума въ объятіяхъ ея возлюбленнаго. Ганольдъ, до сихъ поръ недовѣрчиво относившійся къ часто слышанному разсказу, теперь, подъ вліяніемъ какой то неизвѣстной ему силы, начинаетъ вѣрить въ правдивость этой трогательной исторіи и въ подлинность этой находки, пріобрѣтаетъ пряжку и покидаетъ гостиницу, унося свою покупку. Уходя онъ замѣчаетъ на одномъ изъ оконъ гостиницы свѣшивающуюся изъ стакана, усѣянную бѣлыми цвѣтами вѣтку асфодели, видъ которой кажется ему подтвержденіемъ подлинности его новаго пріобрѣтенія. И теперь имъ овладѣваетъ увѣренность, что зеленая пряжка принадлежала Gradiv'ѣ и что она и есть та дѣвушка, которая умерла въ объятіяхъ своего возлюбленнаго. Мучительную ревность, охватившую его при этомъ, онъ успокаиваетъ рѣшеніемъ показать на слѣдующій день эту пряжку Gradiv'ѣ—чтобъ убѣдиться, вѣрно ли это. Это вѣдь поистинѣ странная часть бредового новообразованія и неужели же въ сновидѣніи ближайшей ночи нѣтъ даже слѣда его вліянія?

Стоитъ потрудиться, чтобъ разобрать происхожденіе этого бредового образованія и найти новую часть безсознательнаго прозрѣнія, которое замѣнено было въ сознаніи этимъ бредовымъ образованіемъ. Бредъ этотъ зарождается благодаря

янію хозяина гостиницы „Солнца“, по отношенію къ которому Ганольдъ выказываетъ себя столь легковѣрнымъ, словно онъ находился подъ вліяніемъ внушенія со стороны этого человѣка. Хозяинъ показываетъ ему металлическую пряжку, якобы принадлежавшую молодой дѣвушкѣ, найденной подъ пепломъ въ объятіяхъ ея возлюбленнаго; и Ганольдъ, который могъ бы отнестись критически какъ къ правдоподобности самаго разсказа, такъ и къ подлинности пряжки, тотчасъ же вѣритъ и пріобрѣтаетъ болѣе чѣмъ сомнительную античную вещицу. Его поступокъ совершенно непонятенъ и нѣтъ никакихъ указаній, что личность самого хозяина могла бы объяснить намъ эту загадку. Но въ этомъ приключеніи встрѣчается еще одна загадка, а двѣ загадки часто разрѣшаютъ одна другую. Уходя изъ „Albergo del Sole“, Ганольдъ замѣчаетъ на одномъ изъ оконъ въ стаканѣ вѣтку асфодели и находитъ въ этомъ какъ бы подтвержденіе античной подлинности металлической пряжки. Какъ это могло быть? Это, къ счастью, легко разрѣшимо Бѣлый цвѣтокъ—-конечно тотъ самый, который онъ подарилъ въ полдень Gradiv‘ѣ—замѣченный Ганольдомъ на одномъ изъ оконъ гостиницы, является для него вполнѣ правильно подтвержденіемъ чего-то. Но, конечно, не подтвержденіемъ подлинности пряжки, а чего то другого, что дѣлается ему яснымъ съ момента обнаруженія этой, неизвѣстной ему до того, гостиницы. Уже наканунѣ онъ велъ себя такъ, какъ если бы искалъ въ обѣихъ гостиницахъ Помпеи мѣстожительство лица, появляющагося ему въ образѣ Gradiv‘ы. И когда теперь, совершенно неожиданно, натолкнулся онъ на третью гостиницу, въ безсознательныхъ мысляхъ его должно было появиться: „итакъ здѣсь живетъ она“; и, уходя, онъ долженъ былъ сказать себѣ: — „совершенно вѣрно; вотъ и цвѣтокъ, который я далъ ей; это, значитъ, ея окно“. Это было то новое прозрѣніе, которое замѣнено новымъ бредовымъ обра-

зованіемъ; оно не можетъ дойти до сознанія, такъ какъ необходимое для того условіе—мысль, что Gradiv'а живая и знакомая Ганольду особа, не можетъ стать сознательной.

Какимъ же образомъ могло это новое прозрѣніе быть замѣнено въ сознаніи бредомъ? Мнѣ представляется это такимъ образомъ: чувство убѣжденности, связанное съ прозрѣніемъ, укрѣпилось и сохранилось, въ то время, какъ мысль неспособная дойти до сознанія, была замѣнена другимъ, ассоціативно связаннымъ съ нею, представленіемъ. Такимъ образомъ, чувство убѣжденности соединяется съ совершенно чуждымъ ему содержаніемъ и это послѣднее, въ бредовой формѣ, получаетъ совсѣмъ не подобающее ему значеніе и вѣсъ. Ганольдъ переноситъ свое убѣжденіе въ томъ, что Gradiv'а живетъ въ домѣ на другія впечатлѣнія, полученныя имъ въ этомъ же домѣ; онъ вѣритъ, благодаря этому, словамъ хозяина гостиницы, анекдотическому разсказу объ объятіяхъ вырытой влюбленной парочки и въ подлинность пряжки. Но все это случается только благодаря тому, что все, въ этомъ домѣ слышанное, онъ приводитъ въ связь съ Gradiv'ой. Дремавшая въ немъ ревность просыпается, овладѣваетъ всѣми этими впечатлѣніями, и, вопреки даже содержанію его перваго сновидѣнія, образуетъ новый бредъ: Gradiv'а и есть та, умершая въ объятіяхъ любовника, дѣвушка и ей принадлежала эта, купленная имъ, металлическая пряжка.

Мы должны обратить вниманіе на то, что разговоръ съ Gradiv'ой и ея слабая попытка увлечь Ганольда, выразившаяся въ разговорѣ о цвѣтахъ, повели уже къ важнымъ перемѣнамъ въ Ганольдѣ. Въ немъ разбужены желанія мужчины, компоненты любовной страсти, которые, правда, не могутъ еще проявиться, не прикрываясь сознательными разумными предлогами. Но проблема о „физическихъ свойствахъ" Gradiv'ы, преслѣдующая Ганольда цѣлый день, явно имѣетъ своимъ источникомъ эротическій интересъ юноши къ женскому

тему, хотя сознательнымъ подчеркиваніемъ страннаго витанія Gradiv'ы между жизнью и смертью онъ старается поднять эту проблему до степени научнаго вопроса.

Ревность есть дальнѣйшее доказательство пробуждающейся любовной активности Ганольда; онъ проявляетъ ее въ началѣ разговора слѣдующаго дня и, при помощи новаго предлога, ему удается прикоснуться къ дѣвушкѣ и ударить ее, какъ это бывало въ давно прошедшее время.

Теперь можно спросить себя: извѣстенъ-ли и вообще возможенъ-ли такой, предполагаемый нами на основаніи описанія писателя, способъ образованія бреда? Наши медицинскія познанія и опыты говорятъ за то, что это, безусловно, правильный, возможно, даже единственный способъ, благодаря которому бредовая идея становится тѣмъ непоколебимымъ убѣжденіемъ, которымъ она клинически характеризуется. Если больной такъ глубоко вѣритъ въ свой бредъ, то это происходитъ не изъ-за извращенія его способности сужденія, и относится эта увѣренность вовсе не къ тому, что составляетъ его бредовое заблужденіе. Во всякомъ бредѣ кроется частица правды, кое-что заключается въ немъ, что, дѣйствительно, заслуживаетъ вѣру, и оно-то и есть источникъ, до извѣстной степени, справедливой убѣжденности больного въ вѣрности его бредовыхъ идей. Но эта правда была долгое время вытѣснена; когда ей, наконецъ, удается дойти до сознанія въ искаженномъ уже видѣ, то, какъ бы въ вознагражденіе, сопровождающее ее чувство убѣжденія особенно сильно. Это чувство сопровождая то, что, въ искаженной формѣ, замѣщаетъ въ сознаніи правду, служитъ для него защитой противъ всякаго критическаго возраженія. Чувство убѣжденности „смѣщается" съ безсознательной правды на связанное съ нимъ сознательное заблужденіе и фиксируется на послѣднемъ, благодаря этому именно „смѣщенію". Бредовое образованіе, которое послѣдовало за пер-

вымъ сновидѣніемъ Ганольда, есть ничто иное, какъ подобный же, или даже тождественный примѣръ такого „смѣщенія“. Описанный способъ образованія убѣжденія при бредѣ не отличается радикально отъ того, какъ образуются убѣжденія въ нормальномъ случаѣ, гдѣ не играетъ роли вытѣсненіе. У насъ всѣхъ чувство убѣжденности сопровождаетъ такія сужденія, въ которыхъ истина перемѣшана съ заблужденіемъ, и мы даемъ этому чувству убѣжденности перейти съ первой на второе. Оно, это чувство убѣжденности, какъ бы просасывается съ вѣрнаго на связанное съ нимъ ассоціативно ложное и служитъ послѣднему защитой,—правда не столь непоколебимой, какъ при бредовыхъ явленіяхъ,—противъ заслуженной критики.

Теперь я хочу вернуться къ сновидѣнію и отмѣтить въ немъ небольшую, но интересную черту, которая служитъ связью между двумя событіями, послужившими поводомъ къ этому сну. Gradiv‘а отмѣтила извѣстную противоположность между бѣлымъ цвѣтомъ асфодели и красной розой; обнаруженіе этой асфодели на окнѣ Albergo des Sole является важнымъ подтвержденіемъ безсознательныхъ мыслей Ганольда и это выражается въ новой части бреда; къ этому присоединяется еще то, что красная роза на платьѣ молодой симпатичной дѣвушки помогаетъ Ганольду въ безсознательномъ опредѣлить правильно ея отношеніе къ ея спутнику и благодаря этому она можетъ выступить въ сновидѣніи Ганольда въ роли „коллеги“.

Но въ какой же части явнаго содержанія сновидѣнія кроется указаніе на новое открытіе Ганольда, замѣненное новымъ бредовымъ образованіемъ,—открытіе, что Gradiv‘а съ отцомъ живутъ въ третьей, отдаленной гостиницѣ Помпеи—„Aldergo del Sole“? Это указаніе имѣется въ сновидѣніи и даже не въ очень измѣненномъ и скрытомъ видѣ; только я не рѣшаюсь указать на него, такъ какъ

знаю, что это толкованіе мое вызоветъ возраженія даже со стороны наиболѣе терпѣливыхъ изъ моихъ читателей. Открытіе Ганольда, повторяю я, имѣется въ явномъ содержаніи сновидѣнія, вполнѣ въ немъ выражено, но такъ ловко скрыто, что его непремѣнно проглядишь. Оно отмѣчено игрою словъ, двусмысленностью ихъ толкованія. „Гдѣ-то на солнцепекѣ сидитъ Gradiva“*)—это выраженіе мы вполнѣ основательно отнесли къ мѣсту, на которомъ Ганольдъ встрѣтилъ ея отца зоолога. Но не должно ли это также означать: въ „Солнцѣ“, т. е. въ „Albergo del Sole“, въ гостиницѣ „Солнце“ живетъ Gradiva? И не звучитъ ли это „гдѣ-то“, неимѣющее отношенія ко встрѣчѣ съ отцомъ, какъ разъ потому такъ притворно неопредѣленно, что оно содержитъ опредѣленное указаніе на мѣстопребываніе Gradiv'ы? На основаніи моего прежняго опыта въ толкованіи дѣйствительныхъ сновидѣній, я увѣренъ въ правильности такого пониманія символическихъ образованій. Но все же я не осмѣлился бы изложить моимъ читателямъ эту часть моихъ толкованій, если бы самъ писатель не пришелъ мнѣ въ этомъ на помощь. На слѣдующій день, когда Ганольдъ показываетъ Gradiv'ѣ пряжку, писатель вкладываетъ въ уста дѣвушки ту-же самую игру словъ, которою мы пользуемся для толкованія этой части сновидѣнія. „Не нашелъ ли ты ее на „Солнцѣ“, оно производитъ многое въ этомъ родѣ“. И такъ какъ Ганольдъ не понимаетъ ее, то она объясняетъ ему, что думаетъ „гостиницу Солнца“, которую здѣсь называютъ просто „Sole“; оттуда ей знакома и эта, якобы выкопанная, вещь.

А теперь мы могли бы рискнуть замѣнить „удивительно безсмысленное“ сновидѣніе Ганольда скрытыми въ немъ совершенно на него непохожими безсознательными мыслями

---

*) Прим. Въ нѣмецкомъ текстѣ выраженіе „in der Sonne“ можно понимать двусмысленно: „на солнцепекѣ“ и въ „Солнцѣ“, въ гостиницѣ „Солнце“. *Прим. редакціи.*

его, приблизительно въ такомъ родѣ: „Вѣдь она живетъ со своимъ отцомъ въ гостиницѣ „Солнца"—для чего же ведетъ она со мной такую игру? Насмѣхается ли она надо мной или же возможно, что она меня любитъ и хочетъ за меня выйти замужъ?".—На эту послѣднюю возможность получается еще во снѣ отрицательный отвѣтъ—„вѣдь это чистѣйшее сумашествіе",—который будто бы, относится ко всему явному содержанію сновидѣнія.

Критически настроенные читатели имѣютъ право освѣдомиться на какомъ основаніи сдѣлано совершенно недоказанное прибавленіе, заключающееся въ предположеніи, что Gradiva высмѣиваетъ Ганольда. По этому поводу „Traumdeutung" говоритъ: если въ мысляхъ сновидѣнія заключаются насмѣшка, издѣвательство, злое противорѣчіе, то они выражаются въ абсурдности и безсмысленности формы явнаго сновидѣнія. Послѣдняя означаетъ не ослабленіе психической дѣятельности, а служитъ однимъ изъ средствъ изображенія, которыми пользуется „работа сновидѣнія" *). Здѣсь, какъ и во всѣхъ очень трудныхъ мѣстахъ, писатель приходитъ къ намъ на помощь. Безсмысленное сновидѣніе имѣетъ короткое послѣсловіе, заключающееся въ томъ, что какая-то птица издаетъ похожій на смѣхъ крикъ и уноситъ ящерицу въ своемъ клювѣ. Такой же, похожій на смѣхъ, крикъ слышалъ уже Ганольдъ вслѣдъ за исчезновеніемъ Gradiv'ы. Его въ самомъ дѣлѣ издала Зоя, которая съ этимъ смѣхомъ сбрасывала съ себя мрачную серьезность роли загробнаго существа. Gradiv'а въ самомъ дѣлѣ высмѣяла нашего героя. А картина сновидѣнія, изображающая, какъ ящерица уноситъ птицу, можетъ напомнить о другомъ, прежнемъ сновидѣніи, во время котораго Аполлонъ бельведерскій унесъ капитолійскую Венеру.

*) Т. е. та психическая работа во время сна, результатомъ которой является сновидѣніе. *Прим. редакціи.*

Можетъ быть у нѣкоторыхъ читателей осталось впечатлѣніе, что объясненіе картины ловли ящерицъ мыслью объ ухаживаніи недостаточно обосновано. Пусть, въ такомъ случаѣ, подтвержденіемъ этому послужитъ указаніе, что, въ своемъ разговорѣ съ подругой, Зоя сама сознается въ томъ, въ чемъ безсознательно подозрѣваетъ ее Ганольдъ. Она говоритъ, что она была убѣждена, что „откопаетъ" себѣ въ Помпеѣ что-нибудь интересное. Этимъ она заходитъ въ область археологическихъ представленій такъ-же какъ и Ганольдъ, сравненіемъ съ ловлей ящерицъ, переходитъ въ область зоологіи. Словно они оба стремятся другъ другу навстрѣчу и каждый изъ нихъ хочетъ присвоить себѣ особенности и черты другого.

Такимъ образомъ, мы закончили толкованіе и этого второго сновидѣнія. Оба сдѣлались доступными нашему пониманію благодаря предположенію, что спящій, въ своемъ безсознательномъ мышленіи, зналъ все, что въ сознательномъ онъ позабылъ, вѣрно судилъ въ первомъ о томъ, что во второмъ онъ, въ безуміи своемъ, не сознавалъ.

При этомъ намъ пришлось, правда, высказывать нѣкоторыя положенія, которыя, будучи чуждыми читателю, звучали для него странно и, возможно, вызывали часто подозрѣнія, что мы выдавали за мысли писателя то, что было нашими собственными мыслями. Мы готовы сдѣлать все, чтобы разсѣять это подозрѣніе и поэтому подробнѣе разсмотримъ одно изъ наиболѣе рискованныхъ мѣстъ, напримѣръ толкованіе двусмысленныхъ рѣчей и словъ: „гдѣ-то на солнцепекѣ сидитъ Gradiv'а".

Каждый читатель „Gradiv'ы" легко можетъ замѣтить, какъ часто писатель вкладываетъ въ уста главныхъ своихъ героевъ рѣчи, допускающія двоякаго рода толкованія. Свои рѣчи Ганольдъ произноситъ въ прямомъ смыслѣ и только на собесѣдницу его, Gradiv'у, они производятъ впечатлѣніе ино-

сказательныхъ. Такъ, напр., когда, послѣ перваго ея отвѣта, онъ восклицаетъ: „я зналъ, что такъ звучитъ твой голосъ“, неосвѣдомленная еще Зоя вынуждена спросить его, какимъ образомъ это возможно,—онъ, вѣдь, не слыхалъ еще ея голоса. При второмъ ихъ разговорѣ дѣвушка на минуту сбита съ толку бредомъ Ганольда, такъ какъ онъ утверждаетъ, что тотчасъ узналъ ее. Она, должно быть, понимаетъ эти слова въ томъ смыслѣ, въ какомъ они и были правильны въ его безсознательномъ—какъ подтвержденіе ихъ знакомства еще съ дѣтства; а между тѣмъ Ганольдъ, разумѣется, не знаетъ совершенно этого значенія своихъ словъ и объясняетъ ихъ только въ связи со своимъ бредомъ. Рѣчи же молодой дѣвушки, въ лицѣ которой разумъ и духовная ясность противопоставлены бреду, произносятся намѣренно такъ, чтобъ звучали двусмысленно. Одинъ смыслъ ихъ приноровленъ къ бреду Ганольда, для того, чтобы они могли проникнуть въ сознательныя его мысли, другой поднимается надъ бредомъ и, обыкновенно вполнѣ правильно, объясняетъ замѣщенную бредомъ безсознательную правду. И это изображеніе въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ и правда и бреды чрезвычайно остроумно.

Полной такого двоякаго смысла является и рѣчь Зои, въ которой она излагаетъ подругѣ своей положеніе дѣлъ и въ то-же время избавляется отъ ея общества; рѣчь эта, собственно говоря, произносится скорѣе для читателей, чѣмъ для счасливой подруги. Въ разговорахъ съ Ганольдомъ двойной смыслъ рѣчей обусловливается тѣмъ, что Зоя употребляетъ тѣ-же символы, какіе мы находимъ въ первомъ сновидѣніи Ганольда: она сравниваетъ вытѣсненіе съ погребеніемъ, Помпею съ дѣтствомъ. Благодаря этому, она остается въ своихъ рѣчахъ, съ одной стороны, вѣрной той роли, которую ей приписываетъ бредъ Ганольда; съ другой же стороны, касается въ нихъ дѣйствительныхъ обстоятельствъ и

будитъ въ безсознательномъ Ганольда пониманіе этихъ обстоятельствъ.

„Я ужъ давно привыкла къ мысли, что я мертва“— „Изъ твоихъ рукъ—цвѣтокъ забвенія самый для меня подходящій“. Въ этихъ рѣчахъ тихо звучитъ упрекъ, ясно выраженный въ ея послѣдней отповѣди, въ которой она сравниваетъ Ганольда съ археоптериксомъ. „Нужно сначала умереть для того, чтобы потомъ ожить снова. Но для археологовъ это необходимо“—говоритъ она предательски послѣ разрѣшенія бреда, какъ бы для того, чтобы дать ключъ къ своимъ двусмысленнымъ рѣчамъ. Но лучше всего удается ей примѣненіе ея символики въ вопросѣ: „Мнѣ кажется, будто уже двѣ тысячи лѣтъ назадъ мы такъ вмѣстѣ завтракали. Не можешь-ли ты припомнить этого?“. Въ вопросѣ совершенно ясны замѣна историческаго прошлаго дѣтствомъ и стремленіе разбудить воспоминанія о послѣднемъ.

Но откуда происходитъ это удивительное предпочтеніе двусмысленныхъ рѣчей въ „Gradiv'ѣ“. Намъ это кажется не случайностью, а необходимымъ слѣдствіемъ, вытекающимъ изъ предпосылокъ, на которыхъ построенъ разсказъ. Это ничто иное, какъ параллель къ двоякой детерминаціи симптомовъ—по скольку сами рѣчи являются симптомами, происходящими изъ компромиссовъ между сознательнымъ и безсознательнымъ. Въ рѣчахъ легче, чѣмъ въ поступкахъ уловить это двоякое происхожденіе. И если удается—что часто бываетъ легко благодаря гибкости матеріала рѣчи— дать въ тѣхъ же словахъ хорошее выраженіе двоякому намѣренію этой рѣчи, то получается такъ называемая „двусмысленность“:

Въ время психотерапевтическаго леченія какого-либо бреда или же аналогичнаго заболѣванія у больного часто развивается способность прибѣгать къ такимъ двусмысленнымъ рѣчамъ, являющимся какъ бы скоро преходящими симптомами.

Иногда приходится и врачу пользоваться ими, при чемъ нерѣдко этими рѣчами, имѣющими опредѣленный смыслъ для сознанія больныхъ, врачъ вызываетъ у нихъ пониманія того, что скрывается въ ихъ безсознательномъ. Я знаю изъ опыта, что это значеніе двусмысленныхъ рѣчей вызываетъ въ непосвященныхъ самыя большія возраженія и даетъ поводъ къ большимъ недоразумѣніямъ. Но писатель былъ правъ, изобразивъ въ своемъ произведеніи и эту характерную черту образованія бреда и сновидѣній.

IV.

Съ появленіемъ Зои въ роли врача, у насъ возникаетъ какъ мы ужъ сказали, новый интересъ къ ходу разсказа. А теперь очень любопытно было бы узнать, понятно ли и вообще возможно ли такое излеченіе, какое произошло съ Ганольдомъ благодаря стараніямъ Зои, и такъ же ли правильно замѣтилъ писатель условія, необходимыя для исчезновенія бреда, какъ и для его образованія.

Здѣсь, безъ сомнѣнія, намъ возразятъ что такого спеціальнаго интереса въ изображенномъ писателемъ случаѣ нѣтъ, и нѣтъ поэтому надобности въ разрѣшеніи подобной проблемы. Ганольду, молъ, ничего иного и не остается сдѣлать, какъ отказаться отъ своего бреда, послѣ того, какъ объектъ его бреда, мнимая Gradiv'а, убѣждаетъ его въ неправильности всѣхъ его вымысловъ и даетъ самыя естественныя объясненія всему загадочному, такъ, напр. указываетъ ему, откуда она знаетъ его имя. Этимъ логически исчерпывалось бы все; но такъ какъ дѣвушка вмѣстѣ съ тѣмъ признается ему еще въ любви, то писатель и заканчиваетъ свой, и безъ того интересный, разсказъ счастливой свадьбой, къ удовольствію, разумѣется, своихъ читательницъ. Болѣе послѣдовательнымъ и столь же возможнымъ былъ бы другой конецъ — а именно: молодой ученый, понявъ свое

заблужденіе, поблагодарилъ бы молодую особу и ушелъ бы отъ нея, отвергнувъ ея любовь подъ тѣмъ предлогомъ, что его интересуютъ только античныя женщины изъ камня и бронзы или же ихъ оригиналы, еслибы общеніе съ ними было возможно; современной же живой настоящей женщины онъ знать не хочетъ. Археологическую фантазію свою писатель совершепно произвольно связалъ съ романтической исторіей.

Отвергая такой взглядъ, какъ невозможный, мы теперь лишь замѣчаемъ, что происшедшая съ Ганольдомъ перемѣна состоитъ не только въ отказѣ его отъ бреда. Одновременно, и даже до разрѣшенія послѣдняго въ немъ несомнѣнно пробуждается потребность въ любви, которая, понятно, кончается ухаживаніемъ за дѣвушкой освободившей его отъ бреда. Мы уже отмѣтили подъ какими предлогами и въ какой скрытой формѣ проявляются въ немъ еще раньше, вмѣстѣ съ бредомъ, любопытство къ ея тѣлесному строенію, ревность и мужественныя и грубыя желанія обладать ею, послѣ того, какъ вытѣсненное любовное томленіе создаетъ его первое сновидѣніе. Припомнимъ далѣе, какъ въ вечеръ послѣ второго разговора съ Gradiv'ой, впервые живой женскій образъ кажется ему симпатичнымъ, хотя, уступая еще прежнему отвращенію къ путешествующимъ новобрачнымъ, онъ отказывается признать за таковыхъ эту ему симпатичную молодую женщину и ея спустника. На слѣдующее утро, однако, онъ дѣлается случайнымъ свидѣтелемъ обмѣна нѣжностей между этой молодой женщиной и ея мнимымъ братомъ и тогда онъ быстро удаляется, какъ еслибы помѣшалъ священнодѣйствію. Забыты насмѣшки надъ „Августомъ" и „Гретой", проснулось уваженіе къ любви. — но любви иного сорта, чем у

Такимъ образомъ, писатель тѣсно связалъ освобожденіе Ганольда отъ бреда съ пробужденіемъ въ немъ потребности въ любви и подготовилъ, какъ необходимый выходъ, лю-

бовную побѣду. Писателю знакома сущность бредовыхъ явленій лучше, чѣмъ его критикамъ; онъ знаетъ, что компоненты любовной тоски, соединяясь съ компонентами сопротивленія ей, способствуютъ образованію бреда, и онъ заставляетъ молодую дѣвушку взявшуюся за леченіе, почувствовать въ бредѣ Ганольда пріятные ей компоненты любви. Только пониманіе этого, его любви къ ней, могло Зою заставить посвятить себя его леченію, только увѣренность въ томъ, что и она любима, побуждаетъ ее признаться ему въ своей любви. Леченіе состоитъ въ томъ, чтобъ дать ему снова извнѣ тѣ вытѣсненныя воспоминанія, которыхъ онъ въ душѣ возстановить самъ не можетъ. Но леченіе это не принесло бы никакой пользы, еслибы лечившая его не обратила вниманія на его чувства и еслибы толкованіе бреда, въ концѣ концовъ, не гласило: смотри, это все значитъ только то, что ты меня любишь!

Пріемы, которыми писатель заставляетъ пользоваться свою Зою для излеченія отъ бреда ея друга дѣтства, очень схожи или, вѣрнѣе, по существу своему тождественны съ однимъ терапевтическимъ методомъ, введеннымъ въ медицину въ 1895 году д-ромъ Брейеромъ и авторомъ предлагаемой книги, и усовершенствованію котораго послѣдній съ тѣхъ поръ посвятилъ себя. Этотъ методъ леченія названъ сначала Брейеромъ „катартическимъ“, а авторомъ этого очерка—аналитическимъ. Онъ состоитъ въ томъ, что у больныхъ, заболѣванія которыхъ сходны съ бредомъ Ганольда, стараются, въ извѣстной степени насильно, вернуть въ сознаніе то безсознательное, вытѣсненіе котораго и было причиной заболѣванія—точно такъ, какъ это дѣлаетъ Gradiva съ вытѣсненными у Ганольда воспоминаніями объ ихъ отношеніяхъ въ дѣтствѣ. Правда, что выполнить эту задачу Gradiv'ѣ несравненно легче, чѣмъ врачу, во многихъ отношеніяхъ она находится при этомъ въ идеальныхъ условіяхъ. Врачъ, ко-

торый сначала не видитъ насквозь души своего больного и не располагаетъ въ своемъ сознаніи тѣми воспоминаніями, которыя живутъ и работаютъ безсознательно у паціента его, долженъ прибѣгнуть къ сложнымъ техническимъ пріемамъ, чтобы восполнить этотъ пробѣлъ. Онъ долженъ научиться, на основаніи разсказовъ и всякихъ самовольно приходящихъ больному въ голову мыслей, судить съ увѣренностью о вытѣсненномъ, распознать безсознательное, когда оно проявляется въ сознательныхъ заявленіяхъ и поступкахъ больного. Онъ тогда дѣлаетъ то же, что дѣлаетъ въ концѣ Ганольдъ— объясняя имя „Gradiva“ какъ переводъ имени Бертгангъ. Вызванное нарушеніе душевной жизни исчезаетъ тогда, когда въ сознаніи возстанавливаются вызвавшія его причины; анализъ приноситъ одновременно и выздоровленіе.

Сходство между пріемами Gradiv‘ы и аналитическимъ методомъ психотерапіи не ограничивается двумя данными пунктами — приведеніемъ въ сознаніе вытѣсненнаго и совпаденіемъ яснаго пониманія съ излеченіемъ; оно распространяется также и на самое главное въ происшедшей съ объектомъ леченія перемѣнѣ — на пробужденіе въ немъ чувствъ. Всякое аналогичное бреду Ганольда психическое нарушеніе, которое мы въ наукѣ называемъ психо-неврозомъ, обусловлено вытѣсненіемъ части жизненныхъ инстинктовъ и влеченій, или скажемъ смѣло,—любовнаго влеченія. И при каждой попыткѣ ввести въ сознаніе безсознательную и вытѣсненную причину заболѣванія, соотвѣтствующее влеченіе обязательно пробуждается и вступаетъ въ новую борьбу съ подавлявшими ее силами, чтобы въ конечномъ результатѣ сравниться съ ними; и часто эта борьба сопровождается сильнымъ реактивнымъ возбужденіемъ. При помощи любовнаго рецидива происходитъ излеченіе— если подъ „любовью“ подразумѣвать всѣ разнообразные компоненты сексуальнаго влеченія—и этотъ рецидивъ неизбѣженъ, такъ какъ тѣ симптомы, изъ-за которыхъ

начато было леченіе являются ничѣмъ инымъ, какъ осадками прежней душевной борьбы между вытѣсненіемъ и рвущимися въ сознаніе воспоминаніями. Симптомы эти могутъ быть уничтожены только новымъ потокомъ тѣхъ же страстей. Всякое психоаналитическое леченіе представляетъ попытку освободить подавленную любовь, нашедшую себѣ жалкій компромиссный выходъ въ симптомѣ болѣзни; и вѣрность изображеннаго писателемъ хода выздоровленія въ его „Gradiv'ѣ“ достигаетъ своего максимума, если принять во вниманіе, что и при аналитическомъ леченіи проснувшаяся страсть, будь то любовь или ненависть, всегда избираетъ своимъ объектомъ личность врача.

Но тутъ, правда, начинается отличіе, благодаря которому случай Gradiv'ы является идеаломъ, какого врачебная техника достичь не можетъ: Gradiv'а можетъ отвѣтить любовью на любовь Ганольда, рвущуюся изъ его безсознательнаго въ сознаніе, а врачъ не можетъ этого сдѣлать. Gradiv'а была сама объектомъ прежней вытѣсненной любви, ея особа представляетъ для вновь освобожденной страсти желанную цѣль. Врачъ же былъ раньше чужимъ для больного и долженъ стремиться къ тому, чтобъ стать для выздоровѣвшаго снова чужимъ; врачъ часто не знаетъ, какой совѣтъ дать излеченнымъ для примѣненія въ жизни вновь пріобрѣтенной ими способности любить. Я не стану описывать какими средствами и суррогатами пользуется врачъ, чтобъ болѣе или менѣе приблизиться къ тому образцу излеченія при помощи любви, какое изобразилъ намъ поэтъ— это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей задачи.

А теперь еще послѣдній вопросъ, отвѣтъ на который мы уже нѣсколько разъ откладывали. Наши взгляды на вытѣсненіе, происхожденіе бреда и родственныхъ ему психическихъ нарушеній, на образованіе и объясненіе сновидѣній, на роль любовной жизни и на способы леченія такихъ

заболѣваній, ни въ коемъ случаѣ не являются общепризнанными въ наукѣ,—не говоря о незнакомствѣ съ ними образованныхъ не спеціалистовъ. И если проникновеніе, давшее поэту возможность такъ создать свою „фантастическую исторію“, что мы могли разобрать ее, какъ настоящую исторію болѣзни, основано на научномъ знаніи—то намъ очень любопытно знать его источники. Одно лицо изъ того кружка, который, какъ мы уже сказали вначалѣ, заинтересовался сновидѣніями „Gradiv‘ы“ и ихъ толкованіемъ, обратилось прямо къ поэту съ вопросомъ: зналъ ли онъ хоть что-нибудь о такъ похожихъ на его описаніе научныхъ теоріяхъ? Поэтъ отвѣтилъ—какъ это и можно было ожидать—отрицательно и даже съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ. Его фантазію внушила ему сама „Gradiv‘a“, доставившая ему наслажденіе; кому она не нравится пусть оставитъ ее въ покоѣ. Онъ и не подозрѣвалъ, какъ сильно понравилась она читателямъ.

Очень легко можетъ статься, что отрицаніе поэта этимъ не ограничивается. Можетъ быть, онъ вообще отрицаетъ, что зналъ психологическіе законы, соблюденіе которыхъ мы указали въ его произведеніи и отказывается отъ всѣхъ тѣхъ намѣреній, которыя мы открыли въ его произведеніи. Я не считаю этого невѣроятнымъ; но тогда возможны только два случая. Либо мы написали настоящую каррикатуру на толкованіе, вкладывая тенденціи въ самое невинное художественное произведеніе, тенденціи, о которыхъ самъ поэтъ не имѣлъ никакого понятія. Въ такомъ случаѣ мы снова доказали, какъ легко найти то, чего ищешь и чѣмъ заполненъ самъ;—такихъ примѣровъ имѣется много въ исторіи литературы. Пусть читатель самъ разберется, можетъ ли онъ присоединиться къ этому предположенію. Мы же, вполнѣ понятно, держимся другой точки зрѣнія. Мы полагаемъ, что поэту вовсе и не нужно знать такихъ правилъ и намѣреній, что онъ по чистой совѣсти можетъ ихъ отрицать и что мы, тѣмъ не менѣе, не нашли въ

его произведенiи ничего такого, чего бы въ немъ не заключалось. Вѣроятно мы черпаемъ оба изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ, обрабатываемъ одинъ и тотъ же предметъ, но каждый другимъ методомъ. И сходство въ результатахъ полученныхъ обоими говоритъ за то, что оба правильно работали. Нашъ трудъ состоитъ въ сознательномъ наблюденiи надъ неправильными душевными процессами у другихъ для того, чтобы уловить въ нихъ законы и формулировать ихъ. Поэтъ же идетъ инымъ путемъ: онъ сосредоточиваетъ вниманiе свое на безсознательномъ собственной души, прислушивается къ возможному развитiю этого безсознательнаго и придаетъ ему художественную форму, вмѣсто того, чтобъ сознательно и критикой подавить его. Такимъ образомъ познаетъ онъ изъ самонаблюденiя то, чему насъ учатъ наблюденiе надъ другими т. е. по какимъ законамъ совершается работа безсознательнаго. Но ему не нужно формулировать эти законы, и даже не необходимо ему ясно сознавать ихъ.—Они воплотились въ его творенiяхъ, вслѣдствiе терпимости его разума. Мы открываемъ эти законы анализомъ его произведенiй подобно тому, какъ мы находимъ ихъ въ случаяхъ реальныхъ заболѣванiй. Но одинъ выводъ неоспоримъ: либо оба — и поэтъ и врачъ одинаково не поняли безсознательнаго, либо мы оба правильно поняли его. Это заключенiе для насъ очень цѣнно; ради него одного стоило изслѣдовать врачебнымъ психо-аналитическимъ методомъ описанiе образованiя и излеченiя бреда и сновидѣнiй Iенсеновской „Gradiv‘ы“.

Мы кончили: но внимательный читатель могъ бы намъ напомнить, что вначалѣ мы замѣтили, что сновидѣнiе воплощаетъ въ себѣ исполненiе желанiй—и не доказали этого. Мы отвѣчаемъ, что наше изложенiе показываетъ, какъ неправильно было бы ограничить одной формулой—сновидѣнiе есть исполненiе желанiй—всѣ тѣ объясненiя, которыя мы могли бы дать по поводу сновидѣнiй. Но утвержденiе

Также правильно и его легко доказать и по отношенію къ сновидѣніямъ „Gradiv'ы“. Скрытыя мысли сновидѣній—мы ужъ знаемъ, что подъ этимъ подразумывается—могутъ быть различныхъ видовъ; въ „Gradiv'ѣ“ онѣ—„остатки дневныхъ впечатлѣній“, мысли оставшіяся несознанными и неуясненными душевной работой во время бдѣнія. Но для того, чтобы изъ нихъ образовалось сновидѣніе, требуется содѣйствіе какого-нибудь, большей частью безсознательнаго, желанія; послѣднее является двигательной силой для образованія сновидѣнія, остатки же дневныхъ впечатлѣній даютъ матеріалъ для него. Въ созданіи перваго сновидѣнія Ганольда, конкуррируютъ два желанія. Одно—можетъ дойти до сознанія; другое принадлежитъ безсознательному и дѣйствуетъ несмотря на вытѣсненіе. Первое—естественное у всякаго археолога желаніе быть свидѣтелемъ катастрофы 79 года. На какую жертву не пойдетъ изслѣдователь древности, чтобъ воплотить это желаніе не только во снѣ! Другое желаніе, другой рычагъ сновидѣнія—эротическаго характера; его можно формулировать въ грубой и неполной формѣ, какъ желаніе присутствовать при томъ, какъ возлюбленная ложится спать. Его то отклоненіе и дѣлаетъ сновидѣніе кошмаромъ. Меньше бросаются въ глаза, быть можетъ, желанія вызвавшія второе сновидѣніе. Но если мы вспомнимъ его толкованіе, то не замедлимъ признать ихъ тоже эротическими. Это—желаніе быть пойманнымъ своей возлюбленной, подчиниться и покориться ей. Это желаніе можно предположить у Ганольда, благодаря положенію ловли ящерицъ; оно имѣетъ, въ сущности, пассивный, мазохистскій характеръ. На слѣдующій день герой бьетъ свою возлюбленную, какъ бы находясь подъ вліяніемъ противоположнаго эротическаго теченія. Но здѣсь мы должны остановиться, не то мы, дѣйствительно, можемъ позабыть, что Ганольдъ и Gradiva только созданія фантазіи писателя.